

Еремей Парнов.

Пагода благоуханий

СБОРНИК "МИР ПРИКЛЮЧЕНИЙ", 1978

Лето падения Парижа тысяча девятьсот сороковое было отмечено цветением миртов. В старинном вьетнамском месяцеслове на этот год сошлись знаки Металла и Дракона. Ему сопутствовала мужская стихия, которой противостоял мирт - цветок любви и смерти.

х х х

Фюмроля разбудил жестяной шелест цикад. Он испуганно встрепенулся, хотел вскочить, но тут же запутался в податливой марле антимоскитного полога. Казалось, все еще длится душный кошмар, заставивший его сбросить с себя льняную пижаму, ставшую такой же горячей и влажной, как измочаленные простыни, как эта враждебная подушка. Свою первую ночь в тропиках он провел ужасно.

Вставая, Фюмроль обнаружил на постели бутылку. Так ничего и не вспомнив, он глотнул из горлышка и принялся за утренний туалет. Когда выбритый и благоухающий одеколоном Фюмроль присел у чайного столика, ужасы прошедшей ночи представились в несколько смешном виде.

Во внутреннем двореке отеля кипела жизнь. Черноволосые миниатюрные женщины в черных шелковых брюках и светлых блузах таскали тюки с бельем, бой в малиновой ливрее спешил куда-то с утюгом, точил длинные ножи поваренок. И полным-полно было ребятишек, стройных девочек с любопытными глазами и полуголых мальчишек, которые смеялись даже тогда, когда падали и разбивали носы. Запах помоев, которые выплескивались прямо во двор, смешивался с тревожным чадом сандаловых воскурений и сладостным дыханием незнакомых цветов. Где-то там, за океаном, осталась униженная страна, которую заполнили колонны беженцев, пленительный пепельно-сизый город, чьи вечные мостовые искорежены стальными гусеницами черных танков и стонут под копытами чужих лошадей. Поскорее забыть обо всем, выбросить из сердца и памяти. Иначе дни, которые предстоит прожить под перламутровым небом Индокитая, станут для Фюмроля страшнее прошедшей ночи.

Он распаковал чемоданы и переоделся в белое. В тропиках к протоколу относятся весьма снисходительно, и он еще накануне решил, что не станет дожидаться, когда вернут из глажки парадный мундир. Повседневный френч с погонами и орденской планкой почти не измялся, и в нем смело можно было предстать перед генерал-губернатором.

Он сбежал вниз по широкой лестнице мимо пары фаянсовых слонов, которые несли на спинах вазы с диковинными растениями, и, насвистывая легкомысленную песенку, вошел в телефонную кабину. Вспыхнула красная лампочка.

- Соедините меня с резиденцией, - попросил Фюмроль, дождавшись вопроса оператора. Ему несколько раз пришлось назвать свое имя, прежде чем трубку взял личный адъютант генерала Катру.

- Майор Фюмроль? - с ленивым удивлением переспросил адъютант. - Из Парижа?

- К сожалению, из Виши, - не удержался Фюмроль. - Я прибыл в Ханой только вчера вечером.

- Да-да, знаю, мы ждали вас, майор... Сейчас я доложу его превосходительству.

В кабине сделалось душно Фюмроль вынул платок, отер мокрый лоб и ногой приоткрыл дверь. Из мраморного вестибюля повеяло искусственным ветром, но прохладней от этого не стало. Наконец послышался сухой, чуть надтреснутый голос Катру:

- Рад приветствовать вас в Индокитае, маркиз. Вы уж завтракали?

- Выпил чашку чая, мой генерал, - ответил Фюмроль, с сожалением прикрывая дверь.

- Вот и чудесно. Позавтракаем вместе. Через полчаса за вами заедет автомобиль.

Фюмроль поблагодарил и поспешно выскочил из кабины, сжимая в руке горячий платок. Проходя мимо зеркала, он обнаружил у себя на спине темное пятно. Недаром его предупреждали, что рубашку здесь придется менять чуть ли не каждый час.

В зале за столиками вдоль стен и перед деревянной стойкой бара уже сидело несколько офицеров: морской лейтенант, пожилой артиллерист, африканский стрелок, засунувший красный берет под погон, и несколько легионеров в малиновых эполетах. Взглянув на часы, он присел за ближайший столик.

Из-за колонн неслышно выскользнула девушка в кружевном передничке и наkolке и вопросительно уставилась на него черными непроницаемыми глазами. Одни лишь губы раскрылись в дежурной улыбке. Мановением руки Фюмроль указал на соседний столик. Проводив девушку взглядом, он отметил, что она красива той непередаваемо тревожной, волнующей красотой, которой отмечена чуть ли не половина молодых женщин этой страны.

"Какое утонченное, какое умненькое личико", - подумал Фюмроль, искоса наблюдая за официанткой. Вытерев столик, она налила ему "Касси" и поставила мельхиоровый кувшинчик с колотым льдом. "Не пользуйтесь льдом, - опять вспомнилось чье-то наставление, - они наверняка делают его из некипяченой воды". Но беспечная лень уже проникла в сердце Фюмроля. Бестрепетной рукой он наклонил кувшинчик и разбавил анисовку талой водой. Тягучий ликер побелел, в стакане закружились слюдяные блески выпавших кристаллов

- Вы надолго к нам, майор? - долетел до него вопрос.

Фюмроль медленно повернул голову. Морской лейтенант у стойки лениво поднял палец.

- Кто может знать? Надеюсь, не навсегда.

- Мы все надеялись на это, - усмехнулся моряк. - А с другой стороны, чего бога гневить? Сегодня здесь лучше, чем там... Вы давно с дорогой родины?

- Не прошло и месяца, - ответил Фюмроль. - Но даже за такой срок она ухитрилась сделаться еще меньше.

- Бесноватый Адольф режет нас, как страсбургский паштет, - вступил в разговор пожилой легионер с выгоревшими добела волосами. - Впрочем, прошу прощения. - Он прикрыл рот ладонью. - Молчу.

- Еще бы! - рассыпался неприятным смехом, но тут же закашлялся моряк. - Теперь боши - обожаемые союзнички... Здорово они загадили Париж?

- Не знаю, - покачал головой Фюмроль. - После перемирия я не был в оккупированной зоне. - Про себя он отметил, что люди здесь пока еще говорят откровенно. В Виши подобные разговоры велись шепотом.

- Но положение на месте вы должны знать? - нетерпеливо стукнул кулаком по стойке морской лейтенант. - Или это военная тайна, которую можно доверить только губернатору?

"Здесь все про всех известно, - подумал Фюмроль. - Как в деревне".

- Прошу прощения, господа. Это за мной, - сказал он, кивая на окно, за которым остановился раскрашенный маскировочными пятнами открытый "ситроен". Резко встал, подписал счет и, зажав под мышкой кепи с кокардой и шнуром штаб-офицера, направился к дверям, которые услужливо распахнул перед ним сухонький швейцар-тонкинец.

"Такое же умненькое лицо, словно вырезанное из потемневшей кости, и та же непроницаемая тайна в глазах", - подумал Фюмроль, переступая порог.

На миг его охватило предчувствие какого-то необыкновенного озарения, когда с вещей и явлений разом спадает покрывающая их мишура и все становится отчетливым и простым, как в детстве. Но неприятный истерический смех за спиной прогнал иллюзию.

- Привет папаше Жоржу! - выкрикнул моряк. (Зазвенело разбитое стекло.) - Он уже сидит на чемоданах.

Фюмроль вышел, не оглядываясь. Он не слышал, как товарищи урезонили подвыпившего лейтенанта, и только в машине сообразил, что

"папаша Жорж" не кто иной, как Жорж Альбер Жюльен Катру, генерал-губернатор Французского Индокитая.

"Сидит на чемоданах"! И это тоже известно...

Европейские кварталы поразили Фюмроля безлюдьем, тишиной и обилием цветущих деревьев. Лишь однажды, когда машина выехала на перекресток, перед ним открылась манящая суতোлока туземной улицы с ее магазинчиками и фруктовыми лавками в нижнем этаже, столпотворением велорикш, пестротой зонтов и бумажных фонариков.

Они проехали вдоль мутно-зеленого, как нефрит, озера, посреди которого виднелся остров с многоярусной пагодой. Женщины стирали белье, мальчишки удили рыбу. Звенел, покачиваясь на поворотах, обвешанный людьми трамвай. В зарослях ив пряталась еще одна пагода с чешуйчатой крышей, на гребне которой колючие драконы целовали солнечный круг. Фюмролю показались до странности знакомыми и эти извилистые чудовища на крыше, и горбатые мостики над темной водой, и скрюченные шелковистые ивы. Промелькнули миртовые кусты, белые ворота, которые стерегли причудливые воины и неестественно желтые тигры, блеснуло загадочное золото иероглифов на красном лаке. Где, в каком заколдованном сне он мог видеть все это?

"Ситроен" остановился перед высоким забором. Проверив документы, сержант военной полиции вернулся в будку и включил рубильник. Створки ворот стали медленно раскрываться. Шурша по влажному гравия, машина въехала под навес. Дворецкий в жемчужно-сером камзоле и парике с бубликами мельком взглянул на визитную карточку и, взмахнув жезлом, торжественно провозгласил:

- Майор Валери-Гастон маркиз де Фюмроль!

Только гулкое эхо было ему ответом.

Губернатор принял гостя в домашней куртке, расшитой брандесбурами, и сразу же провел в личные апартаменты, где в отделанной мореным дубом столовой резко белел накрытый на две персоны стол.

- Я забыл спросить о ваших вкусах, - улыбнулся генерал, разворачивая салфетку. - На всякий случай мой повар приготовил пулярку по-бресски и несколько сравнительно безопасных туземных блюд. Вы хорошо переносите острое?

- Вполне, - наклонил голову Фюмроль, опуская портфель у своего кресла. - Благодарю вас, мой генерал. - Он ответил несколько принужденной улыбкой. - Пусть мои вкусы вас не смущают. Я не страдаю гастрономическим консерватизмом.

- Хорошо сказано! - потер пухлые ручки Катру и вдруг сверкнул на гостя хитрым, понимающим взглядом. - Я все знаю, маркиз... - Он отпил глоток минеральной воды и постучал по бокалу тщательно подпиленным ногтем. - Как видите, и к нам доходит "виши".

Фюмроль позволил себе вежливо поднять брови. Двусмысленная шутка генерала в равной степени намекала и на поставки минеральной воды, которые, очевидно, не могла прервать даже проигранная война, и на новые веяния в политике маршала Петэна.

- Вы уже три недели в пути, - как ни в чем не бывало продолжал Катру, - и очень торопитесь, потому что в портфеле у вас важные бумаги. Но что они значат, если в душе безверие и тоска? К тому же вы скверно выпались, - заметил он, пряча улыбку. - И, видимо, еще не научились уничтожать москитов под сеткой.

- От вас ничто не укроется, мой генерал. - Фюмроль принял более свободную позу.

- Да-да, почувствуйте себя как дома, милый маркиз. - Катру покровительственно кивнул. - И не судите меня строго за болтовню. Дела подождут. Нам некуда торопиться, потому что наш поезд давно ушел. Мы знаем друг друга достаточно давно и можем позволить себе несколько минут откровенности. Тем более, что хорошая еда располагает к остроумной беседе. - Он позвонил в серебряный колокольчик. - И вообще, гостя принято прежде всего накормить. Вы же порядком проголодались.

- Я бы этого не сказал.

- Пустое, мой друг. Золотистый чай, который вы, наверное, отведали, встав ото сна, очень способствует выделению желудочного

сока. Меня не проведешь.

- Сдаюсь, ваше превосходительство. - В знак капитуляции Фюмроль выдернул из кольца салфетку.

- Что ж, мой друг, вы лишь следуете примеру пославшего вас правительства, - нарочито кротко проворковал Катру и, подняв голову, оглядел Фюмроля тяжелым изучающим взглядом.

- Не совсем так, мой генерал, - трудно сглатывая комок в горле, криво усмехнулся майор. - Идея направить к вам уполномоченного по связи с японской стороной была выдвинута еще при правительстве господина Рейно, так что, с известной натяжкой, меня можно рассматривать как посланца сражающейся Франции, хотя и запоздавшего. В день подписания капитуляции в Компьенском лесу я болтался где-то между Сардинией и Суэцем... Извините, мой генерал.

Пожилой тонкинец в белых перчатках и безукоризненном смокинге бережно вкатил столик, уставленный всевозможными кушаньями.

- Не слишком ли обильно для завтрака? - поинтересовался Фюмроль, жадно вдыхая пряные запахи незнакомых блюд.

- Привыкайте к тропикам, мой дорогой. Днем вам будет не до еды. В жару спасает только зеленый чай. Сто раз успеете проголодаться, пока на землю снизойдет вечерняя прохлада... Лично я предпочитаю начинать день с фо - крепкого и острого мясного супа с рисовой лапшой. Это настоящая зарядка!.. Что будете пить, маркиз?

- Полностью полагаюсь на ваш вкус.

- Тогда "Мутон Ротшильд", Тхуан, - распорядился генерал. - Комон, - поблагодарил он по-вьетнамски повара. - Можешь идти, Тхуан. Нет, постой! - Он повелительно щелкнул пальцами и указал на радиоприемник, стоявший на низком столике в окружении фарфоровых старичков с шишковатыми головами.

Перед тем как уйти, Тхуан поймал какую-то китайскую станцию и повернул колесико на полную мощность.

- Привыкайте, - снисходительно пояснил Катру. - Иначе здесь нельзя. Как говорится, даже стены имеют уши. Подслушивают все поголовно: японцы, немцы, голландцы, китайцы. Ну, как вам показалась пулярка?

- Превосходно! - чистосердечно похвалил Фюмроль. - Лучше, чем у Максима.

- Не сомневаюсь! Моему Тхуану цены нет. В Париже он мог бы хорошо зарабатывать.

- Надеюсь, он не знает об этом? - пошутил Фюмроль.

- Я твержу ему о прелестях заморской родины чуть ли не ежедневно.

- Катру рассмеялся. - Только он никуда не поедет. У туземцев, знаете ли, необычайно развито чувство патриотизма. Слишком, я бы даже сказал, развито, гипертрофированно. Европейцу этого не понять. Такова специфика этой проклятой страны. - Он помрачнел и замолчал. Потом закончил, вздохнув: - Меня Тхуан, кажется, любит почти так же сильно, как и свою родину.

- Вас это не радует?

- Я о другом, маркиз, - генерал раздраженно отбросил вилку. - Просто мы катимся в пропасть. Все ускользает из рук: Франция, Париж, проклятый и трижды благословенный Индокитай. Ничто уже не имеет смысла и не стоит усилий. Вы не согласны?

- В принципе вы правы, мой генерал, - деликатно понизил голос Фюмроль. - Но человеку свойственно надеяться на лучшее. Пока живешь, надеешься...

- В вас говорит молодость, - горько усмехнулся Катру, - неистребимая и слепая сила. А со мной все кончено, маркиз, - еле слышно выдохнул он и бессильно опустил руки.

Гремела странная музыка, отрывистый мужской голос выкрикивал речитативом слова на незнакомом языке. Надсадно гудел кондиционер, овевая затененную комнату благодатной прохладой. Фюмроль сделал вид, что всецело поглощен жареными креветками.

- Уже известен мой преемник, маркиз?

- Простите, ваше превосходительство?..

- Мой молодой друг, здесь все только о том и говорят. Да и может

ли быть иначе! В Виши никогда не простят мне голлистских симпатий, и если не сам маршал, то адмирал Дарлан уже подыскал более подходящую кандидатуру. Из чисто человеческой суетности мне хочется знать, кто он. Только не пытайтесь меня уверить, что в Париже об этом не было речи. В высшем колониальном совете, на Кэ д'Орсэ.

- Но Парижа нет, сударь, - прервал генерала Фюмроль.

До боли отчетливо вспомнился день исхода, когда солнце, похожее на лунный диск, несло в жирных клубах горячей нефти и лохмотья копоти засыпали мосты. Свой старенький "пежо" они с Колет бросили прямо на дороге. Ни за какие деньги нельзя было купить бензин. Пошли куда глаза глядят и с толпой беженцев добрались до Жанвиля. Что искали они в этом жалком, запруженном людьми городишке, где их ждала лишь холодная ночь в придорожном поле? Странно, но он почти ничего не помнит. Даже лицо Колет с трудом удастся извлечь из темноты. Как медленно, как непокорно возникает целостный образ.

Сквозь крики и плач, сквозь гул самолетов в ночном небе, озаряемом лихорадочным лучом прожектора, до него донеслась непонятная, разорванная на слоги речь и звон гонгов.

Угрожающе зеленел огонек приемника. Чьи-то темные с искалеченными ногтями руки водрузили на белую скатерть блюдо с сырами.

- Нет Парижа, - повторил Фюмроль, поежившись, словно в ознобе, и отчужденно сказал: - В Бордо или уже в Виши я встретил Мориса Палеолога. Если я не ошибаюсь, он говорил мне о Жане Деку.

- Так я и думал! - Катру раздраженно снял салфетку. - Адмирал Деку! Ну, разумеется, прихвостень Дарлана. Из той же шайки капитулянтов. - Он оживился, словно испытал внезапное облегчение, и заговорил совершенно свободно, не прибегая к двусмысленностям и недомолвкам: - Я стыжусь надевать генеральский мундир. Немцы положили нас на обе лопатки за какие-нибудь полтора месяца. Позиционная война, разумеется, не в счет. Для меня исход кампании стал ясен уже через две недели. Когда противник совершил прорыв у Седана и вышел к Ла-Маншу, все было кончено. Подумать только: дважды за последние семьдесят лет судьба Франции решалась в одном и том же месте.

- Я тоже думал об этом роковом совпадении, мой генерал. После Седана семидесятого года была создана третья республика, после Седана нынешнего ее умертвили.

- Да, сударь, комедия сыграна... А жаль!

- Сыграна ли, ваше превосходительство? - Фюмроль смочил пальцы в полоскательнице. - У нас еще осталась Северная Африка, которая на протяжении десятилетий была основным центром империи. Мы держим в руках Мадагаскар, обширные территории в Южной Америке, Сирию и Ливан, весь Индокитай с его рисом и минеральными ресурсами.

- Не знаю, как обстоят дела в Алжире или Тунисе, но Индокитай нам долго не удержать. Вы это знаете не хуже меня. В противном случае я бы не имел удовольствия принимать вас здесь, в Ханое. - Катру предупредительно раскрыл ящик с манильскими сигарами. - Прежде чем мы пройдем в кабинет и займемся делами, - на его лице мелькнула пренебрежительная улыбка, - расскажите мне немного о подоплеке вашей миссии. Почему именно вас отправили за океан?

- Про пощечину, которую получил Лаваль, знаете?

- Мы здесь как на краю вселенной, - уклонился от ответа Катру. - Расскажите.

- Когда мы с женой добрались наконец до Тура, судьба Парижа была уже решена, крепко пахло предательством. О капитуляции говорили совершенно открыто. Один из министров, с которым я столкнулся на пороге мэрии, признался, что новый главнокомандующий Максим Вейган считает наше положение безнадежным. Его предложение о перемирии с немцами одобрили оба заместителя премьера - маршал и Камилл Шотан.

Капитулянтские настроения прочно угнездились среди высших офицеров, правительственных чиновников и дипломатов, заполнивших в те дни не только все кафе и гостиницы Тура, но даже старые замки на Луаре.

Пьер Лаваль не скрывал злорадства. Я как раз сидел в том самом

кафе, где он произнес импровизированную речь перед господами с Кэ д'Орсэ. Он говорил, что всегда стоял за соглашение с Германией и Италией. Францию, видите ли, погубили безумная пробританская политика и авансы, которые давались Советам. "Если бы послушались меня, - закончил он, - Франция была бы теперь счастливой страной, наслаждавшейся благами мира". Рядом со мной сидел отец моего однополчанина, этого парня сбили в том же воздушном бою, что и меня. Старик спокойно встал, подошел к оратору и вежливо осведомился: "Господин Лаваль?" Никто и глазом не успел моргнуть, как он отвесил бывшему премьеру полновесную оплеуху.

- Это как-то отразилось на вашей судьбе?

- Возможно. Инцидент привлек всеобщее внимание, и, когда японский посол потребовал встречи с премьером, кто-то из чиновников вспомнил, что видел в кафе меня.

- И вы взяли на себя роль переводчика?

- Разумеется. Японцы, как вы знаете, оказали сильный нажим, и было решено, не откладывая, послать в Ханой человека для связи. Я просто вовремя подвернулся под руку. Случай.

- Действительно, случай, - покачал головой Катру. - Где ваша супруга?

- Она сейчас в Виши. Ждет ребенка.

- А вы, получается, так и не доехали до нашей последней столицы?

- В тот день, когда национальное собрание размещалось в здании тамошнего казино, я сел на пароход в Марселе, - холодно отчеканил майор. - Вы удовлетворены, мой генерал?

Фюмролю показалось, что Катру чем-то разочарован. Возможно, он надеялся хоть одним глазком заглянуть в лабиринты политических интриг "новой Франции", запутанных и противоречивых. Случайность, выдвинувшая Фюмроля на важный дипломатический пост, случайность, предопределенная царившей в верхах атмосферой безответственности и неразберихи, не могла приоткрыть закулисной раскладки.

Неслышно вошел Тхуан и, все так же благодушно ворча, смахнул со стола крошки щеткой из куриных перьев, переменял холодную воду в стаканах и, склонившись к приемнику, издававшему прерываемый морзянкой треск, настроил его на другую волну.

- Вы видели Черчилля? - спросил Катру.

- Я находился в здании мэрии, когда он вместе с Галифаксом и Бивербруком прибыл для беседы с Рейно и Вейганом. Обе стороны знали, что встречаются как союзники, быть может, в последний раз. Об операциях на континенте не было и речи. Англичан интересовало только одно: будет ли Франция продолжать войну в Африке. Как-никак у нас еще оставались обширные территории с семидесятимиллионным населением и непобежденный флот.

- Не все потеряно, как вы только что сказали? - задумчиво протянул Катру. - Один из моих сыновей сейчас в Лондоне, и я приветствую его решение сражаться. Не стану спрашивать о вашем личном отношении к генералу де Голлю, маркиз. В нынешних обстоятельствах это было бы нетактично.

Фюмроль промолчал. Нащупав ногой портфель, он стал следить за ящерицей на потолке, которая то надолго замирала, то, рванувшись вперед, ловко хватала зазевавшуюся мошку. Даже приемник не мог заглушить ее чмоканье, так похожее на ликующий смех.

- Не угодно ли пройти в кабинет, майор? - пригласил Катру, вставая, и, обернувшись к повару, бросил: - Проводи господина, Тхуан.

Кабинет генерал-губернатора напоминал контору преуспевающего адвоката. В застекленных шкафах палисандрового дерева вперемежку с книгами стояли фарфоровые вазы, курильницы из потемневшей бронзы и многорукие божки. Окинув скупающим взглядом низкие резные столики с перламутровой инкрустацией и гипсовый бюст Марианны, олицетворяющей Францию, он остановился перед крупномасштабной картой, на которой были эффектно представлены все входящие в Индокитайский союз территории: Тонкин, Аннам, Кохинхина, Лаос, Камбоджа и арендованная у Китая Гуанчжоу-вань.

"Какая большая страна, - невольно пронеслось в голове. - Даже подумать смешно о том, что ее судьба будет зависеть от ничтожеств, заседающих в кабинетах, где еще недавно играли в рулетку. Бред!" А ведь еще вчера он верил в это. Неужели одной бессонной ночи и беглого взгляда из автомобиля на ханойские улицы оказалось достаточно для такого переворота? Что заставляет его сегодня думать совершенно иначе, чем вчера?

Фюмроль нашел на карте китайский остров Хайнань, оккупированный недавно японцами. Это был ключ к Тонкинскому заливу, к Хайфону и дороге на Ханой, к Халонгу и угольным разработкам Хонгая. Не понимать это мог только слепец. Он прибыл сюда, чтобы отдать эту землю пядь за пядью, уступая все новым и новым требованиям коварного, сознающего свою силу врага. Чем же тогда он отличается от тех заигравшихся марионеток, которые вот так же, пядь за пядью, рвали родину на куски? Катру может умыть руки. Он выходит из игры, не запятнав свое имя позором. И ведь не случайно он завел разговор о де Голле. В самом деле, почему боевой офицер Валери де Фюмроль не сбежал с корабля в первом попавшемся порту, чтобы пробраться в Англию? Почему он покорно готовился таскать каштаны из огня для людей, которые достойны презрения?

Вошел Катру в белом генеральском френче, на котором капелькой крови алела розетка офицера Почетного легиона. С первых же слов дал понять, что намерен держаться официально.

- Пакет при вас? - спросил он, повернув ручку приемника.

- Прошу, мой генерал. - Фюмроль поспешно достал из портфеля голубой конверт с черным грифом особой секретности.

Катру распахнул дверцу вделанного в стенку сейфа и, не глядя, бросил пакет на стальную полку.

- Садитесь. - Катру указал на стол. - Вы в курсе наших проблем?

- Только в самых общих чертах, - честно признался Фюмроль. - У меня не было ни времени, ни возможности подготовиться. К счастью, на пароходе нашелся индокитайский выпуск "Дальневосточного экономического обозрения", и я мог узнать, чем колония Кохинхина отличается от протекторатов Аннам и Тонкин.

- М-да, не слишком много. - Катру принужденно улыбнулся. - Впрочем, иного я и не ожидал. Люди, которые приезжали к нам в лучшие времена, тоже знали не больше вашего. Я пригласил господина Жаламбе, нашего специалиста по подрывным организациям, чтобы он помог вам поскорее войти в колею. Кстати, он же посоветует, где подыскать подходящее жилье. Рекомендую снять особняк. У нас это не дорого.

- Отлично, я не стеснен в средствах, - почувствовав скрытый вопрос, ответил Фюмроль.

- Тогда вам лучше всего подойдет дом напротив знаменитой пагоды Мот-Кот - на одном столбе. При доме гараж и прелестный садик. Чиновник, который жил там... - генерал на секунду замялся, - одним словом, недавно выехал. А вот и наш Жаламбе! - поднялся он навстречу унылому господину с печальными глазами и необыкновенно крупным носом. - Знакомьтесь: майор де Фюмроль.

Жаламбе вяло пожал протянутую руку и тотчас же принял ковырять во рту бамбуковой зубочисткой.

- Что нового? - осведомился Катру.

- А что у нас может быть нового? - пожал плечами специалист по подрывным организациям. - Ночью хлопнули одного АБ на улице Рыбных шашлыков. Вот и все новости. - Он зевнул и безучастно уставился в окно, к которому приникла ярко-зеленая лягушка с оранжевым брюшком и лапками.

- Подслушивает, - пошутил Катру, проследив за взглядом Жаламбе.

- В ресторане Бо-Хо один китаец тоже пытался подслушивать, так его живо расчленили, - откликнулся Жаламбе. - Голову потом в Западном озере выловили.

- Вы же знаете, что я приемлю ваш юмор лишь в гомеопатических дозах, - поморщился Катру. - И вообще, показали бы вы нашему гостю

город, а?

Фюмроль с готовностью поднялся.

- Часик можно покатааться, - не отрывая глаз от окна, бросил Жаламбе. - Потом такая жарница ударит, что хоть в петлю.

- Вот и превосходно, - поспешно заключил Катру.

- По-моему, нас просто выпроводили, - заметил Фюмроль уже в саду, осторожно касаясь зазубренного меча юбки. - Ваша? - кивнул он на роскошную "испано-скизу", небрежно брошенную возле высокой папайи.

- После одиннадцати уже не работается, - сказал Жаламбе, включая стартер. - Мозги растекаются... Ты в "Метрополе" остановился?

- Прогулка разве отменяется?

- Наглядишься еще. - Жаламбе выплюнул зубочистку и на полном газу выехал из ворот. - Ничего хорошего нет в этом городишке. Прокатимся ночью - будет повеселее.

- А как же дом?

- И дом от тебя никуда не убежит. Главное - не торопиться. Усвой эту истину с первого дня, и все пойдет хорошо... Какой дом тебе нужен?

- Генерал говорил, что напротив какой-то пагоды сдается особняк с гаражом и садом.

- Ах, этот... Тем более не стоит спешить. Превжний жилец этого не понимал и очутился в Красной реке.

- То есть как это? - не сразу понял Фюмроль.

- Очень просто: утопили. Может, красные, может, буддисты, а скорее всего, японцы.

- Но почему?

- Мешал, значит. - Жаламбе мрачно сплюнул.

"Это какой-то сумасшедший", - решил Фюмроль.

- А что это за АБ, которого тоже убили? - спросил он через некоторое время. - Вы только что говорили об этом у генерала?

- Антибольшевистский элемент, приятель. Из местных...

х х х

Наступил сезон дождей. Скрылся за хмурой пеленой облаков синий горный хребет, тянущийся вдоль главной дороги с севера на юг и потому именуемый Долгим. Поздние муссоны дохнули электрическим привкусом гроз, йодистой горечью гниющих по берегам водорослей. На свет жилья выползли жабы, в оконца бамбуковых домиков застучали тяжелые бронзовые жуки, закружились вокруг керосиновых ламп ночные бабочки и летучие муравьи, с треском опалая прозрачные крылышки. Шуршало и хлюпало в каждой щели. Невыразимой тревогой тянуло из леса, переливающегося холодными огоньками грибов и гнилушек, мигающего вспышками светляков. Жадное нетерпение, и ужас, и радость, и боль различались теперь в шорохах леса. Исчезли муравьи, чьи величественные переселения истребительнее пожаров, глубоко в землю ушли термиты, и крабы, отливающие тусклой радугой пролитого бензина, забились в норы, затянутые волоконцами цепких корней. Только комары пуще прежнего плодились в переполненных водой чашках, подвешенных к стволам иссеченных кольцевыми надрезами гевей. Тонкой беленькой пленкой застывал латекс на дне. Кому введом конечная цель грандиозного превращения белой капельки латекса в протекторы военных грузовиков, водолазные костюмы, прокладки для бомбовозов, подводных лодок и танков? Еще не исполнились сроки. Еще не раз сезон дождей сменится радостным праздником урожая, прежде чем в год Деревянной Курицы буйвол владыки ада растопчет два миллиона сердец.

Но настоящий ливень ударит внезапно. Все потонет в едином потоке, шипящем, как паровозный пар. Облегченно и жадно вздохнут трясины. Горные джунгли оглушит рев водопадов и грохот обвалов. Теперь лишь бы выдержала кровля из рисовой соломы или пальмового листа да не обрушилась дамба, защищающая самое прекрасное творение человека - рисовое поле.

В этот год Металлического Дракона реки Черная, Светлая и Тахо остались в своих руслах, зато Красная и Дуонг, огибающие Ханой, набухли в половодье и вышли из берегов. Когда солнце поднялось в

обновленном безоблачном небе, люди не узнали родных мест. Речное русло и бескрайние нивы за ним превратились в сплошное, нестерпимо сверкающее синее зеркало. Ртутными ручейками казались дорожки и тропы, сходящиеся у моста Лонгбьен. Мужчины и женщины в шляпах нон спешат на рынок. Здесь не ждут, пока схлынет вода и подсохнет красная, как томатная паста, глина. И в дождь, и в жару летят по шоссе, над которым смыкаются ветви акаций, крытые брезентом грузовики, обдавая фонтанами брызг бесконечную вереницу арб, запряженных буйволами, или велосипедов, на которых ухитрялись уместиться целые семьи.

Отдельные картинки сменяют друг друга или творятся одновременно, подчиняясь неизменному циклу урожая, повинуюсь вращению колеса судеб. Вот терраса окрасилась самой чистой и самой ликующей зеленью рисовых всходов, и муаровым узором рябит меж ними вода. Тут же рядом – во времени или в пространстве – бородастый с загнутыми за спину рогами буйвол топчет сухую полову, а деревянный плуг за ним взрезает жирную борозду.

Зверем умным и добрым зовут здесь буйвола. В загробном царстве он служит богу смерти, в подлунном мире равнодушно месит жидкую грязь, а голый мальчик у него на спине играет на бамбуковой флейте. Придет день, если еще не пришел, и тот же мальчик закинет сетку на залитое поле, чтобы наловить пресноводных креветок для соуса к клубням ку маи, которые тушат с пахучими листьями таубай. Но людям, которые пришли из далекой заморской страны и понастроили серые доты на скрещении дорог, у мостов, переправ, незнакома еда бедняков и неведом священный смысл многообразия и единства. Пришедшим с оружием не дано увидеть единение многоликого. Оттого и путь рисового зерна, путь смерти и возрождения, скрыт от их глаз. Они знают лишь конечный результат: корзины, полные зеленого падди, и тугие мешки, которые быстроногие кули сгружают в черные трюмы судов. Но разве на весовой платформе кончается путь зерна? Разве числа на фондовой бирже или индексы Доу-Джонса могут стать итогом священной мистерии? Не знает конца и начала колесо прялки. Став человеческой плотью, рисовое зерно вновь будет причастно к злу и добру, к великому круговороту жизни, к приливу и отливу ее.

Когда у крестьянина иссякают последние запасы, он все надежды возлагает на ближайший урожай: первый, который собирают в пятом лунном месяце, или второй, чье время приходится на благодатный десятый.

В год Железного Дракона обильный разлив Красной обещал щедрую жатву. Перед закатом, когда золотые полосы легли на воду, было ясно видно, что вороны неподвижно сидят на мокро блестящих спинах буйволов. А еще появилось множество цапель, потому что рыба из реки пошла на поля, где ее легче поймать. Это тоже считалось хорошим предзнаменованием. Старый Чыонг Тхань Вем, залюбовавшись застывшей на одной ноге птицей, сказал:

- Вода в реке – рис на рынке.

Как и всякий бедняк, он радовался счастливым приметам сытого полугодия. Лично ему полководье сулило одни заботы. Его сампан с драконьими глазами на носу и счастливыми иероглифами по бортам и так уже слишком долго простоял на приколе. А теперь еще приходится ждать, пока спадет вода. Плыть по реке, у которой нет берегов, – чистейшее безумие. Нет, старый Вем не спешит распустить перепончатый, как крыло нетопыря, парус. Он слишком плохо знает Красную реку, чтобы рисковать сампаном, который дает ему не только дневную чашку риса, но и крышу над головой. Другого дома у них с внучкой нет и не будет. Они принадлежат к загадочному племени бродяг, которые родились и умрут на воде.

У них есть свои города и плавучие рынки, куда сплываются тысячи сампанов и джонок, десятки тысяч лодок с гребцом на носу или на корме.

Шестилетний сын его Хоан рос здоровяком, а старшая дочка, красавица Суан, родила внучку, обещавшую стать столь же красивой. Потом Суан умерла от оспы, а жену Ло Тхи Динг, которую он взял из племени кхонтаев, смыло с палубы в тайфун. Когда же люди с Запада забрали в армию сына и услали его за океан на войну, Вем остался с внучкой вдвоем. Всем сердцем привязался он к внучке Хоанг Тхи Кхюе. В

шесть лет на нее уже стали заглядываться люди, а монах, одиноко живущий в лесной пагоде за рекой, сказал, что такие удлинённые личики и крохотные ножки бывают только у тайских принцесс. Монах подарил ей амулет – тигровый коготь с письменами и даосским знаком триединства, заключенного в круг.

На следующий год отца Хоанг, который служил на угольных разработках в Хангае, арестовали и увезли в страшную тюрьму на остров Пулокондор. С того дня Вем впервые понял, что значит бояться. Это было тоскливое, ни с чем не сравнимое по глубине предчувствие неизбежной потери. "Лучше умереть вместе со всеми, чем жить одному", – сказал он себе и стал брать внучку с собой на охоту. Постоянный страх за нее со временем не проходил, а лишь становился острее. А когда китаец, скупавший у Вема змей, растолковал ему смысл иероглифов на когте, старик окончательно уверился в правильности своей бесхитростной жизни, несмотря на все ее потери и боль. "Страх потерь – преходящее счастье" – так читались письмена. Милая девочка, Белый нефрит...

С тех пор как созрел скороспелый рис трех лун, из которого плетут самые красивые шляпы с картинкой, видимой на просвет, Вем и Белый нефрит жили на одном месте. В узком, защищенном от тайфунов заливишке мирно стоял их сампан среди таких же стареньких лодок с глазами дракона. Когда по Красной проносился патрульный катер или быстрая канонерка, маленькая деревня начинала тихо покачиваться под переплеск воды. Скрипели мостики, перекинутые от сампана к сампану, колыхался зеленый покров водорослей. В плавучем поселке есть свои улицы и переулочки, крохотный ресторанчик и даже парикмахерская. Скиталец Вем уверен, что в заливе живет не хуже, чем в городе. Полиция беспокоит не часто, а тэи и вовсе не суются в такие места. Все близко, все под рукой. Не надо стоять в очереди у водоразборной колонки – достаточно забросить на веревке ведро. Утром приплывет продавец риса, к вечеру завернет на своем челноке торговец лапшой. А если понадобится образец Будды или кончатся ароматные красные палочки, Вем может сходить в пагоду на горе, где растет священное дерево дай с белыми цветами. Они пахнут прозрачной горечью, навевающей успокоение и печаль. Новый бонза растолковал Вему смысл надписи, высеченной на черной плите, которую поддерживает бессмертная черепаха. "Человек сам должен суметь разбудить в себе мужество. Иначе оно не придет к нему никогда", – сказал монах и повел Вема к алтарю, на котором стоял Будда-мальчик. С бессмертной, все понимающей улыбкой он одной рукой показывал на землю, другой – на небо. Монах объяснил: "Ни обитатели неба, ни животные, которые не способны оторваться от низменных забот, не могут найти истину. Только человек! Он один соединяет землю и небо". – "А что есть истина?" – спросил Вем. "Ее надо обрести самому", – ответил бонза. А когда Вем вновь пришел в пагоду, монах поведал ему о подвиге Нгуэна Хюэ, поднявшего восстание тэйшонов. Конечно, Вем и раньше слышал эти священные для каждого вьетнамца имена, как знал он про сестер Чынг, про рыбака Ле Лоя, чей меч и ныне хранит озерная черепаха. Но впервые довелось ему услышать, что легендарные герои, которые на протяжении веков спасали страну от захватчиков с севера, не только совершили подвиги, но и обрели истину. "Каждый из них нашел ее сам, – закончил монах. – Но она оказалась общей для всех. – И, помолчав, добавил: – Родина – вот единственная истина".

В дыму курений улыбался позолоченный мальчик, а бронзовые цапли на черепахах, как символ счастья и вечности, стояли перед алтарем. С того дня бонза больше не говорил с Вемом об учении Будды. Он показал ему карту Вьетнама: "Это родина. Вверху плодородная дельта Красной реки, на юге – мощное разветвление Меконга. Не правда ли, похоже на две корзины, наполненные рисом десятого месяца? А вот и "гань" – бамбуковое коромысло, на котором они висят. Это долгий хребет Лонгшона. Но меч чужеземцев отсек корзины от коромысла. Для меня, вьетнамца, Кохинхина – другая страна. Я не смею поехать в Сайгон без разрешения чужеземцев. А в Далате сидит император-марионетка, которого французы привезли из Парижа и вертят им как хотят. Разве такими были наши древние императоры? Изображение Бао Дая никогда не поставят в

поминальном храме. Народ вычеркнет его из своей памяти". - "Рассказывают, что он прошел выучку у тэев?" - робко осведомился Вем. "Всякое учение достойно, - ответил бонза. - И тэи - такие же люди, как все. Не в том их вина, что они с запада. А в том, что завоеватели. Захватчики, которые столько раз вторгались к нам с севера, разве были лучше? Запомни, Вем, что люди, которые говорят о белой коже, - или очень глупые, или враги. Нашей родине грозит новая беда, на этот раз с востока. Когда я слышу шепот о том, что вся буддистская Азия должна собраться под одной крышей, мне мерещатся убийцы, которые под чужой личиной стремятся проникнуть в дом, чтобы, когда все уснут, перерезать хозяину горло".

Вем неторопливо потягивает крутой дым черного лаосского табака, и в бамбуковом кальяне хрипло рокошет вода. Он смотрит на крестьян, которые по колена в воде трудятся на рисовом поле, и размышляет о судьбе человека. Дано ли ему вкусить плоды труда своего? Вем знает, что пришло время жесточайших тайфунов. Поэтому как бы ни был обилён разлив и благоприятны приметы, никто не может сказать, каков будет урожай десятого месяца.

Но о чем бы ни подумал сегодня старый Вем, он постоянно возвращается мыслью к монаху из пагоды на горе. Да и чему тут удивляться, если этот самый монах находится сейчас на сампане? Пока Вем покуривает на свежем воздухе, а внучка стирает на мостках праздничную блузу, монах сидит внизу за чашкой чая, беседуя с приятелями. Вем, конечно, догадывается, о чем говорят в тесной, разделенной висячими циновками каюте. Не впервой принимает он у себя ученого гостя. Высокая честь! И его городских друзей он тоже уже хорошо знает. Один из них студент, другой - монтер из "Сентраль Электрик". Он сам так сказал. Вем знает правила вежливости. Потому и сидит на корме, что не хочет мешать умным людям обсуждать их важные дела. Так оно спокойнее. И чужой врасплох не застанет, если забредет ненароком на старый сампан.

Прохладой и миром дышат вечерние дали. Над мачтой, на которой бессильно повис выцветший буддийский флажок, уже чертит стремительные фигуры летучая мышь. В свайных домиках у берега горят золотые звездочки. Такая же крохотная керосиновая лампочка теплится перед Вемом. Света она почти не дает, зато радует сердце и отгоняет демонов ночи. Над ней приятно согреть кусок сушеной каракатицы или просто прикурить сигарету.

- А почему бы вам, дедушка, не послушать городские новости? - спросил, улыбаясь, монтер, выглянув из люка. - Они и вас касаются.

- Кому нужен неграмотный старик? - махнул рукой Вем. - Не хочется вас стеснять.

- Вы нам совсем не мешаете, - все так же с улыбкой, но настойчиво возразил парень. - Белый нефрит, - позвал он негромко. - Можно вас на минуту?

Девушка с готовностью поспешила на зов. Даже про белье забыла. Но на полдороге спохватилась и вернулась назад. Так, с тазом на голове, стройная и смеющаяся, она взошла на сампан. Белый с горьким дыханием цветок был приколот к ее волосам. "И впрямь как тайская царевна", - залюбовался старик.

- Вы звали меня, братец Дык?

- Побудьте, пожалуйста, тут, наверху, прекрасная Хоанг Тхи Кхюе, пока дедушка Вем будет пить чай.

"Они знают друг друга по имени, и он назвал ее прекрасной", - дрогнуло сердце у старого Вема. Но старик ничего не сказал и покорно спустился вслед за парнем в синей спецовке. Поклонившись гостям, он присел на циновку в самом темном углу, но монах жестом пригласил его подвинуться ближе. На низком столике горела лампа "летучая мышь", на глиняной подставке стояли жестяной чайник с носиком в виде дракона и крохотные старинные чашки. Вем доставал их только по торжественным случаям. В обычные дни они с внучкой пользовались половинками кокоса. Семена лотоса и приторно-сладкую массу в банановых листьях принесли гости.

Монах пришел в простой крестьянской одежде. Только по бритой

голове можно было догадаться, что он посвятил себя богу. И еще глаза, увеличенные стеклами сильных очков, открывали самоуглубленное спокойствие ученого человека. Как хозяин и старший по возрасту, Вем, преодолевая смущение, наполнил чашки.

- Вы говорили, что отец девочки умер? - В доме Вема монах держал себя иначе, чем в пагоде. Иной становилась форма обращения к хозяину, менялся и весь стиль речи.

- Мы так решили с внучкой. С того дня, как его отправили на Пулокондор, от него не было вестей. Я справлялся в полицейском управлении, и мне сказали там, что он, наверное, умер.

Монах обменялся со студентом быстрым взглядом.

- Значит, полной уверенности у вас нет? - поинтересовался студент.

Вем только улыбнулся в ответ. Станный вопрос. В чем может быть полностью уверен человек на земле?

- Взгляните на эту карточку. - Студент вынул из бумажника пожелтевшую, в сетке трещин, фотографию.

Монтер услужливо придвинул лампу.

- Конечно, это он, - прошептал Вем, не выпуская из рук фотографию, на которой в полный рост был изображен крепкий мужчина с винтовкой в руках.

- Тогда мы можем поздравить вас с большой радостью! - хлопнул в ладоши студент.

- Разрешите сказать Белому нефриту! - нетерпеливо вскочил на ноги монтер.

- погоди, Дык, - задержал его монах. - Лучше споткнуться ногой, чем языком. Пусть скажет папаша Вем. Неожиданная радость подобна слишком сильному солнцу. Девочку надо подготовить.

- Отдайте ей карточку, дедушка, - кивнул студент и положил на столик небольшой узелок. - Тут немного денег, товарищ Лыонг откладывал их по пиастру. Он просил вас купить Хоанг самый красивый наряд...

- Это и вправду большая радость! - Вем потрогал куцую седую бородку. - Не знаю, как вас благодарить. Значит, жив... И свободен. Как же это? - он беспомощно опустил задрожавшие руки.

- Ему помогли бежать с Пулокондора, - пояснил студент.

- А люди говорили, что оттуда не убежишь. - Он осуждающе покачал головой. - От дракона рождается дракон, от болтуна - болтун.

- Пулокондор и вправду страшное место, - сказал монах. - Но нет тюрем, из которых нельзя убежать.

- Значит, так, товарищи, - сказал студент, когда старик ушел. - Необходимо точно выяснить, что обещали японцам французы... А мы все гадаем: отзовут Катру или нет?

- Так люди говорят, - пожал плечами монтер Дык.

- "Люди"! - передразнил студент. - Факты нужны... Конечно, один губернатор вполне стоит другого. Катру - беспощадный и крутой человек, притом убежденный антикоммунист, но он не из тех, кто будет выслуживаться перед японцами. Поэтому его отставка, если это не выдумки, очень плохой признак.

- Не нам сожалеть о нем! - упрямо нахмурился Дык. - Не успел Даладье запретить компартию во Франции, как твой Катру позакрывал все наши газеты и клубы.

- Он такой же мой, как и твой, - спокойно возразил студент, пригладив рукой коротко подстриженные волосы. - Скажу даже больше. Власти начали наступление на демократические организации еще до начала войны в Европе, не дожидаясь директив. Только в одном Сайгоне закрыли четырнадцать газет.

- Тогда о чем разговор? - Дык раздраженно выплеснул остывший чай в таз. - Кто, как не Катру, подписал указ о конфискации всего имущества партии и профсоюзов? Пускай катится, пока цел!

- Не горячись, юноша, - подал голос монах. - Как ни жесток, как ни отвратителен империализм, откровенный фашизм много хуже. И если на смену администрации Катру придут люди из японского кэмпэтай¹, для Вьетнама наступят поистине ужасные времена.

1 Тайная полиция по охране "японского образа жизни".

- Вот и я о том же! - Студент мимолетной улыбкой поблагодарил за поддержку. - Надо как можно скорее узнать о намерениях врага, чтобы попытаться сорвать возможную провокацию. Теперь ты наконец понял? - он обернулся к Дыку.

- Я-то понял, - вздохнул монтер. - Только что мы можем? Откуда силы найдем? Тысячи товарищей гниют в тюрьмах! Да и полиция совсем остервенела. Ты хоть знаешь, что в Ханое открыли четырнадцать новых участков? А принудительный набор в армию? На строительство дорог, аэродромов...

- Скажи, Дык, - монах одобряюще потрепал юношу по плечу, - больше ничего не удалось выяснить?

- Пока нет. - Дык огорченно закусил губу. - Никто, по-моему, ничего определенного не знает. Можно лишь гадать о том, с чем прибыл из метрополии этот офицер. Одно достоверно - он не фельдкурьер.

- Уже кое-что... - Монах убавил свет в лампе. - Необходимо все же выяснить, что это за птица. Простого майора во дворец не позовут. А теперь пора расходиться, друзья.

- Ты в город, Дык? - спросил, вставая, студент. - Пойдем вместе.

- Вместе? - замялся Дык. - Но я хотел помочь дедушке Вему...

- Тогда тебе действительно лучше задержаться, - предупредил недоуменный вопрос студента монах.

Один за другим поднялись они по скрипучему трапу и, простившись с хозяином, тихо сошли на берег.

- Вы плачете, Белый нефрит? - тихо спросил Дык, когда рубашка студента, мелькнув голубоватым отблеском, исчезла за поворотом дороги.

- Отдайте мне ваш цветок. Расстаньтесь с последней капелькой горечи.

х х х

Фюмроль понемногу свыкался с жизнью в тропиках. Он приучил себя не торопиться и избегать волнений, обрел бесценную способность часами смотреть в потолок.

"Течение мыслей должно стать медлительным и бесцельным, как круговорот жизни в глазах аскетов", - разъяснил ему Жаламбе, которого прозвали господин Второе бюро1.

1 Второе бюро генштаба занималось контрразведкой.

Сняв особняк напротив пагоды, олицетворявшей спокойствие лотоса среди моря скорби, он не спешил с переездом. Утомившись после утренней прогулки, возвращаясь в "Метрополь" и молча садился за свободный столик в холле. Цедя зеленый абсент или ледяную анисовку, тихо дремал, пугаясь и вздрагивая, когда кто-нибудь пытался заговорить с ним. Потом поднимался в номер и, постояв под душем, весь мокрый валился на постель. Незаметно приходил вечер. Фюмроль надевал к ужину белый смокинг и спускался в ресторан. Слепленный блеском люстр и сверканием обнаженных плеч, медленно напивался под рыдание скрипок. Уже оглушенный, он тяжело падал на скрипучее сиденье и резко бросал машину вперед.

Куда он мчался по темным улочкам, наводя ужас на велорикш? Зачем рисковал, ухитряясь в последний момент разминуться с таким же, как он, безумцем, неожиданно вынырнувшим из-за угла?

Фюмроль не думал о том, что и без того уже преуспел в неосознанном стремлении обрести нирвану. Разве не была его нынешняя жизнь столь же бесцельной и праздной? Разве воспоминание о прошлом, которое все еще не отпускало его, не казалось похожим на запутанные, видения задремавшего после сытного обеда жуира? Он не отдавал себе отчета в том, что бежит не от нынешнего полусонного существования, а от подлинных снов, тиранящих его по ночам.

Лицо Колет он забыл окончательно и уже не пытался воссоздать его из отдельных клочков. Однако она все еще снилась ему, принимая самые неожиданные облики, и он плакал по-детски, навзрыд, забывая к утру обо всем.

В часы ежевечерних поездок он изъездил город от южных ворот до

северных, но так и не понял его. На улице Персикового цвета, где жили красильщики, пытался купить опиум, в Серебряном ряду искал холодное пиво. В очаровательных тупичках Восточной стены он пропорол камеру и вынужден был оставить автомобиль до утра. Потом вся ханойская полиция искала безмянную улицу, на которой Фюмролю запомнился лишь каменный фонарь. Именно тогда он и услышал впервые пленительные названия: Барабанный ряд, улица Вееров и улица Золотых рыбок.

...Стремительно накатывали сумерки, пробуждая в душе Фюмроля тревожную тоску. Неожиданно ему мучительно захотелось увидеть лицо Колет. Спрыгнув с постели, на которую еще не был опущен марлевый полог, он нашарил ногой плетеные подошвы с веревочной петлей для большого пальца. Долго сосредоточенно вспоминал, где может находиться портрет.

Рабочий стол, заваленный газетами и грудями нераспечатанной корреспонденции, стоял в углу у окна. Выдвинув один за другим несколько ящиков, Фюмроль, к своему удивлению, обнаружил, что там кто-то основательно поработал. Бумаги, в том числе и те, которые полагалось хранить в сейфе, были сложены аккуратной стопкой. И это поразило его больше всего. Он хорошо помнил, что кое-как распихивал их по ящикам, едва успев пробежать глазами. Но этого мало! Он мог поклясться, что некоторые письма он видел впервые в жизни. Взять хотя бы это, напечатанное на бланке с японскими иероглифами. Откуда оно?

Фюмроль включил настольную лампу, но тут же пересел в кресло, выставив ноги на свет, чтобы не жрало комарье. Иероглифы читались совершенно однозначно: "Японская контрольная комиссия". Французский перевод чуть ниже означал то же самое. Но что это за комиссия и с каких пор она находится в Тонкине, Фюмроль понятия не имел. Тщательно пролистав бумаги в столе, Фюмроль обнаружил еще два таких же бланка с грифом японской контрольной комиссии. При всем своем равнодушии и полной безалаберности, он просто не мог не обратить внимания на такой документ. Хотя бы один из трех. Последнее письмо, подписанное неким генералом Нисихарой, было отправлено вчера. Встряхнув корзину с макулатурой, Фюмроль нашел желтый конверт. Он был аккуратно разрезан сбоку. Это снимало последние сомнения. Фюмроль обычно надрывал уголок и небрежно вспарывал конверт пальцем. И вообще он еще не просматривал корреспонденцию за вчерашний день. Как, впрочем, и за позавчерашний. Фюмроль спрятал конверт и принялся изучать письмо.

Японский генерал на плохом французском языке и со множеством ошибок настоятельно предлагал "офицеру связи господину майору Валери де Фюмролю незамедлительно прибыть для встречи, которая состоится в помещении миссии на улице Гамбетта"... Фюмроль взял с подоконника недавно установленный полевой телефон, поставил его себе на колени, медленно снял трубку и вдруг понял, что оживает. В нем проснулось извечное любопытство охотника.

- Послушай, Жаламбе, - нарочито бесцветным голосом спросил он. - С каких это пор в Ханое находится японская миссия?

- А черт ее знает, - с тем же безразличием отозвался Жаламбе. - По-моему, с конца июня. Что-то в этом роде.

- И чем она занимается?

- Ты когда проснулся? - Жаламбе укоризненно вздохнул. - Облейся водой, и через двадцать минут встретимся внизу.

- Ладно, встретимся, - согласился Фюмроль. - Но только ответь на мой вопрос, Шарль. Это серьезно.

- Ты что, в самом деле ничего не знаешь про миссию?

- Так оно и есть. Господин генерал-губернатор, видимо, забыл ввести меня в курс дела. Это военная миссия?

- Разумеется. Японцы в категорической форме потребовали от нас полностью закрыть границу с Китаем и прислали инспекцию. Очень просто.

- В Париже... В Виши об этом знают?

- Должны знать. Впрочем, мы, кажется, поставили их в известность уже постфактум. Катру, как ты понимаешь, вынужден был согласиться. На рейде Хайфона болтался японский крейсер... Почему ты молчишь, мой мальчик?

- Соображаю, а это очень трудный процесс.

- Плюнь на все, Валери. - По некоторой замедленности речи можно было догадаться, что Жаламбе порядком нагрузился. - Пока вы подписывали капитуляцию там, мы подписали ее здесь. Так-то... Притом, кажется, на более выгодных условиях.

- Понятно. - Фюмроль поставил тяжелый, выкрашенный в защитный цвет аппарат на пол и, прижав трубку плечом, раскрыл карту. - Где находятся контрольные посты?

- Ты слишком многого от меня хочешь, красавчик. - Жаламбе рассмеялся. - Ну да ладно, попробую тебе помочь... Записываешь? - спросил он после длительной паузы.

- Давай. - Фюмроль взял красный карандаш и приготовился нанести на карту первый крестик.

- Значит, так... Монгкай, Лангшон, Каобанг, Хазянг, Лаокай и, как ты понимаешь, Хайфон.

Картина вырисовывалась довольно неприглядная: японцы взяли под контроль все основные шоссе и железные дороги, ведущие на север.

- У меня такое впечатление, что мы кувыркаемся в аквариуме.

- Что ты хочешь этим сказать? - В голосе Жаламбе проскользнуло недоумение. - Какой еще аквариум?

- Все видно, Шарль. Сегодня наблюдают, завтра начнут шарить сачком... Кто такой Нисихара?

- Бр-р-р! Настоящее чудовище. Он чего-нибудь от тебя хочет?

- Я нашел у себя на столе три письма. Точнее - повестки, в которых мне предлагают немедленно прибыть для переговоров.

- Целых три? - растроганно спросил Жаламбе. - Тогда ты железный парень, маркиз. Преклоняюсь. Я бы не выдержал уже на втором.

- Что ты мне посоветуешь? - Фюмроль инстинктивно предпочел умолчать об истории с письмами.

- Поезжай. Не надо дергать тигра за усы. Нам всем это может дорого обойтись. Тебе от него еще не звонили?

- Насколько я знаю, нет.

- Значит, они просто накапливают документальный материал. Заметь, одно только твое молчание уже дает повод обвинить нас в нелояльности. Тебе не кажется странным, что шпики дают урок дипломатии?

- Шутки в сторону, Шарль. Ты уже имел дело с этим Нисихарой?

- Как тебе сказать? Этот самурай потребовал от нас копии картотеки. Как ты понимаешь, его интересуют прежде всего коммунисты. Своих людей они, естественно, знают лучше нас.

- И как ты смотришь на подобное нарушение суверенитета?

- Все ведь зависит от точки зрения. В нашем положении это лучше называть дружеской просьбой.

- Ты в самом деле так считаешь?

- А почему бы и нет? Если они хотят помочь мне выловить агентов Коминтерна, я не против. В конце концов, мы делаем общее дело. Вместе будет даже удобнее.

- И чем же это удобнее?

- Во-первых, можно будет дотянуться до тех, кто окопался на китайской территории. Я давно на них зубы точу.

- Ты имеешь в виду принца Кыонг Де, который призывает вьетнамский народ вышвырнуть заморских дьяволов?

- Иронизируешь? - хмыкнул в трубку Жаламбе. - Ну, давай-давай. Не знаю, как ты, а лично я благодарен судьбе, что застрял в этой забытой богом дыре. По крайней мере, от меня не требуют ловить для гестапо французов. Понял? А если азиаты хотят жрать азиатов, я не вмешиваюсь. Они ведь все такие одинаковые... Значит, увидимся в холле?!

Фюмроль задумчиво опустил трубку. Ему ли было осуждать Жаламбе? Вспомнился день накануне исхода, начавшийся телефонным звонком из канцелярии премьера. Фюмроль примчался в резиденцию в тот самый момент, когда Поль Рейно говорил по прямому проводу с Лондоном. Секретарь приложил палец к губам и показал глазами на дверь. Не успел Фюмроль присесть, как дверь распахнулась, и маленький премьер стремительным шагом пересек приемную. "Французские войска выступили", - бросил он на ходу. Он был бледен, и руки его дрожали.

Через несколько дней, когда фронт у Седана оказался прорванным, произошла новая перестановка кабинета. Заместителем премьера стал Петэн, Даладье получил министерство иностранных дел. Вейган, которого назначили главнокомандующим, заявил, что его назначение запоздало на две недели. "Никаких шансов на спасение", – не уставал уверять он. Через Париж тянулись толпы беженцев из Бельгии и Голландии. Завывали сирены воздушной тревоги. С быстротой лесного пожара распространялись самые фантастические слухи. На Кэ д'Орсэ день и ночь пылали каминь. Пепел сожженных бумаг летел над Сенной, по которой еще ползли какие-то баржи. Кто-то предложил сжечь архивы прямо во внутреннем дворе: документов было много, а верховное командование сообщило по телефону, что немецкие танки уже через несколько часов ворвутся в Париж. Но даже эта весть оказалась ложной. Противник еще не завершил операцию во Фландрии. Те, кто торопился поскорее сдать город, не скрывали своего разочарования.

Все возвращается на круги своя. Неминуемость японского вторжения стала еще очевиднее. Фюмролю предстояло вновь изведать паническое бегство, быть может, пережить ужас и позор оккупации. Он решил не вызывать Колет в Индокитай. Застегивая перламутровые пуговицы только что доставленной из прачечной крахмальной сорочки, Фюмроль продолжал обдумывать создавшуюся ситуацию. "Здесь все за всеми следят", – вспомнились слова Жаламбе. Вполне естественно, что стали следить и за ним, майором Фюмролем, которого удостоил вниманием сам Катру. Что же здесь удивительного?

Наблюдать за ним могли агенты разных служб, в том числе и работавшие на Жаламбе. Но письма из японской миссии никак не должны были заинтересовать ни кэмпэйти, ни Второе бюро. Гестапо, которое тесно сотрудничало с японской разведкой, тоже не стало бы охотиться за такого рода корреспонденцией. Она могла интересовать и китайцев, и англичан, и американцев, но в первую очередь тех, для кого тайна переговоров по поводу Индокитая была вопросом жизни и смерти: местных националистов или же коммунистическое подполье.

Трезво прикинув все "за" и "против", Фюмроль решил сделать вид, будто ничего не произошло. Грядущая капитуляция перед Японией развязывала ему руки. Кто бы ни были те люди, которые держат его под неусыпным прищелом, они не враги ему. Не враги они, а, возможно, даже временные союзники и той Франции, которая продолжает сражаться с фашизмом в отрядах маки, под лотарингским крестом генерала де Голля.

Перед тем как уйти, он вынул из внутреннего кармана пакет с секретными инструкциями, содержащими перечень максимальных уступок, на которые может пойти французская сторона, и бросил его на стол. Задержавшись перед зеркалом, сдул пушинку с атласного отворота, поставил на нуль рукоятку фена и потянулся к белой кнопке выключателя. Но лампа под потолком погасла сама собой. Еще час назад Фюмроль не обратил бы внимания на столь незначительное происшествие. Перебои с подачей электроэнергии случались и раньше и были, видимо, в порядке вещей. Не далее как вчера тоже погас свет, и это заставило Фюмроля раньше, чем он собирался, спуститься к стойке, где хорошенькая официантка, кажется, ее зовут Мынь, уже зажгла свечи. "Так даже лучше, – подумал он, в потемках нащупывая замок. – На самый крайний случай у меня будет хоть какое-то алиби. Да и пить при свечах приятнее".

Едва он захлопнул за собой дверь, зазвонил телефон. Дребезжащий зуммер врезался в кромешную тьму коридора как сигнал бедствия. Преодолев минутное колебание, Фюмроль достал ключ.

"Я прошу вас приехать ко мне, – услышал он голос Катру. – И, если возможно, незамедлительно".

Катру принял Фюмроля во внутренних покоях. У него на коленях, сладко зажмурившись, мурлыкала сямская кошечка.

– Хочу проститься с вами, маркиз, – без всяких предисловий объявил генерал-губернатор. – На днях уезжаю.

– Уже? – попытался изобразить удивление Фюмроль. – Как внезапно.
– Он знал, что маршал еще неделю назад подписал указ о назначении

адмирала Жана Деку. – Без вас мне станет еще более одиноко.

– Наконец-то искреннее слово! – Зоркий глаз Катру колюче блеснул, он сделал жест, упреждающий оправдания Фюмроля. – Ради бога, не делайте удивленного лица. В этой дыре всегда все известно заранее. И соблазнований тоже не надо. Я рад, что уезжаю. Можете мне верить.

– Не хочу выглядеть в ваших глазах лицемером. – Фюмроль несколько принужденно развел руками. – Но, как говорят японцы, этикет надо соблюдать даже в дружбе. Притом я действительно огорчен и даже подумываю об отставке.

– Не делайте глупостей. В Виши решат, что вы просто-напросто задумали сбежать к де Голлю.

– Почему бы и нет? – меланхолично спросил Фюмроль. – Впрочем, вы правы, если я надумаю так поступить, то сделаю это тихо. – Он усмехнулся. – А то еще, чего доброго, арестуют.

– Не мне напоминать вам о долге перед Францией, маркиз, – мягко произнес Катру, спуская кошку на пол. – Иди-иди, – пощекотал он ее за ушком. – Перед настоящей Францией, которая была, есть и будет. Вы меня понимаете? Это для нее вы обязаны любой ценой сохранить Индокитай.

– Полагаете, это возможно?

– Вы, как я вижу, убеждены в обратном. Жаль.

– Не стану скрывать от вас, мой генерал, – признался Фюмроль, вяло помахивая веером, – но я действительно не верю в то, что можно сдержать японцев.

– Тогда зачем вы здесь? – резко спросил Катру.

– И сам не знаю. Я все еще куда-то бегу, бегу и не могу остановиться. А уж если быть до конца откровенным, то меня окончательно доконала весть о том, что мы собираемся передать японской полиции списки каких-то агентов Коминтерна. Клянусь честью, такое уже было, мой генерал, и совсем недавно. Меня мучит не столько сам факт, хотя он достаточно омерзителен, сколько навязчивое осознание того, что так уже было. Мы оба помним, чем закончилось все во Франции, и у нас нет оснований рассчитывать на иной конец тут.

– Откуда вам стало известно? – почти не разжимая обескровленных губ, спросил Катру.

– Это имеет для вас значение?

– Да, имеет. Потому что мне не сообщили о подобном требовании японской стороны... Это Жаламбе вам сказал?

– Нет. – Фюмроль покачал головой. – У меня есть иные источники. Как-никак я послан сюда для связи с японцами.

– Слышал, что они не слишком довольны вашей деятельностью, – переменял тему Катру.

– Вы хотели сказать, бездеятельностью? – Фюмроль качнул фаянсового болванчика, и тот послушно закивал уродливой головой. – Так как же насчет списков, мой генерал? Это правда?

– Решайте сами, раз вы осведомлены много лучше меня.

– Значит, правда. – Фюмроль осторожно положил веер на резной столик, где дымилась чашка ароматного чая с лотосом. В серебряных ажурных розеточках лежало печенье и арахис, поджаренный с солью и сахарной пудрой. – Скажите, мой генерал, – спросил Фюмроль, рассеянно отирая с орешков тонкую шелуху, – зачем мы всякий раз ослабляем себя перед решительной схваткой? Из трусости или по убеждению? Флагу с серпом и молотом над Елисейским дворцом Вейган предпочел свастику. Это мне понятно: он действовал по убеждению. Но здесь, в Индокитае, из которого нас все равно вышвырнут, чего мы так трясемся? Думаете, это хоть чуточку умиротворит японцев? Как бы не так. Я терпеть не могу красных. Еще с раннего детства. Когда слушал рассказы про якубинский террор, про какого-то из моих прапрадедушек, которому отрубили голову, у меня сердце ходило ходуном. Впрочем, это так, инфантильная чепуха... Но у меня действительно нет ни малейшей симпатии к коммунистам. И все-таки мне было бы приятнее увидеть в Париже Тореза – он хоть француз, а не эсэсовец в черной униформе. А уж здесь... – Он пренебрежительно махнул рукой.

– Что здесь? Договаривайте.

- Какая нам польза от того, что японцы арестуют еще несколько тысяч красных в Китае или в Гонконге? Будь моя воля, я под занавес, не задумываясь, вооружил бы вьетнамских большевичков. Уж они бы поддали японцам жару!

- Простите, маркиз, но вы рассуждаете, как дитя. Можно подумать, что с тех пор, как бонна читала вам про Дантона и Робеспьера, прошел месяц-другой, а не тридцать лет. Я тоже был бы готов сражаться рядом с коммунистом-французом против нацистов. Но вы не знаете местных условий, мой друг. Я сменил на посту генерал-губернатора Жюля Бревье, провозгласившего демагогический лозунг "ежедневной чашки риса", и только тем и занимался, что выгребал авгиевы конюшни. Это мне выпала нелегкая участь сражаться с кошмаром, который достался нам в наследство от печальной памяти Народного фронта. Легальная компартия, профсоюзы, забастовки? Для Индокитая это было смерти подобно. Можете верить моему опыту. И я рад, что именно мне удалось раздавить многоголовую гидру.

- Мне трудно что-либо возразить вам, потому что вы действительно долго варились во всей этой кухне, а я всего лишь желторотый неопит. И если бы мы не готовились драпать отсюда, ваши слова, несомненно, произвели бы на меня большое впечатление. А так... Не все ли равно, кто тут останется после нас?

- Далеко не все равно. Я знаю Деку и отдаю себе отчет в том, что сегодня он здесь нужнее меня. Свобода от принципов дает большую свободу маневра. Уверен, что Деку тактикой мелких уступок и долгих проволочек удастся выиграть время и спасти Индокитай для Франции. С японцами можно хоть о чем-то договориться, а коммунисты... - Катру безнадежно махнул рукой. - Они готовы и сами погибнуть и погубить все... Внутри страны Франция не встретила бы никакой оппозиции, никакого сопротивления своему присутствию и протекторату, если бы не компартия. Она насчитывает в своих рядах приблизительно тридцать тысяч членов, людей непреклонных, опасных, слепо верящих в свою доктрину.

Лихорадочно замигав, потухли лампы. Умолк голос диктора в радиоприемнике. Зеленый глазок индикатора остывал в глухой тьме.

- Черт знает что такое. - Катру раздраженно позвонил в колокольчик.

- И часто так бывает? - откинувшись в кресле, спросил Фюмроль.

- Последнее время чуть ли не ежедневно. Наверняка саботаж! Я приказал полиции произвести расследование, но они что-то не торопятся. Тотальное размягчение мозгов. Но меня это уже не касается.

Неслышно ступая, вошел с зажженным канделябром Тхуан и унес неподпитые чашки.

- Да, чуть не забыл! - спохватился Катру. - Могу я обратиться к вам с просьбой?

- Сделайте одолжение, мой генерал. Все, что в моих силах...

- Безусловно, в ваших. Возьмите Тхуана, маркиз. Он один из немногих, к кому я искренне привязался в этой стране. Хочется отдать его в хорошие руки. Вы не пожалеете.

- Мне остается лишь от души поблагодарить вас, - поддался уговорам Фюмроль.

- Это мне следует выразить благодарность.

- Скажите, мой генерал, сегодня электричество отключалось уже дважды? - сменил тему разговора Фюмроль.

- По-моему, нет. У меня весь вечер горел свет. А в чем дело?

- Мне показалось, что в "Метрополе" ток отключился несколько раньше. Возможно, просто перегорели предохранители... Как вы считаете, Америка вступит в войну?

- Рузвельт едва ли позволит нацистам доконать Англию. Но, с другой стороны, в конгрессе слишком сильны изоляционные тенденции. Как вы находите Жаламбе?

- Своеобразный человек, - осторожно заметил Фюмроль.

- Это прирожденный охотник на двуногую дичь. Плюс ко всему, у него начисто отсутствуют какие-либо принципы. Незаменимые качества для службы в колониях.

х х х

Приближался тет чунг тху – один из прекраснейших дней года, когда под яркой и совершенной в своей полноте луной пятнадцатой ночи люди встречают середину осени. Веселым карнавалом с затейливым фейерверком и пляской чудовищ в ярко раскрашенных масках из папье-маше празднуют на вьетнамской земле плодотворящее полнолуние. Неуловимый волнующий миг таинственного преобразования природы, когда льдисто мерцает на листьях банана широкий след улитки и роса придает нефритовую полупрозрачность зеленым зернам риса.

В эту ночь детям дарят сладости и затейливые игрушки. На рынке и ремесленных улицах долго не затихает праздничное столпотворение. Дети сами вылавливают из аквариумов золотых рыбок, выбирают в Бумажном ряду пестрые фонарики и веера. А в Серебряном ряду в театре кайлыонг рождают барабаны. Жизнь и смерть встречаются в осеннее полнолуние. Отмирает колос, и остается зерно. Уходят старики, и смеются дети.

В самый разгар карнавала из ворот главного губернского управления жандармерии, что находилось в Барабанном ряду, по соседству с "Обществом умственного и морального совершенствования", выехал крытый фургон. Завывая сиреной, он медленно продвигался сквозь оживленные толпы, заполнившие и тротуары, и мостовые. Монтер Нго Конг Дык бежал за фургоном до самого озера и отстал только тогда, когда, вырвавшись на простор, шофер в полицейской форме дал полный газ.

Когда жандармы оцепили помещение "Сентраль Электрик", Дык находился на электростанции. И это спасло его. Узнав о начавшихся арестах, он, а с ним еще трое товарищей, без промедления выбежали на улицу и разошлись в разные стороны.

Когда Дык немного успокоился и смог трезво оценить положение, он понял, что совершил ошибку, не договорившись с ребятами о встрече. Дык остался совершенно один, без крова над головой и денег. Домой возвращаться было рискованно, а студента взяли еще на прошлой неделе после разгона солдатской демонстрации. Тогда же, узнав об арестах агитаторов на военных базах, скрылся в неизвестном направлении Танг. Других явок Дык не имел. Слоняясь по улицам, он решил искать приют на сампане дедушки Вема. Там можно было спокойно выждать несколько дней, пока уляжется азарт погони, чтобы попытаться потом установить связь хотя бы с ребятами на электростанции. Прежде, однако, следовало выяснить, кого взяли. Дык знал, что задержанных доставляют на внутренний двор, куда, разумеется, не проберешься. Он рассчитывал только на случай. Вдруг фургон остановится перед главным подъездом и хоть на миг покажется чье-то знакомое лицо или кто-нибудь из арестованных ухитрится бросить записку. Но кроме машин, которые то въезжали, то выезжали из железных, выкрашенных ярко-зеленой краской ворот, он ничего не, увидел. Лишь однажды показалось, что в сумраке зарешеченного оконца мелькнула голова студента Виена, и Дык безотчетно побежал за машиной.

"Как глупо", – подумал он, провожая ее взглядом. Оставалось одно: искать приюта на сампане.

Дедушка Вем встретил Дыка как родного. Заметив однажды, что молодой монтер теряет и бледнеет при виде внучки, старик стал почитать его за жениха. "Девочке и вправду пора замуж, – с бесхитростной мудростью рассуждал он. – Недаром говорят, что лиана взбирается ввысь только благодаря дереву. А Дык парень надежный, несмотря на свою молодость, выбился в синие куртки¹, и ей не придется голодать в его доме".

1 Так называли во Вьетнаме квалифицированных рабочих.

– Здравствуй, внучек, здравствуй, – ласково обнял его Вем. – А мы с внучкой уже заждались тебя.

– И что это вы, дедушка, говорите! – гневно притопнула крохотной ножкой Хоанг Тхи Кхюе. – Все я не ждала старшего братца. Это у вас с ним какие-то дела! – Она решительно тряхнула длинной распущенной косой и убежала, ловко перепрыгивая с сампана на сампан.

Дык что-то смущенно пролепетал и сунул старику пакетик леденцов, купленный им на последние деньги в Сахарном ряду.

- А ведь у меня и вправду есть дело к тебе, - сказал Вем. - Мудрый Танг просил передать, что ждет тебя в часовне Красный бамбук, близ Пагоды Благоуханий. Вижу, ты готов кудахтать, как курица над криветками, - похлопал он юношу по плечу.

- Так оно и есть, дедушка! - радостно рассмеялся Дык. - Это первая счастливая весть за долгие дни тревог и горестей... А куда Хоанг Тхи Кхюе убежала? - Ему показалось, что разом минули беды, кончились все испытания. Пританцовывая от нетерпения, он рвался на берег, где его ждала девушка.

- Эх, парень! - сочувственно вздохнул Вем. - За приливом придет отлив. Радостный день короток, меньше вершка. Прежде чем прыгать на одной ножке, подумал бы, как станешь добираться до пагоды.

Старик был, как всегда, прав. До Тюа Хьонг - священной для каждого вьетнамца Пагоды Благоуханий - было километров шестьдесят, путь неблизкий. Тем более, что пролегал он через городки и реки провинции Хатэй, где у каждой переправы, у каждого городского шлагбаума стоял полицейский пост. Если Дыка действительно ищут, то ближайшие заставы уже оповещены о его приметах. Даже если и удастся выбраться из Ханоя по реке, все равно не избежать расспросов в полицейских будках близ мостов и переправ.

- Чего молчишь? - поинтересовался Вем, завертывая в лист бетеля орешек арековой пальмы и щепотку извести. - Хочешь? - предложил он Дыку.

- Нет, спасибо, дедушка, - отказался монтер. Он не любил бетель, от которого рот поминутно переполняется красной как кровь слюной и обморочно холодеет в висках. - Я все прикидываю, как мне поскорее добраться до места.

- Экий ты прыткий! Не о быстроте думать надо, а о спокойствии. Я не спрашиваю тебя, зачем ты едешь к мудрому Тангу. У рыбы бонг своя печень, у рыбы бон - своя. - Вем сплюнул за борт алую жижу. Губы его потемнели. Живее полилась речь. - Я не стану докучать тебе советами, сынок, но послушай, что мы надумали с внучкой. Сампан...

- Неужели собираетесь плыть?! - обрадовался Дык.

- Что ты суетишься и высказываешь вперед, как слепой колдун перед свадьбой? - выказал неудовольствие Вем. - Да, я решил поставить парус. Вода улеглась, ветры дуют благоприятные, а сампан в полном порядке. Я на днях его осмотрел, немножко законопатил, и теперь на нем можно плыть хоть до Сайгона. Старая рубаха, да ладно заштопана. Понял?

- Спасибо вам за все, дедушка, - с чувством промолвил Дык. - Я ведь так привязался к вам и Хоанг Тхи Кхюе... - Он замолк, испугавшись, что сказал слишком много.

- Мы тоже полюбили тебя, - спокойно ответил Вем и, словно все у них было решено и договорено, ввернул подходящую поговорку: - "Девушка без мужа - что лодка без руля, парень без жены - что конь без узды".

- Да я бы с радостью... - залился краской Дык. - Только не знаю, как Белый нефрит... И притом, у меня же ничего нет.

- Как так ничего? А голова? А руки? Ценнее этого, сынок, в мире только сердце. Скажу тебе прямо, что лучшего мужа для внучки я не желаю. А уж как с ней поладить, ты сам решай.

- Вы думаете, Хоанг Тхи Кхюе не станет возражать, если я поплыву с вами?

- А ты сам ее об этом спроси.

- Но она-то хоть знает, куда мы направляемся?

- Все, что думает сделать мужчина, уже давно решила за него женщина. Когда пришли с вестью от Танга и внучка узнала, что ты поедешь в Тюа Хьонг, она сама велела мне ставить парус. И то правда, надо же возблагодарить Будду за счастливое воскрешение из мертвых? Как ты думаешь?

- Еще бы! - с горячностью откликнулся Дык. - Легче вырваться с того света, чем из клетки Пулокондора.

- Вот и ладно. Вместе и пойдете по священным местам, а я подожду

вас где-нибудь у переправы. Прошло мое время карабкаться в гору. – Вем выплюнул жвачку и подтолкнул Дыка. – Теперь можешь идти...

"Он все знает", – растроганно подумал Дык.

На другое утро старый сампан тихо вышел из залива и, ловя попутный ветер парусом, медленно поплыл против течения Красной реки. Потянулись бесконечные рисовые поля, окаймленные пальмовой порослью. Порой меж стволов мелькали белые тюа. Темные католические соборы упрямо высились на холмах.

Грациозно нагнувшись над тихой водой, девушка в остроугольной шляпе без устали гребла носовым веслом, проталкивая тяжелую лодку мимо заросших розовыми лотосами сплави́н, сквозь шуршащий заслон тростника. На других лодках тоже гребли девушки. С незапамятных времен весло стало женским орудием в стране вьетов.

В лодке, которая везла Хоанг Тхи Кхюе и Нго Конг Дыка, сидели еще двенадцать паломников: три жизнерадостные старухи, чьи зубы были покрыты черным лаком, две молодые пары и семья из Хайфона.

Лодка пристала у небольшого базарчика. Под навесами из пальмовых листьев торговали связками курительных палочек, ладанками, амулетами, священными заклинаниями. Хоанг Тхи Кхюе и Дык повесили на грудь пластинки с Буддой на лотосе, украшенные пятью разноцветными шелковинками, олицетворяющими стихии, и весело зашагали в гору. Полуденный зной был в самом разгаре. Раскаленный воздух звенел от стрекота насекомых. Слепил глаза неистовый свет.

– Надо было нам выпить кокосового молока внизу, – посетовал Дык, останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

– Мы еще не начали подъем, а ты уже устал, – поддразнила его Хоанг Тхи Кхюе. – Охо-хо!. – вздохнула она, запрокинув голову.

Перед ними высилась почти отвесная, заросшая цепкой ползучей растительностью стена. Мечевидные зазубренные листья и длинные стебли с загнутыми шипами делали ее неприступной. Узкая каменистая тропка, круто уходящая вверх, совершенно терялась в первозданных джунглях.

Какой невероятный, всепоглощающий порыв подвигнул человека поселиться в диких джунглях, где все враждебно, чуждо людской природе, где, кроме невыносимой удаленности от суетных соблазнов мира, нельзя ничего обрести. Год за годом и век за веком вырубали отшельники каменные ступени и белым щебнем, чтобы не заплутать в ночи, мостили тропы. В известковых кавернах воздвигали они алтари, метили священным знаком источники, из многотонных плит, странно звучащих под ударами камня, высекали образы богов и чудовищ.

Сверкая желто-зеленой глазурью, стояли многоярусные башни перед зеленым пологом дикого леса. В них пепел и уголи погребальных костров. И, прежде чем почтить богов, люди молитвенно складывали ладони перед этой горсточкой праха.

Вместе с другими паломниками Кхюе и Дык зажгли свечи перед позолоченными статуями, наряженными в праздничные одежды, и, взявшись за руки, отправились в дальнейший путь.

– Скажите, Белый нефрит, – обратился Дык к девушке, потупя взгляд. – О чем вы просили богов у алтаря?

– Я благодарю за весть об отце. Не сердитесь на меня, старший брат, но этого требовал обычай. И не думайте, пожалуйста, что я забыла ваши наставления. – Она лукаво заглянула ему в глаза. – А зачем вы сами поставили свечку, если не верите в милость святых отшельников?

– Мы должны вести себя, как все, – ответил Дык. – Иначе на нас могут обратить внимание... И еще мне захотелось, – запинаясь, добавил он, – чтобы моя свеча курилась рядом с вашей.

Обогнув возвышенность, они вышли на открытое место. Жаркий иссушающий ветер с лаосских гор задувал теперь прямо в лицо. В глаза летела колючая известковая пыль. С лесистого склона скатывались черные лоснящиеся черви, похожие на кольца марсельской колбасы.

– Давайте поскорее пройдем это место, – трудно дыша, сказала девушка. – За поворотом должна быть тень, и мы сможем немного передохнуть.

Но им еще долго пришлось взбираться по каменистой тропе под

палящими лучами солнца.

Будь Дык сейчас один, он бы ничком свалился под первым же деревом и остался бы там до тех пор, пока не выровнялось дыхание. Перед глазами колыхалась жаркая красноватая мгла. Ему казалось, что он не сможет сделать ни шага дальше. Почти теряя сознание, он все-таки продолжал взбираться все выше и сам поражался тому, что еще может идти. Шагая его, девушка пошла медленнее, терпеливо дожидаясь, когда он отставал. Она уже ни о чем не спрашивала, а только подбадривала веселыми возгласами.

- Теперь уже близко! - неустанно повторяла она. Но до конца все еще оставалось далеко, и негде было даже присесть на узкой тропе. Среди устилавшей редкие ниши пыльной сухой листвы шуршали лесные клопы и многоножки. Дык пришел в себя от ласкового прикосновения.

- Здесь мы отдохнем, старший братец, - тихо сказала девушка, увлекая его в густую тень пальмовой кровли.

Там на бамбуковых, устланных циновками подмостках блаженно подремывали усталые путники. Добродушная толстуха с яркими от бетеля губами распаренным черпаком из кокоса щедро разливала чай. В кипящем чане вместе со свежими чайными листьями мелькали ветки. С первыми глотками горьковатой обжигающей жидкости Дык обрел способность воспринимать мир во всей его полноте. Вкусный запах дыма щекотал ноздри, он радовался беззаботному смеху голых ребятишек, кувыркавшихся в пыли, и полной грудью вдыхал живительный, почти осязаемый сумрак. В дальнем углу сидел худой старик. У его ног стоял горшок с вязкой зеленоватой жидкостью, в которую он обмакивал тонкие бамбуковые стрелы. Перед домашним алтариком стояло блюдо с белыми и лиловыми лепестками. В дыму курений смутно золотились подношения: бананы, плошка риса, медная кружка с водой. Дык не заметил, как его сморил сон. Пока он спал, не выпуская из рук чашки, Хоанг Тхи Кхюе обмахивала его плетеным веером. Оживленно болтая с хозяйкой, она не спускала глаз с тени, которая острым углом медленно наползала на тропу. Надо было вновь отправляться в дорогу.

- Вставай. - Девушка осторожно погладила Дыка.

Приободренные отдыхом, они зашагали по горячему щебню, вспугивая стрекоз. О близости пещер свидетельствовали все чаще встречавшиеся каменные жертвенники, где шелестели под ветром засохшие цветы. Окруженные колючей изгородью ананаса, одиноко высились деревянные божницы, насквозь источенные термитами. На расчищенном от ползучих растений известковом склоне были высечены магические символы, позеленевшие от времени и туманов.

Наконец тропа выровнялась, и впереди показался красный мостик, за которым виднелись ворота с иероглифами и вечный спутник тка - дерево дай.

Когда Кхюе и Дык вошли под своды пещеры, им показалось, что они заглянули в ад. Глубоко внизу клубились густые пары, пронизанные жгучими точками тлеющих свечек. Густой запах можжевельника и сандала царапал горло, ел глаза. Высоко под каменной аркой гулко перекачивалось эхо. Потревоженные летучие мыши метались во мгле. От вечного дождя, которым проливались охлаждавшиеся под каменным сводом испарения, земля под ногами разбухла и сделалась скользкой. Переход от ослепительного, жаркого полдня к морозящему мраку был настолько резок, что начал бить простудный озноб. Пропитанные курениями душные волны тумана не позволяли разглядеть лики богов. Изваянные из прозрачного кальцита, боги словно изнутри наливались красноватым свечением, представляя в новом облике, тревожа и усыпляя нескончаемой изменчивостью. Все ниже становились гладкие своды, нависавшие причудливыми складками. Порой кто-то из паломников пробовал постучать по ним камнем, и тогда вся пещера наполнялась тревожным и гневным рокотом. Хотелось поскорее вырваться из этого удушливого, то в жар, то в холод бросающего тумана. Но сзади напирала все новые толпы, и оставалось только идти вперед, вздрагивая невольно от скользкого прикосновения сглаженных стен. Блуждая под тихим дождем от алтаря к алтарю, паломники теряли ощущение времени и окончательно запутывались в лабиринте. Лишь безотчетно повинувшись нетерпеливым толчкам в спину,

они в конце концов оказались под той же самой оплетенной лианами и корнями аркой, с которой начинали свое нисхождение в подземелье.

Подобно остальным, Кхюе и Дык были вынесены людским потоком на исходную площадку, откуда впервые заглянули в туман преисподней. Следом за ними показались и знакомые по лодке молодожены. Обрадованные новой встречей, обе пары, словно стремясь поскорее освободиться от наваждения, решили продолжить обход святынь вместе.

- На обратном пути мы могли бы как следует осмотреть храм Тын-Чэнь, - предложили молодожены.

- Это было бы чудесно! - воскликнула Кхюе. - Давайте так я сделаем. Ты согласен? -спросила она, положив руки на плечи Дыка.

- Разумеется. - Он задумчиво улыбнулся в ответ, но тут же опомнился и, обращаясь к молодоженам, попросил: - Возьмите ее, пожалуйста, с собой. Мне нужно еще навестить знакомых... - Он запнулся и, глядя в сторону, бросил: - В общем, увидимся в лодке.

В пещеру он вступил, упрямо нахмутив брови. На сей раз она не произвела на него столь сильного впечатления.

- Я ищу часовню Красного Бамбука, - обратился он к первому же монаху, которого сумел различить в полумгле только по бритой голове.

- Пройди к главному алтарю, - был ответ. - Там тебе укажут дорогу.

Часовней Красного Бамбука назывался небольшой грот, соединенный с пещерой долгим извилистым коридором. Престарелый тучный монах вручил Дыку электрический фонарик и наказал придерживаться правой стороны подземного перехода.

- Пробуй правой рукой стену, и ты не заблудишься, - повторил он, приподнимая край шелкового занавеса, за которым чернела округлая дыра. - Тебе сюда.

Танга он нашел в голой сумрачной келье. Все ее убранство составляли циновка и кокосовая чашка.

- А где ваши книги? - удивился Дык.

- Мне приходится работать в другом месте. Ничего не поделаешь. Я просил приюта и получил его. Взамен от меня требуется только одно: подчиняться здешнему уставу.

Танг подсел поближе к окошку и принялся внимательно рассматривать привезенные Дыком фотографии.

- Ты знаешь, что здесь? - спросил он.

- Догадываюсь. За день до ареста студент говорил о письме Петэна новому генерал-губернатору. Это оно?

- Ты привез очень важные сведения. Угроза японского вторжения нависла над нашей страной. Что тебе поручено передать на словах?

- Японский посол в Виши потребовал от Дарлана признания преимущественных позиций Японии на Дальнем Востоке, - на одном дыхании выпалил Дык. - Он настаивал на предоставлении японской армии некоторых льгот в Северном Индокитае.

- Так и сказано: "некоторых"? Ты ничего не перепутал?

- Все верно, товарищ Танг.

- Под этим расплывчатым определением скрывается страшное слово - оккупация. - Танг вынул из конверта снимок. - Вот что маршал Петэн пишет в секретном послании адмиралу Деку: "Я приказал моему правительству открыть с Японией переговоры, которые, избегая рокового для Индокитая конфликта, должны сохранить наши основные права". - Он повернул отпечаток к свету. - Студент не говорил тебе, где именно удалось сфотографировать письмо?

- Нет. Он же не знал, что его возьмут... Но я думаю, что там же.

- Похоже, что так, - задумчиво кивнул Танг. - В углу есть пометка: "Фюмролю - для сведения" и неразборчивая подпись... Возможно, самого Деку.

- Значит, товарищи рисковали не зря, - вздохнул Дык.

- Да, бумаги исключительно ценные. Вишисты, судя по всему, готовы уступить. Они продали свою страну, теперь продадут нашу. Для нас это не явилось неожиданностью. Меня другое смущает. Слишком уж беспечен этот новый майор. Тебе не кажется?

- Не знаю, - честно признался Дык, польщенный тем, что такой человек, как Танг, интересуется его мнением. - Я не задумывался над этим. Радовался удаче, и все.

- И напрасно. Не забывай, что АБ следует за нами по пятам. Массовые аресты, в ходе которых мы лишились самых лучших товарищей, должны послужить нам суровым уроком.

- Вы думаете, что письмо... - робко начал Дык.

- Может оказаться началом широко задуманной провокации? - досказал за него Танг. - Да, такая мысль у меня шевельнулась. Меня очень настораживает поведение этого Фюроля.

- Что же теперь делать? - растерянно спросил Дык.

- Прежде всего тебе следует убраться подальше, - как о чем-то давно решенном объявил Танг. - Далее, - он начал загибать пальцы. - Раз и навсегда прекратить канитель со светом, которая наверняка привлекла внимание тайной полиции и к электростанции, и к вашей "Сентраль электрик"... И, наконец, последнее: следует внимательно приглядеться к Фюролю. На мой взгляд, он работает слишком топорно для контрразведчика из метрополии. Кроме того, сведения, которые мы получили благодаря его действительной или мнимой халатности, сомнения не вызывают. Мы перепроверили это по другим источникам.

- Тогда я совсем ничего не понимаю, - развел руками Дык.

- Ничего, разберемся, - успокоительно заметил Танг. - Я посылаю тебя курьером во Вьет-Бак. Необходимо срочно уведомить партийное руководство о ходе японо-вишистских переговоров.

- Я готов, товарищ Танг. Когда ехать?

- Немедленно... Ты здесь один?

- Меня привез на сампане дедушка Вем. Если нужно, мы сегодня же отправимся в обратный путь. Хоанг Тхи Кхюе, наверное, уже ждет возле лодки.

- На сампане тебе появляться больше не следует.

- А как же Кхюе? Она без меня не уедет.

- Я сам предупрежу ее, - сказал Танг. - Тебе все равно нельзя оставаться в Ханое, - объяснил он. - Да и выбирать особенно не приходится. Арестованы почти все наши курьеры. Вся надежда на тебя, Дык. Не подведешь?

- Не подведу, товарищ Танг.

- Я дам явку в Фули. Там тебе помогут побыстрее пробраться на север. Возможно, придется перейти границу. Но это уже решат товарищи на месте. Возьми, - улыбнулся Танг, возвращая пакет с фотографиями. - Повезешь дальше. Забудь обо всем, кроме задания. Положение очень трудное. Мы потеряли связь с заграничными центрами. Родина в опасности, товарищ, и многое зависит от тебя.

х х х

Под именем Хо Куанга перебрался Нгуен Ай Куок¹ на новое место. Расположенная к югу от реки Янцзыцзян китайская провинция Хунань напоминала о родине рисовыми полями, зеленью бататовых листьев, чайными плантациями в защищенных от муссонных ветров долинах. Даже здешние горы населяли племена мяо, туй и яо, хорошо знакомые ему по вьетнамскому северу, по горным лесам Чиенгмая в стране Сиам. Только иными были краски. Красноцветные почвы утомляли глаза лиловатым оттенком, мутная желтизна заболоченных низин навевала тоску. Чужим казался и запах паленого кизяка в вечерний час, когда пленки тумана оседают на синих волнах гаоляна. А в страшном месяце засух, в августе, когда над выжженными травами пролетали горные ветры, сочные краски съедала желтоватая удушливая пыль. И тогда все вокруг казалось враждебным.

1 Имя, которое на протяжении многих лет носил товарищ Хо Ши Мин.

На окраине Чанша, где временно поселился Нгуен Ай Куок, бродили стаи голодных собак. Почти круглый год не просыхали вонючие лужи на унылых, заваленных грудями отбросов улицах. В квартале бедноты, где

жили рикши и рабочие с фабрики зонтиков, не было ни канализации, ни водопровода. Но после сырости и зловония одиночки в гонконгской тюрьме даже барак мог показаться роскошью. Тем более, что Нгуену приходилось скрываться в джунглях и на сампанах, ютиться в матросском кубрике, спать в ночлежках Парижа. Он привык довольствоваться немногим и был уверен в том, что профессиональный революционер обязан делить с пролетариатом все тяготы жизни. Он брался за любую работу: подстригал кусты букса в садах и убирал снег на парижских бульварах, разносил закуски и пиво в открытых кафе и ретушировал фотографии. Менять города и занятия его вынуждала конспирация, но работал он, чтобы жить. И так было всюду: в Европе, Азии, Африке.

Бывал он и в Москве, куда впервые пробрался, преодолев невероятные препятствия, чтобы проститься с великим вождем. Дрожа от непривычной стужи, перебегал от костра к костру. Поземка мела по заснеженным улицам, бесконечно черной рекой вилась молчаливая очередь. В общепитии Коминтерна замерзли чернила, и Нгуен записал отрывком карандаша: "При жизни он был нам отцом, учителем, товарищем, советчиком. Теперь - он путеводная звезда, ведущая нас к социальной революции".

...Сегодняшний день обрадовал Нгуен Ай Куока. Коммунистическое подполье на севере Вьетнама сумело, наконец, восстановить связь с Восточным бюро Коминтерна. Вместе с письмами и документами курьер привез даже бутылочку рыбного соуса. Недаром говорят - чем дольше остается вьетнамец на чужбине, тем чаще снится ему рыбный соус. Вести с родины оказались неутешительными. Со дня на день Япония могла оккупировать страну. Как только в Европе вспыхнула война, Нгуен Ай Куок понял, что японская экспансия не ограничится китайским конфликтом. Приходилось считаться и с возможностью провокаций со стороны Китая. Через вьетнамских эмигрантов стало известно, что немецкие военные советники при штабе Чан Кай-ши разработали планы прорыва к морю через Тонкин. Для стратегов Небесной империи это был привычный и хорошо изученный путь. Опасность вторжения гоминдановской армии заставляла Нгуена оставаться в Китае. Зарубежные центры Компартии Индокитая уже готовили на такой случай защитные меры. Судя, однако, по документам, которые доставил курьер, Япония готовилась первой вступить в Индокитай. Секретный договор с Виши полностью развязывал ей руки.

Близился тот самый решающий шаг, в предвидении которого партия создавала подпольные центры. Первыми после Мюнхенского соглашения перешли на нелегальное положение кадровые работники Бакбо. Затем, уже после начала военных действий, ушли в подполье коммунисты Чунгбо, а в Куангчи партийные учреждения даже были переведены в горы. Опыт последних месяцев показал, что именно в горных районах следует развернуть организованное антифашистское движение. Ай Куок не ошибся, когда еще в Гуйлине разработал план создания революционной базы в провинции Каобанг. Горные джунгли и бесчисленные пещеры станут надежным укрытием для крохотного зерна, из которого взрастет золотой колос свободы. Народные массы Каобанга лучше, чем в других районах, подготовлены к революционным боям. Отсюда легче распространить движение на равнину, здесь налажены связи с братскими коммунистическими партиями других стран. Нгуен Ай Куоку было приятно узнать, что товарищи, которым он предложил перебраться из Китая на родину, уже прочно обосновались в Каобанге и начали создавать партизанские отряды. Вьетнамскому народу есть чем встретить незваных гостей. Вместо того чтобы смиренно надеть на шею еще одну фашистскую петлю, он раз и навсегда сбросит с себя все путы угнетения. Прямое дерево не боится умереть стоя.

Как хотелось ему пережить и понять все то, что понял и пережил, готовя восстание, Ленин.

Занавесив окно, чтобы с улицы не увидели огня, Нгуен возвратился к шаткому столику и обмакнул перо в чернила. Приткнувшись к стене, спал на кане юноша курьер, и смутная улыбка на припухлых губах говорила, что ему снятся счастливые сны. Нгуен Ай Куока ожидала

бессонная ночь. Нужно было ответить на все письма, набросать свои соображения об особенностях антиимпериалистической борьбы на новом этапе и попробовать написать короткое стихотворение, чтобы самому темному и неграмотному кули было легко найти свое место в общем строю. Воспитанный в доме интеллигентного конфуцианца, Нгуен Ай Куок еще мальчиком научился слагать стихи. Но всякий раз его поражает неподатливость древней канонической формы, когда в нее приходится вмещать политический лозунг.

Утро заявило о себе музыкальной разноголосицей бродячих мастеров и торговцев. Звеня медными тарелками, прошлепал по лужам точильщик, потом деревянные палочки старьевщика отщелкали свой нехитрый мотив. Гулко рокотал барабан продавца ниток, разносчик сладостей нещадно колотил в гонг.

Он задул лампу и поднял бумажную штору. За окном сочился маленький надоедливый дождь. Увязая в раскисших колеях, надсадно скрипели тяжелые тачки. Мужчины и женщины в одинаково синих брюках месили темно-красную грязь. Длинные халаты, косички и корзины, корзины, корзины.

Пора было будить гонца. Тот все еще спал, подложив под щеку ладонь, и Нгуен Ай Куок пожалел юношу. Пусть спит, пока может. Когда в дверь постучали, он спрятал письма, убрал в ящик перо и чернильницу, закрыл спящего ширмой. Быстро оглядев комнату, откинул запор. Увидев за дверью Lyonга, приложил палец к губам:

- Входите, пожалуйста, только тихо. У меня человек отдыхает.
- Кто? - покосился на ширму Lyonг.
- Наш земляк, - лукаво прищурился Нгуен Ай Куок. - Дорогой гость.
- Неужели восстановилась связь? - обрадовался Lyonг. - Какие вести?
- Разные. Когда соберутся товарищи, обсудим.
- Сегодня не придется. - Lyonг бросил взгляд на окно. - Мне показалось, что за домом следят. На всякий случай вам нужно срочно сменить квартиру.
- Неприятная новость. - Нгуен Ай Куок озабоченно кивнул. - Интересно бы узнать, кто. Если китайцы, то это еще полбеды. Они могут приставить соглядатая просто так, на всякий случай. Трудно придется, правда, когда такой случай настанет. Тут уж вам припомнится все. Вы не заметили, кто следит?
- По виду будто китаец. Он, к сожалению, поспешил скрыться, и я не запомнил. Да и нельзя судить о человеке по внешнему виду.
- Это так. Чтобы рис стал белым, сто раз ударишь пестом. Китаец может с таким же успехом работать и на французскую, и на японскую разведку.
- Даже в китайской Красной армии полно шпионов и антибольшевистских агентов.
- Ну, ничего не поделаешь, будем перебираться. Вы постарайтесь незаметно вывести паренька. - Нгуен Ай Куок кивнул на ширму. - А я попробую изменить внешность. Может быть, это и к лучшему. Птицы зовут в свою стаю. Пора на родину, добрый друг.
- Не так просто подготовить ваше возвращение.
- Я понимаю и не тороплюсь. Но для начала я хочу перебраться поближе к границе. А это для вас, - Нгуен Ай Куок протянул Lyonгу засушенный стебелек горечавки. - Привет из дома. Поздравляю, товарищ.
- Дочь! Значит, они все-таки ее разыскали... Она, наверное, стала совсем большая.
- Долги убывают, дети вырастают. - Нгуен Ай Куок одобряюще подмигнул. - Мы ещеждемся счастливых минут.

х х х

Китайский остров Тайвань, отторгнутый Японией в 1895 году по Симоносекскому договору, занимал в планах японского генерального штаба важное место. Именно здесь, на Формозе, как теперь именовался Тайвань, отрабатывались основные элементы операции "Прыжок на юг". Горные цепи, лагуны и заболоченные астуарии западного побережья превращали остров в

естественный полигон, на котором набирались опыта части, предназначенные для ведения боевых операций на Малайском архипелаге и во Французском Индокитае.

Влажные тропические леса, где водилось тринадцать видов ядовитых змей, и мангровые заросли тоже играли не последнюю роль.

В специальном центре - часть э 82 - дислоцированной на острове армии разрабатывался сложный комплекс исследования местных условий. Малайрия и древесные пиявки, ядовитые плоды и обычаи лесных племен - все подвергалось скрупулезному изучению. Особое внимание придавалось таким, казалось бы, второстепенным проблемам, как, скажем, "древесные породы" или "мед лесных мух". Подобные "мелочи" зачастую становились в джунглях вопросом жизни и смерти. Солдат обучали разжигать костер из влажной древесины и поддерживать его горение в парной атмосфере лесов, показывали, как прижигать сигаретой насосавшуюся крови пиявку, чтобы она отвалилась, не оставив в ранке - иначе образуется незаживающая язва - клочков рогового отверстия. Военные ветеринары дотошно присматривались к поведению лошадей, которых одолевали москиты, инженеры тщательно вымеряли радиус поражения гранатами в условиях травяных джунглей, открытых болот и болот в центре леса.

Создавались новые виды смазок, рассчитанные на высокую влажность, противогрибковых кожных мазей, таблеток для быстрого обеззараживания воды. В бараках, на скорую руку возведенных из бамбука и тонких досок, вычерчивались профили далеких южных островов, составлялись таблицы приливов и отливов, штабные офицеры с витыми аксельбантами наносили на карты береговые укрепления Сингапура, Пенанга и Кота-Бару, штудировали порядок несения караульной службы в британской (Малайя), голландской (архипелаг), американской (Гавайи) и французской (Тонкинское побережье) армиях.

Японские резиденты на местах спешно добирали через свою клиентуру - парикмахеров, поваров, часовщиков и коммерсантов - недостающую информацию. Днем и ночью радисты в наушниках заполняли тетради бесконечными колонками пятизначных числовых групп.

По странной случайности мощная радиостанция, с которой вещал на Вьетнам принц Кьонг Де, находилась в непосредственной близости от шифровального отделения, куда поступали разведанные со всей Юго-Восточной Азии. Барачный городок, к которому примыкал палаточный лагерь, был расположен в пригороде Тайбэя, называвшегося теперь Тайхоку. У контрольно-пропускного пункта и на вышках с прожекторами стояли длинноствольные пулеметы "намбу". По другую сторону отгороженной шлагбаумом железнодорожной ветки находился небольшой аэродром с травяным покрытием.

Непосредственно к аэродрому примыкало единственное в зоне двухэтажное здание из железобетона, в котором размещался секретный отдел - мозг и сердце всего предприятия. Впрочем, сами офицеры спецслужбы именовали свой отдел "компанией висельников". Кто-то из шутников даже приколотил к двери дощечку, на которой черной тушью был нарисован повисший на веревке человечек. Но ее вскоре сорвал сокрушительный тайфун, пронесшийся над островом в августе. Тогда же были сломаны и верхушки росших поблизости тонких сахарных пальм.

Подполковник Арита, начальник отдела, приказал спилить тончайшие стволы и засадить голое место бананами. На банановых пальмах он демонстрировал молодым офицерам фехтовальные приемы самураев.

- Это горизонтальный удар, - объяснял он, срезая со свистом верхнюю часть ствола. - Он называется "полет ласточки". Изячно, не правда ли? Но для начала я рекомендую испробовать более простое "опускание журавля". Вот так! - Последовал молниеносный удар наискось. - Удар наносится от левого плеча к правому бедру. Левши, разумеется, поступают наоборот, - добавил Арита под общий смех.

Когда от банановой поросли остались лишь желто-зеленые слезящиеся пеньки, подполковник бережно вытер фамильный меч на длинной костяной рукоятке шелковым платком.

- Надеюсь, что вскоре мы сможем потренироваться на живых моделях, - улыбнулся он, обнажив крупные, немного торчащие вперед зубы.

Самурайские забавы прервал адъютант: подполковника срочно вызывали в штаб. Офицеры почтительно расступились. Об Арите ходили разные слухи. Кое-кто уверял, что он уже испробовал в Китае "кимотори" – древний ритуальный обряд, при котором самураи съедали печень побежденного врага. О том же, что под видом кули подполковник облазил все восточное побережье Малайи от Кота-Бару до Джохорского пролива, знал весь Тайхоку. Недаром Ариту прозвали "Келантанским духом". Высадившись с подводной лодки на песчаном, заросшем пальмами берегу, он углубился в леса и по реке Келантан добрался до Куала-Края. Оттуда уже по железной дороге проследовал в Джерангут, чтобы вновь уйти в жуткие дебри Паханга. Даже те, кто с блеском выдержал обязательный экзамен на выживание, то есть три недели продержался в джунглях на обычном трехдневном рационе, называли анабазис Ариты чудом. Человек на такое не способен. Только дух. Или, в крайнем случае, заведомый висельник. Отсюда, вероятно, и пошло название особого отдела.

Генерал Итагаки тоже был наслышан о подвигах "Келантанского духа" и потому с интересом взглянул на невысокого смуглого офицера. Как и положено разведчику, внешне он ничем не выделялся. Лишь светлые пятна на щеках свидетельствовали о том, что совсем недавно все лицо этого человека покрывали жуткие гнойники, искусно нанесенные лучшим военным хирургом. Итагаки, сделавший карьеру в штабах, отдавал должное таким, как Арита, людям практики – непревзойденным мастерам-одиночкам. Конечно, он мог вызвать разведчика в военное министерство. Но генералу захотелось на месте приглядеться к человеку, на котором он остановил свой выбор. В новом плане, который разрабатывал Итагаки, предусматривалась заброска в тыл противника целого отряда диверсантов. На этих людей генерал тоже решил посмотреть лично. Важно было убедиться в том, насколько успешно смогут они работать во взаимодействии. Итагаки знал, что все "висельники" являются членами тайного офицерского общества "Черный океан", к каковому принадлежал и он сам. Но не это определило его выбор. Человеку, для которого военная операция сводилась к графикам, таблицам и сводкам, чрезвычайно импонировал педантизм, с каким подходили в части э 82 к разработке очередных заданий. В какой-то мере она была его детищем. После образования Маньчжоу-Го, на месте китайской Маньчжурии, захват которой столь тщательно распланировал Итагаки, его идеей фикс сделался "Прыжок на юг".

Дальнейшее продвижение в Китае явно застопорилось, и следовало срочно изыскать другие возможности. "Прыжок на север", иначе говоря, новая операция против СССР, скорых лавров не обещал. Оставался, таким образом, южный вариант. Но он тоже был сопряжен с риском. Если Франция, Голландия и даже Великобритания могли быть сравнительно быстро выведены из игры, то столкновение с могущественной, обладающей колоссальным промышленным потенциалом Америкой грозило многими осложнениями. Поэтому плану Итагаки сопутствовал дерзкий, но тщательно выверенный план, над которым работали в штабе адмирала Кусака. С соперничеством США на Тихом океане предполагалось покончить одним ударом.

Генерал молча изучал застывшего перед его столом офицера в простом кителе.

– Садитесь, подполковник, – указал Итагаки на стул. – Вы догадываетесь, зачем я здесь?

– Догадываюсь, господин генерал.

– Курите. – Итагаки пододвинул раскрытую коробку папирос.

– Благодарю, господин генерал, я не курю.

– Наверное, жуете бетель? – пошутил Итагаки.

– Это больше пристало кули, – без улыбки ответил Арита. – И в лесу можно всегда отыскать листья.

– Предусмотрительно, – одобрил генерал. – Говорят, отсутствие кукурузы причиняет страдание... А как насчет сакэ?

– Только перед операцией.

– Ваши люди тоже придерживаются столь строгих правил?

– Да. Я стараюсь отучать их от вредных привычек.

- Интересно, как вы обходитесь с заядлыми курильщиками? - Положив ногу на ногу, генерал со вкусом выпустил тонкую струйку дыма.

- Забрасываю в джунгли. Волей-неволей они начинают искать бетель.

- И что ж, после возвращения они не тянутся к сигаретам?

- Таких я забрасываю еще раз. Кто выживает, приучается жевать лист.

- Круто, но разумно. - Генерал отложил потасшую папиросу и с живостью наклонился к собеседнику. - Итак, свершилось, подполковник. Ваша догадка правильна. Мы идем на юг. По графику - ровно через двадцать одну неделю. У вас все должно быть в полной готовности. В свое время Танака говорил, что для завоевания Китая необходимо взять Маньчжурию и Монголию, а для завоевания мира нужен Китай. Замкнутый круг, в некотором роде. Но кое-что сделано, да, кое-что сделано. - Он удовлетворенно откашлялся. - Располагая ресурсами Китая, мы можем перейти к завоеванию Индии и Центральной Азии. Вполне закономерно, что прежде, чем ударить по Бирме и Малайскому архипелагу, следует устранить китайский инцидент. Как вы прекрасно понимаете, для этого нам первым делом требуется взять в свои руки южную границу. Операция в Индокитае явится, таким образом, и первым этапом "Прыжка на юг", и завершающей стадией китайской кампании. И здесь я вспомнил о вас, подполковник Арита. Вы мне нужны вместе с вашими "висельниками".

- Это большая честь для всех нас, господин генерал, - не слишком поспешно ответил Арита. - Выходит, сначала Индокитай? - спросил он.

- Он станет для ваших питомцев маленькой репетицией. Потом я брошу их в Бирму, Малайю, на Зондские острова.

- Большая честь, - повторил Арита. - Сроки остаются прежние?

- Для маленькой прогулки - да, в Индокитае вы должны быть завтра. В крайнем случае - послезавтра.

- Я готов. - Арита вскочил с места и вытянулся. - Но мои люди еще не прошли необходимой подготовки. Понадобится еще не менее десяти недель.

- Очень хорошо, - не проявил никакого неудовольствия Итагаки, - как я уже сказал, обучение должно быть полностью закончено через двадцать одну неделю. Потом ваши люди сами станут учителями. В ходе военных действий они могут передавать свой драгоценный опыт миллионам наших солдат, которых мы швырнем в джунгли юга. Вы не поняли меня, подполковник Арита. Индокитайская операция не потребует от ваших людей слишком больших усилий. Достаточно того, что они уже умеют. Кстати, когда я их увижу?

- Как прикажете, господин генерал. - Арита взглянул на часы. - Много минут через сорок.

- Даже так? Прекрасно, Арита, превосходно... Давайте завтра, в семь утра... А потом продолжим разговор. У вас есть вопросы?

- Только один, господин генерал. Если мне требуется быть в Индокитае завтра, вылететь необходимо сегодня?

- Я употребил слово "завтра" фигурально, - объяснил Итагаки. - Если ваши "висельники" оправдают мои ожидания, к переброске можно будет приступить дня через три, не ранее. Не такое уж я чудовище, чтобы не дать людям времени на сборы. Кроме того, мы сначала передислоцируем команду на Хайнань. Пусть ребята полюбуются видом Тонкинского залива с востока, придут немного в себя. Вы будете приданы пятнадцатой армии, подполковник Арита. Ей выпала честь первой вступить во Французский Индокитай. Но путь проложите вы. Надеюсь, что это не будет сопряжено с большими трудностями. Так что пусть "висельники" не спешат повязывать белые "хасимаки" смертников. - Генерал рассмеялся, найдя свои слова забавными, и с нескрываемым удовольствием взялся за свои схемы и графики. - Значит, в семь.

х х х

Возвратившись из Токио, Фюроль застал в доме Мынь. Без малейшего смущения девушка приняла из его рук портфель и тотчас вернулась с рюмкой анисовой. Смахнув со стола муравьев, она опустила жалюзи и выскользнула из комнаты. Фюроль следил за ней со смешанным чувством

радости и удивления.

- Мынь, - позвал он, не прикоснувшись к рюмке. - Мне нужен портфель. - Затем хлопнул в ладоши: - Тхуан!

Они явились почти одновременно. Мынь обеими руками прижимала к животу тяжелый портфель, а Тхуан держал кокосовую скорлупу с прелестной орхидеей.

- Вот, господин, - буркнул он, осклабясь. - Собирался повесить на веранде.

- Отлично, Тхуан, - кивнул сбитый с толку Фюмроль. - Я оторвал вас от дел только затем, чтобы поздороваться. Здравствуйте.

- Здравствуйте, господин. Добро пожаловать домой. Как долетели?

- Благодарю. - Фюмроль поманил Мынь: - Оставь портфель и ступай... Это ваша работа? - проводив ее взглядом, он повернулся к Тхуану. - Или она сама пришла? - Он открыл новенький сейф и переложил в него из портфеля наиболее важные документы.

- Господин недоволен? - уклонился от прямого ответа повар. - Девушку можно отослать назад.

- Нет, зачем же... - смутился Фюмроль. - Просто я как-то не ожидал увидеть ее у себя. - Он отвел глаза от изъеденного оспой и вечно улыбающегося лица повара. - Кому все же принадлежала инициатива?

Вопрос прозвучал отрывисто.

- А говорили, что Мынь нравится господину...

- Кто говорил? - спрятав ключ, продолжал расспросы Фюмроль.

Горячая волна, которая прихлынула к горлу, когда он увидел девушку, сменилась тоскливым отливом. Он чувствовал себя совершенно открытым. Отовсюду следили за ним чьи-то холодные, затаившие недобрую тревогу глаза.

- Не знаю, господин, - помедлив, ответил Тхуан. - Многие так считали.

- Проклятый город! - Фюмроль сжал кулаки. Он с трудом сдерживался. Сказывалось напряжение последних дней, изматывающая дорога и гнусная эта морось, от которой изнутри запотевают часовое стекло. - Воистину проклятый город. Тут все за всеми следят.

- Похоже, господин перегрелся на солнце, - сочувственно покачал головой Тхуан. - Я принесу пузырь со льдом.

- К черту пузырь, к черту все! - Фюмроль поднялся, отшвырнул ногой портфель и, пошатываясь, направился в спальню. Он помнил и свой последний вопрос, и то, что Тхуан на него не ответил, но все вдруг стало ему безразлично. Череп переполнился теплой медлительной жидкостью, в которой красноватыми вспышками один за другим угасали возбужденные центры.

Рухнув ничком на постель, Фюмроль крепко зажмурился, чтобы не видеть больше черных мелькающих точек. "Это, наверное, тропикантос", - успел подумать он, теряя сознание. Но это был всего лишь сон, глухой, изнуряющий сон среди бела дня, от которого человек встает опустошенным и разбитым.

Когда Тхуан бережно разбудил его, Фюмроль долго не мог понять, где находится. Он сел, опершись на подушку, и одичало помотал головой. В такт приливающей к вискам крови болезненными толчками возвращалась память. С подносом, на котором дымился горячий шоколад, подступила Мынь. Присев бочком на постель, она подала ему чашку. Безотчетно повинуясь памяти детства, Фюмроль выпятил нижнюю губу и капризно поморщился, но маслянистый и белый шоколад выпил с удовольствием. Ему было немного стыдно встречаться взглядом с Тхуаном. Он и сам не понимал теперь, для чего было затевать никчемный допрос. Разве не приучил он себя воспринимать жизнь как некую изначальную данность, чьи сумбурные проявления не зависят от желаний и воли?

Одобряюще кивнув девушке, он вытер губы салфеткой.

- Никогда не пробовал такого!

- Белые бобы только что получены с юга, - удовлетворенно проорчал Тхуан. - Прикажете почту?

Он принес стопку газет, несколько казенных пакетов - один из них был помечен грифом контрольной комиссии - и два конверта с красным

штемпелем французской авиапочты. Почерк жены Фюмроль узнал в первое же мгновение. Сбросив все остальное на пол, он обеими руками схватил это маленькое письмо с голубой маркой, запечатлевшей пароход "Нормандия". Разрывая дрожащими от нетерпения пальцами хрустящую бумагу, подумал о том, что жизнь любит затягивать тугие узлы. Надо же было именно сейчас - не раньше и не позже - получить весть от Колет! И притом, эта марка. Впрочем, ее Колет могла преднамеренно выбрать. С "Нормандией" у них было связано много приятных воспоминаний. Жена писала, что роды прошли удачно, но девочка родилась слабенькая. И сама она тоже еще не оправилась и очень волнуется за крошку Люсьену...

Люсьена! Они вместе выбрали это имя, а если бы родился мальчик, его бы назвали Виктором. Колет заклинала его беречь себя, жаловалась, что страшно устала от постоянной тревоги и тоски. "Временами мне кажется, что я больше не выдержу, - писала она, - но стоит девочке заплакать, как я бегу к ней, и сами собой ко мне возвращаются силы. Если все закончится благополучно и доктор Милле не наложит свое беспощадное вето, мы сядем на первый же пароход, идущий в Индокитай".

- Тхуан! - позвал Фюмроль, сглатывая подступившие слезы.

Он вскочил с кровати, переделся в свежее, приятно охлаждающее кимоно и, подобрав на ходу желтый пакет, влетел в кабинет.

- Тху-а-ан! - пропел он, бережно пряча письмо в верхний ящик сейфа.

Послание генерала Нисихары так и осталось неп прочитанным. Вспоров пальцем конверт, Фюмроль только взглянул на дату, аккуратно проставленную на бланке, и потянулся к корзине. Можно было не сомневаться, что после токийских переговоров японская сторона предъявит новые, куда более жесткие требования.

- Завтра вечером мы принимаем гостей, - довольно потирая руки, объявил он своему повару и домоправителю, который опять притаился с орхидеей. - Стол накроете в большой гостиной, на пять персон. Черепашковый суп, лангустины, шампанское. - Он победно прищелкнул пальцами. - Одним словом, вы понимаете.

Бережно прижимая цветок к груди, Тхуан удовлетворенно заворчал.

- Что вы там бубните? - улыбнулся Фюмроль. - Не разберу.

- Мне приятно, что у господина будут настоящие гости, - чуть более внятно произнес повар. - Значит, в дом пришло счастье.

- Вы угадали, мой друг. У меня родилась дочь. Не знаю, надо ли радоваться тому, что в мире, который раскалывается на части, появилась маленькая маркиза, но почему-то я счастлив.

- Позвольте принести вам свои поздравления, господин. Дети - это единственное, ради чего стоит жить. Корзина уже опять полна. - Он виновато переступил ногами. - Господин позволит?

- Что? - Фюмроль проследил за его взглядом. - Ах, корзина... - Он небрежно махнул рукой. - Конечно, Тхуан. - И, по обыкновению, предупредил: - Бумаги сожгите... А я, знаете ли, что-то опять устал. Никак не приду в себя после дороги. Если будут звонить, скажите, что не велел будить.

Закрыв за собой дверь спальни, Фюмроль сунул под подушку пистолет, выключил свет и, тихонько приоткрыв дверь, юркнул под сетку. В настороженной тишине он чутко прислушивался к скрипам и шелестам ночи.

Когда тонко проскрипели ступеньки винтовой лестницы - очевидно, Тхуан спускался к себе, - Фюмроль включил ночник и раскрыл томик Поля Валери.

Силясь понять ускользающий смысл заволаживающих сладкой печалью туманных строф, вновь и вновь перечитывал стихи. Жалко затрепетало сердце, когда почудилась близость разгадки. Нечто неизмеримо большее, нежели утраченное вино, о котором писал поэт, раскрылось вдруг в шаманской магии ритма.

Вино исчезло в пьяных волнах!

Я в горьком воздухе узнал

Прыжки фигур, значенья полных...

Около часа ночи совсем неслышно пропела деревянная ступенька под

чьей-то легкой ногой. Фюмроль погасил ночник и вытянулся на постели. Борясь с нетерпением, медленно просунул руку под подушку. Вытащив пистолет, затаился, выжидая. Стараясь думать о чем-нибудь совершенно постороннем, он гнал от себя всякие сомнения в разумности задуманного. Он решил - и пусть будет, как будет. Но чем упорнее пытался он переключить мысль на другое, тем острее грызло сомнение. Чего он добивается, в самом деле? Что хочет узнать? Не лучше ли все оставить как есть и продолжать играть свою жалкую, но для кого-то такую удобную, такую чертовски необходимую роль? Почти уговорив себя отказаться от вмешательства в чужую игру, он понимал в глубине души, что уже не сможет остановиться.

Откинув полог и мягко спрыгнув с кровати, Фюмроль бесшумно отворил дверь. Чтобы попасть в кабинет, нужно было завернуть за угол и пройти до конца коридора. Ковровая дорожка мягко заглушала шаги. Остановившись под дверью, толкнул ее плечом и боком проскользнул в комнату.

- Оставаться на месте, - спокойно сказал он, поднимая пистолет. - При первом движении буду стрелять.

Было необыкновенно тихо. Мынь, прикусив до крови губу, замерла у распахнутого сейфа, а хрупкий юноша, склонившийся над столом, лишь поднял голову и тоже застыл, не сводя с пистолета расширенных и странно неподвижных глаз. В беспощадном свете перекальной лампы их лица выглядели обескровленными. Густые, геометрически четкие тени казались врезанными в стены и светлый паркет.

- Не бойтесь. - Фюмроль с трудом подбирал нужные слова. Все, что он собирался сказать раньше, язвительное, высокомерное, начисто вылетело из головы. - Я не причиню вам вреда. - Он приблизился к Мынь и требовательно раскрыл ладонь. - Дайте ключ.

Она медленно повернулась, осторожно вынула ключ из скважины и зажала его в кулачке.

- Дайте же! - Фюмроль попытался поймать ее запястье, но она вырвалась с неожиданной силой и отпрыгнула в сторону.

С легким звоном упал на пол металлический прут. Можно было не нагибаться. Фюмроль почему-то так и подумал, что это будет отмычка, на скорую руку выточенная в кустарной мастерской.

- Быстро спроворили! - попытался он шуткой разрядить напряжение.

Но Мынь ответила таким яростным, таким ненавидящим взглядом, что ему стало не по себе.

Юноша у стола наконец выпрямился и выпустил из онемевших рук фотоаппарат. Фюмроль, от которого не ускользнуло это движение, с облегчением отвел глаза.

- Позвольте полюбопытствовать?

Опустив пистолет, он подошел к столу. В ярком прямоугольнике, который бросала защищенная отражателем перекалка, лежала раскрытая папка с текстом заключенного в Токио секретного соглашения. Рядом аккуратной стопкой были сложены инструкции министерства иностранных дел, меморандумы контрольной комиссии и тот маленький листочек, который он получил от Колет.

- Фирма "Цейсс", - заметил Фюмроль, взглянув на аппарат. - Но, надеюсь, вы не на гестапо работаете?

И вновь шутка повисла в воздухе. Вьетнамцы, казалось, не замечали Фюмроля, а он мучился от сознания непоправимой ошибки и лихорадочно искал выхода из опасного тупика. С запозданием он понял, что создавшаяся ситуация грозит гибелью не только этим молодым безумцам, но и ему самому. Передать их полиции он не мог. Отпустить на все четыре стороны - тоже. Они либо выдадут его, когда вновь попадутся, либо, того хуже, надумают прибегнуть к шантажу.

- Поймите меня правильно, молодые люди. - Он решил зайти с другой стороны. - Мне нет дела до ваших тайн. Но прежде чем решить, как с вами поступить, я хочу знать, кого вы представляете. Чью сторону?

- Вьетнам, - разжал губы юноша.

- Вот как? Превосходно! - Фюмроль демонстративно раскрыл аппарат и, вытащив кассету, засветил пленку. - Можете забрать, - сделал он

первый примирительный жест. - И это тоже, - выключил настольную лампу, выдернул из розетки вилку перекалки. - За какой же Вьетнам вы сражаетесь? За красный или за национальный?

Они молчали.

- Я слишком уважаю себя, чтобы прибегнуть к угрозам, - вздохнул Фюмроль, соображая, куда сунуть мешавший ему пистолет. - И слишком хорошо знаю Дальний Восток. - Не найдя ничего лучшего, спрятал оружие за пазуху. - Но вы мне не оставляете другого выхода... Мынь, сделайте милость, положите все это на место. - Он взглядом указал ей на документы. - А вы, молодой человек, спрячьте орудия преступления.

Поколебавшись, юноша уложил принадлежности, для съемки в плетеную сумку, затем вопросительно взглянул на Мынь, но она лишь вызывающе улыбнулась в ответ и, сложив руки, прислонилась к стене.

- Позвольте, это сделаю я. - Юноша обернулся к Фюмролю.

- Ничего не имею против. - Фюмроль отодвинулся, чтобы не мешать вьетнамцу. - Благодарю, - кивнул он, когда все было уложено, и запер сейф. - А теперь ответьте на мой вопрос, и даю слово офицера, что сразу же отпущу вас.

Они молчали.

- Хорошо, будь по-вашему, - выдержав долгую паузу, пожал плечами Фюмроль и распахнул дверь. - Тхуан! - крикнул он в темноту. - Немедленно поднимитесь ко мне!

Когда вбежал перепуганный, казавшийся заспанным повар, Фюмроль вынул из сейфа банкноту в сто пиастров.

- Заплатите мадемуазель Мынь за месяц вперед, Тхуан, - распорядился он безучастным тоном и вышел. - Проводите молодых людей без лишнего шума, - бросил уже в коридоре. - Час поздний.

Наутро оба сделали вид, что ничего не произошло. Лишь за кофе Фюмроль позволил себе саркастически заметить:

- Возможно, я и буду принимать у себя в доме дам, любезный Тхуан. Вам же, если это необходимо, советую взять в помощники представителя мужского пола.

х х х

Дерево вынг, дарующее человеку плод, исцеляющий восемь болезней, цветет по весне. Но выдаются отдельные годы, когда лиловые венчики с алой густой бахромой появляются среди темной свисающей до самой земли листвы поздней осенью.

Так случилось и в осень Металлического Дракона, когда в траве по берегам зеленых озер печально угасали фиолетовые огоньки. По древнему обычаю праздничный стол окаймляют цветами - белыми с желтой серединкой дай, лиловыми лепестками миртов и дерева вынг. Только не было радости на вьетнамской земле в тот год. Зеленые, тиной обросшие черепахи, всплывавшие у нефритовой башни, чуждались людей.

Вслед за войсками, которые прочно обосновались в Тонкине, из Японии хлынул поток гражданского люда. Приезжали предприниматели и банкиры, бродячие актеры и гейши, специалисты по индо-тибетской медицине и глотатели огня.

Открылось множество японских ресторанчиков с вывесками на занавесках. В европейской части Ханоя обосновались филиалы могущественных компаний "Мицуи" и "Мицуи буссан кайся". Японскому капиталу удалось завоевать прочные позиции в горнодобывающей промышленности. Японским промышленникам сопутствовал успех. Возможно, потому, что они охотно вкладывали капитал в области, которые французские компании считали невыгодными. Там же, где у Франции были крепкие позиции, оккупанты действовали силой. На оловянных и вольфрамowych рудниках, принадлежащих французским фирмам, они просто-напросто разместили солдат.

Само собой разумеется, что подданные императора, столь отважно принявшиеся осваивать далекие земли, не могли остаться без защиты.

В Ханое, недалеко от филиала "Иокогама спеша бэнк", разместились отделения токко кэйсацу из кэмпэйтий.

Шеф кэмпэйтий Уэда прилетел прямо из Токио. Его "дарай"

приземлился на ханойском аэродроме, над которым теперь развевался белый с красным кругом в центре японский флаг. Господин Жаламбе счел своим долгом лично встретить японского коллегу, с которым в течение последних месяцев поддерживал весьма тесные отношения. Он даже прослезился, когда увидел сбегающего по трапу полного улыбающегося господина в роговых очках.

- Добро пожаловать в наши владения! - торжественно приветствовал он гостя.

- Осеня холосо, господина Втолое бюло, - ответил на ломаном французском языке Уэда, блеснув золотыми коронками. - Будем лаботать.

- Моя машина к вашим услугам, - почтительно пожимая пухлую короткопалую руку, предложил Жаламбе. - Разрешите отвезти вас в город?

- Спасибо. Не полагается. - Не переставая улыбаться, Уэда мягко отстранил Жаламбе и поспешил навстречу японскому генералу из контрольной комиссии. - Увидимся потом, - небрежно уронил он на ходу.

Жаламбе не оставалось ничего другого, как присоединиться к свите и последовать за шефом кэмпэйти.

- Какие новости, господин генерал? - спросил Уэда, сжавшись на раскаленном сиденье.

- Вы разве не получили нашего последнего донесения? - Генерал ткнул шофера в спину золотой чашечкой длинной японской трубки.

- Никак нет. Мне пришлось задержаться на Формозе. Арита недавно возвратился из ваших краев и рассказывает много интересного. А что случилось?

- В Бакшоне вспыхнул мятеж. Положение очень серьезное. Железнодорожное движение парализовано диверсиями, на шоссе то и дело взрываются самодельные мины.

- Неужели армия не может навести порядок?

- Это не так просто, - генерал снял мутное от пота пенсне и попытался протереть стекла кусочком замши, - когда имеешь дело с невидимым врагом. Саботажники находят приют в каких-то жутких деревнях, которые даже не нанесены на карту, прячутся в лесах. И вообще наши доблестные солдаты оказались неподготовленными к туземным сюрпризам. Жаль, я раньше не знал, что вы будете у Ариты. Вместо того чтобы рассылать глупые инструкции из Тайхоку, он бы лучше приехал в Дошон поучиться. Слышали, какой скандал он устроил в Хайфоне? Приказы генштаба для него уже ничто... Вы случайно не осведомлены, кто его продвигает?

- Очень интересно, - невнятно пробормотал Уэда, занимавший видное место в обществе "Черного океана", и дипломатично перевел разговор: - Значит, мятеж все еще не подавлен?

- Боксь, что он только разгорается! Продвижение наших войск приостановилось. Мы оказались меж двух огней. Французы восстановили фронт и требуют, чтобы мы оставили Дошон и отошли к границе. Мятежники сковывают нашу активность.

- Кто поднял мятеж? Французская разведка?

- Ничуть не бывало. Французы сами обеспокоены развитием событий на севере. Тут явно поработали большевики.

- Удалось кого-нибудь поймать?

- Конечно! Диверсантов и заложников каждое утро публично расстреливают на центральной площади Дошона.

- Слишком вы, господа военные, скоры на расправу, - подсадовал Уэда. - Следовало бы нас подождать.

- Жаль, что вы не получили подробное донесение.

- Ничего, я ознакомлюсь с ним на месте. Надо будет на французов нажать. В конце концов, это их протекторат, пусть выправляют положение.

- Но они отказываются что-либо делать, пока мы не отведем войска! - возмущенно фыркнул генерал.

- В самом деле, какая наглость, - насмешливо покачал головой Уэда. - А вам не кажется, что по-своему они правы?

- Не кажется, - отрезал генерал.

- Ничего, я думаю, мы сумеем договориться.

В тот же день, даже не отдохнув с дороги, Уэда нанес визит профессору Тахэю, обосновавшемуся в маленьком домике возле вокзала на улице Травяной ряд, где некогда торговали сеном для слонов, лошадей и скота. Оставив ботинки у порога, Уэда ступил на татами и согнулся в подобострастном поклоне. Он передал хозяину привет от секретаря Усибы и рассыпался в уверениях преданности. Если в разговоре с начальником контрольной комиссии он держался как равный, то к Тахэю – личному другу самого премьера – проявил явное подобострастие. Служанка принесла дзабутон, поставила перед гостем корзинку с горячей салфеткой.

- У вас дело ко мне? – с присущей ему прямоотой спросил Тахэй, когда служанка подала чай. – Пожалуйста, не стесняйтесь, Уэда-сан.

- Вы очень добры, сэнсей. Я спешно прилетел, чтобы просить вашего совета, – солгал Уэда.

- Наверное, вас взволновало известие о событиях в Дошоне?

- Не стану скрывать, оно перевернуло все мои планы.

- Не только ваши, Уэда-сан... Вы знаете, что я предупреждал о том, что такое может случиться? Но меня не послушали.

- Я прилетел сюда только затем, чтобы все исправить, – вновь солгал Уэда.

- К счастью, это еще возможно. Но прежде нужно отвести войска. Это в ваших силах? – выразил сомнение Тахэй. – Другого выхода просто нет.

- Изложите мне свой план, сэнсей, – вкрадчиво попросил Уэда. – С тем чтобы я мог немедленно доложить военному командованию. Уверен, что в свете новой ситуации оно более благосклонно отнесется к вашим... к нашим, – поправился он, – предложениям.

- Все очень просто, Уэда-сан. Французы сидят в этой стране около ста лет и превосходно научились справляться с любыми неожиданностями. Вы согласны? Так пусть они и впредь занимаются внутренними делами. В противном случае мы увязнем здесь по уши и все идеи превратить Индокитай в удобный плацдарм для дальнейшего проникновения на юг превратятся в ненужные клочки бумаги.

- Но мы не можем обойтись без военного присутствия, а французы встречают его в штыки. На переговорах в Токио Деку, как я слышал, торговался из-за каждого солдата.

- Здесь-то и коренится основная ошибка. Беда в том, что французские власти сомневаются в искренности наших намерений, и чем дальше, тем больше. Последние наши действия только укрепили их самые худшие подозрения.

- Но должен же быть выход из замкнутого круга? Пока не ликвидирован китайский инцидент, мы не можем позволить себе отвлекаться на умиротворение вьетов. И я целиком согласен с тем, что необходимо заставить французов выполнять взятые на себя обязательства.

Мы, со своей стороны, готовы помочь им в борьбе с коммунистическим подпольем. Это отвечает нашим интересам.

- Ваше начальство тоже придерживается такого мнения?

- Точно не знаю, – уклонился Уэда, – но думаю, что смогу с вашей помощью его убедить.

- Собственно, именно на этом и построен мой план. Юридически, геополитически и экономически мне удалось обосновать идею совместного протектората. Став нашими официальными союзниками, французы иначе станут относиться и к ограниченному военному присутствию.

- Позвольте принести вам глубочайшую благодарность за содержательную беседу. – Уэда коснулся лбом татами. – Уверен, что мы плодотворно станем работать вместе. Теперь последний вопрос. Мне нужно коротко переговорить с другом. С глазу на глаз. Есть такое место в Ханое?

- Я бы порекомендовал вам Храм Литературы. Теперь туда почти никто не заглядывает. Очень удобно.

- Храм чего, литературы? – удивился Уэда.

- Да, Ван Миеу, это можно перевести как Храм Словесности. Храм Литературы. Он построен еще в 1070 году. Этот храм имеет секреты

акустики. Я бы не советовал вам останавливаться в том месте, где поэты пели свои стихи. Каждое ваше слово будет слышно в любой точке храма, даже на берегу. С точностью совершенно удивительной учтено влияние ограды, деревьев, отражательная способность озерной глади. Зато у задних ворот вы можете беседовать без опасений. Вас не услышат, даже если начнете кричать о помощи. Лучшего места не найти.

- Вы дали необыкновенно мудрый совет, сэнсей, и крайне для меня полезный. Я тут пока на птичьих правах и ничего не знаю.

"Для настоящего разведчика, - с удовлетворением подумал Уэда, - все может оказаться полезным. В том числе и древние черепки".

Позвонив Жаламбе, он назначил встречу у задних ворот Ван Миеу. Они увиделись перед вечером, когда золотой свет над крышами навеивает томление и тревогу. Вспугивая ящериц, прошли мимо изъеденных временем скамей, где в черных замшелых трещинах поселились улитки и вездесущие воробы.

- Картотека, которую вы любезно согласились нам передать, - с места в карьер начал Уэда, когда они остановились у каменной арки со знаком неба, - оказалась довольно любопытной. Когда мы сравнили ваши данные с собственными, выявились занимательные подробности. Есть шансы затравить крупного зверя.

- В самом деле, господин Уэда? - Жаламбе облегченно вздохнул. - Рад, что сведения принесли пользу.

- Будем планировать крупную облаву. Пусть ваша тайная полиция целиком переключится на коммунистов. Преступления побоку. Это не убежит, это успеется. Мы войдем в контакт с нашими службами в Китае и затащим на шею большевиков петлю.

- Об этом я всегда мечтал, но не было возможности подобраться со стороны Китая. Англичане нам не очень помогали, так как не были заинтересованы в спокойствии и процветании французских владений.

- А мы заинтересованы, господин Жаламбе! И докажем это на деле. Рад сообщить, что ваши данные помогли нам напасть на след виднейшего деятеля Коминтерна. Совместными усилиями мы должны его взять. Сразу почувствуете, насколько тише станет в Тонкине.

- Весьма лестно. Однако должен сказать, - возразил Жаламбе, - что не только вьетнамские эмигранты, но и местные красные доставляют много хлопот. У них большая и разветвленная организация, притом умело законспирированная. Бить надобно с двух концов.

- Приятно, что наши мнения совпадают. Мы со своей стороны тоже готовы снабдить вас полезной информацией. Возьмем общих клиентов под совместный надзор, выявим связи и поставим капкан. Дело привычное.

- Завтра же можно наметить конкретные мероприятия. Не согласитесь ли побеседовать с моими сотрудниками?

- Ни в коем случае. Я в Ханое не более чем гость. Вы, я говорю о французах, тут полноправные хозяева. Но мы готовы помочь вам навести в доме порядок. На дружеской основе, неофициально. Так прошу и доложить его превосходительству господину генерал-губернатору Деку.

- Совсем не обязательно посвящать адмирала в мелочи полицейского сыска, - с видом сообщника подмигнул Жаламбе. - Мы с вами можем решить все сами.

- Это так. - Уэда проявил настойчивость. - Но, пожалуйста, доложите, что японские власти свято почитают суверенитет Франции и не будут вмешиваться во внутренние дела Индокитая.

- Означает ли это неучастие в оперативной работе? - решился задать прямой вопрос Жаламбе.

- С юридической точки зрения да, - откровенно ответил Уэда. - Мои люди, не жалея сил, помогут вашим во всем, что касается сыска. Но производить аресты будете вы.

- Понятно... - протянул Жаламбе.

- В отдельных случаях я попрошу у вас разрешения принять участие в допросе. Не откажете?

- Что за вопрос! - Жаламбе сделал широкий жест. - Можете хоть живьем изжарить.

- Зачем же? На то у вас имеется гильотина. Судебные формальности остаются в ведении французской стороны. - Уэда совершенно открыто

диктовал свои условия. - Лично от вас, господин Жаламбе, требуется только одно. Вы должны развязать нам руки. Предупредите своих людей и, разумеется в мягкой форме, дайте понять генерал-губернатору, что кэмпэй-тай не потерпит никакого вмешательства в свою деятельность...

Вы умеете играть в го, господин Жаламбе?

- Нет. - Француз был явно озадачен. - Что это за игра?

- Японская. Но... не имеет значения. Просто там есть такая операция, как окружение крепости. Я намерен приступить к ней немедленно. - Уэда вынул из бокового кармана фотографию. - Подберите все, что у вас имеется на этого человека.

"Вот и мы работаем на гестапо", - меланхолично отметил Жаламбе.

- Какое спокойное лицо, - усмехнулся он, рассматривая снимок. - Почти аскетическое умиротворение. Интеллигент, конечно?

- Кадровый работник компартии, - кивнул Уэда. - Канбо, как говорят здесь. Очень опасен.

х х х

В Европе начинался февраль сорок первого года, когда в Индокитае наступил год Металлической Змеи, отмеченный знаком женской стихии.

Ханойские улицы в новогодний праздник тэт стали розовыми от персикового цвета. На рынке бойко шла торговля глиняными свинками с даосским кружком счастья на прогнутом животе, карликовыми деревцами и красочными лубками, на которых были изображены грозные тигры - хранители стран света, сильные карпы в прозрачном потоке и, конечно, "четыре красавицы".

Жизнерадостные ханойцы обменивались благопожеланиями. Многие потом принесли домой с рынка не только новогодние угощения, но и исписанные от руки квадратики зеленоватой бумаги. Как они только попали в корзинку? То ли вместе с лубком, свернутым в трубку, то ли пиротехник подсунул в коробку шутих?

"Да здравствует Единый национальный фронт борьбы против французско-японских фашистов в Индокитае! Восстание в Бакшоне и Намбо перерастет во всеобщее восстание!"

Японцы, которые тоже празднуют лунный новый год, всячески старались продемонстрировать свою духовную близость. Украсив ворота домов традиционными ветками сосны и бамбука, они добавили и нетленный персиковый цвет. По канонам икэбаны это выражало возвышенную идею вечного единства и благополучия.

До благополучия было, однако, далеко. Положение Индокитаея существенно осложнилось после инцидентов на границе с Сиамом, которые к новогодним празднествам переросли в открытый вооруженный конфликт.

Новое правительство Таиланда - так теперь стал именоваться Сиам - начало тайные переговоры о размещении на своей границе с Малайей японских войск. Это было рискованно, поскольку англичане могли опередить Японию и занять приграничные районы Таиланда, и в то же время соблазнительно, ибо возникал шанс получить назад южные провинции, отторгнутые Великобританией в 1909 году. Правительство Коноэ, в свою очередь, обещало премьеру Пибул Сонграму взамен плацдарма для нападения на Малайю и Бирму щедрую компенсацию за счет Французского Индокитаея: камбоджийские провинции Баттамбанг и Сиемреап и часть территории Лаоса к западу от Меконга. Японии вторжение тайских войск в Индокитай давало двойной выигрыш, поскольку укрепляло ее позиции в обеих странах и позволяло оказывать добавочное давление на администрацию Деку.

Тайская армия нанесла ряд поражений французским войскам и в первой половине января прорвалась в Камбоджу.

Фюроль с пеной у рта убеждал Деку бросить на западную границу всю наличную авиацию.

- Вы же видели, как отвечают японцы, встречая энергичный отпор! - доказывал он. - Не мы, а вьетнамские крестьяне заставили их отступить.

- Коммунисты, - уточнил Деку.

- Не суть важно. Главное, что противник отброшен.

- Союзник, - с тонкой улыбкой заметил генерал-губернатор.
- Отчего бы и нам, французам, не продемонстрировать силу? Мы проиграли войну с бошами, уступили японцам, неужели и перед Бангкоком склоним головы? Непостижимо! Я сам готов повести самолет.

Но надежных летчиков не хватало, и Деку предпочел бросить их на подавление нового восстания в Намбо. После отхода японской армии за порядок в стране вновь отвечали французские власти. И все же Фюмролю удалось отыгратья. Действуя через сочувствующих де Голлю офицеров, он за спиной генерал-губернатора вошел в тесный контакт с командующим флотом, который при первой возможности атаковал тайские корабли. Неожиданный рейд французских торпедных катеров у острова Чанг обошелся Таиланду чуть не в половину всего флота.

Его величество король Ананда Махидон пришел в отчаяние. Сидя на троне под белым девятирусным зонтом, он в резкой форме потребовал отставки премьера. Лишь клятвенное обещание Пибул Сонграма в течение двух недель закончить конфликт без потери занятых областей удержало его от крайних мер. Он не верил, что после такого поражения его страна может остаться в выигрыше. Спасти честь тайского королевства могло только чудо. Но Пибул Сонграм не бросал слов на ветер.

Под угрозой нового ультиматума правительство Коноэ принудило Деку заключить перемирие. Акт подписания состоялся на борту японского крейсера "Натори-мару", ставшего на рейде Сайгона. Тайские войска остались на завоеванных рубежах. Пибул Сонграм окончательно уверился в могуществе союзников и под покровом глубочайшей секретности готовил почву для ввода в страну японских дивизий. Фюмроль, который после церемонии подписания напился в сайгонском отеле, дал по физиономии Жаламбе.

Сампан дядюшки Вема стоял теперь на реке Ньюэ - притоке Красной - в тихой заводи. Обложенный со всех сторон зелеными ветками, он почти не отличался от плавучих островков, которые, застряв у заболоченного берега, пускают цепкие корни. Вем любил праздновать тэт на второй день, когда спокойно, без суеты, друзья собираются у огонька за чашкой густого горячего фо. Это истинно народное блюдо, доступное рикшам и кули, равно любезное и бездомному бродяге, и солидному отцу семейства, который, позавтракав чашкой фо, будет сыт дотемна.

Ветерок, пролетающий над рекой, далеко разносил дразнящий запах мясного бульона, щедро заправленного кориандром и перцем. Гости дядюшки Вема не уставали хвалить фо.

- Даже фо-сон-вой из слоньего мяса, который едят принцы, не идет ни в какое сравнение с вашим волшебным фо, - одобрительно поцокал языком монах, пришедший на пир в оранжевой тоге.

- А перец какой! - подхватил Дык. - Все нутро огнем горит.

- Чем перец злее, тем место счастливее, - наставительно заметил Танг¹ и поднял крохотную чашечку с рисовой водкой. - Пусть река Ньюэ принесет вам удачу, дядюшка.

¹ Танг - монах.

- Я старый человек, - отмахнулся Вем. - И ничего мне не надо. Но хочется, прежде чем умру, увидеть свободную родину и погулять на свадьбе детей. - Он обнял Кхюе и Дыка. - Разве я многого прошу?

- Большого не бывает, дядюшка, - без улыбки ответил Танг. - Счастье родины и счастье детей... Что может быть выше! А вот о смерти вы рановато заговорили.

- И о свадьбе, - упрямо трянула головой Кхюе. - Можно ли думать о семье, когда идет борьба? - Она не удержалась от вздоха. - Нет, не скоро будет наша свадьба. Но мы все равно жених и невеста. Дык принес мне бетель, и я взяла его.

- Зачем ждать и страдать порознь? - возразил Вем. - Пусть вместе страдают. Дружные муж и жена могут выкачать воду из Тихого океана. Разве не так?

- Это уж им самим придется решать, - уклонился от спора Танг. - Славно, однако, мы отметили праздник. Я, признаться, уже забыл мирный запах домашнего очага... Пора и за дело приниматься. Ты проводишь меня? - обратился он к Дыку.

- Позвольте мне пойти с вами? - попросил Вем. - Пусть они хоть сегодня побудут вдвоем...

- Вы совершенно правы, - Танг похлопал юношу по плечу. - Я как-то забыл, что ему завтра вновь предстоит дорога. Совсем одичал в монашеской келье. Перестал понимать простые вещи. Того и гляди, стану святым, - пошутил он. - Я помогу вам спустить лодку, дядюшка.

Оставшись одни, Кхюе и Дык долго молчали, пристально следя за догорающими угольями в очажке. Под тихий плеск воды и шелест осоки хорошо было думать и вспоминать. Временами за бамбуковой загородкой поднимали возню нападавшие в трюм крабы.

- Ты обещал научить меня писать, - нарушила молчание девушка.

- Обязательно. Как только смогу надолго задержаться в Ханое, мы начнем уроки.

Оба знали, что это будет не скоро.

- Я бы хотела помогать тебе переписывать зеленые квадратики.

- Глупенькая, - улынулся Дык. - Листовки не обязательно должны быть зелеными. Просто попалась такая бумага... Но я бы тоже хотел, чтобы ты нам помогала.

- Это важно?

- Очень. Люди должны знать правду. Можно перекрыть реку, закрыть колодец, но кто может зажать народу рот? На этот раз нам понадобится много листовок, и на них должно быть больше слов. Без типографии никак не обойтись. Поэтому я и тороплюсь. А то бы мы могли не расставаться хоть целую неделю.

- Я понимаю... Кто написал листовку? Ты?

- Нет, мне такое пока не по плечу. Это товарищ Танг постарался. Я хоть и был тогда в Намбо, но у меня даже слов таких не найдется. Очень трудно написать о том, что видел.

- Расскажи.

- Они держались целый месяц! Когда японцы начали отводить войска, чтобы пустить обратно французов, народ не захотел возвращения кабалы. Прежняя власть развалилась, как прогнивший плод. Во многих общинах и уездах товарищи установили новые, революционные порядки. Понимаешь, Хоанг? Кусочек нашей земли стал свободным! И это могло бы стать началом полного освобождения. Но не стало. Наших разгромили. Они слишком поторопились. Французы бросили против них авиацию. Целых двадцать бомбардировщиков! Многие деревни были сожжены дотла, тысячи мирных жителей нашли смерть под бомбами, сторели заживо. А потом нагрянули каратели. Жандармы поголовно истребляли все население восставших районов. Особенно отличился жандарм Пэтай. Он не жалел даже детей. Тюрьмы были забиты до отказа. Но если ты думаешь, что арестованных ждал суд, то ошибаешься. Людей буквально пришивали друг к другу колючей проволокой и бросали в море.

Вот как закончилась попытка обрести свободу. Зная о том, что в Бакбо и Чунгбо еще не готовы к восстанию, руководящие товарищи просили партком Намбо подождать с выступлением, но весть о нем уже облетела весь город, и люди сами вышли на улицу. Они пошли на верную смерть. Теперь видишь, как необходимо всем и каждому рассказать о событиях в Намбо? Послушай, что пишет товарищ Танг. - Дык прилет на циновку и, повернувшись к свету, нашел запомнившееся ему место. - "Пусть зверская расправа с нашими братьями укрепит наши сердца и раздует в них пламя возмущения. Пусть Намбо станет для нас примером героизма и трудным уроком на будущее". Вот как умеет сказать товарищ Танг.

- Раньше я бы плакала, узнав про такое. Теперь - нет!

- Если о каждом случае народного возмущения люди станут узнавать вовремя, врагам придется туго. Еще продолжался террор в Намбо, когда отказались подчиняться приказам солдаты. В знак протеста против кровавых зверств они захватили блокпосты в Теранге и Дольонге и двинулись к городу Винь. Как только партия узнала о восстании, она обратилась к народу с призывом поддержать солдат. К сожалению, они не сумели долго продержаться.

- Я хочу быть с тобой, - прошептала девушка.

- Кажется, на сей раз они у нас в кармане, - сказал Уэда, опуская бинокль. - Взгляните на тот островок, прилепившийся к берегу, господин Жаламбе. Вам не кажется подозрительным поднимающийся над ним дымок?

- Может, горит что-нибудь? - усомнился Жаламбе, прикивая к окулярам.

- Чему же гореть, если вокруг вода? Нет, когда мои люди дважды засекали поблизости от реки этого субъекта, я сразу смекнул, что они скрываются на воде. Мы обшарили квадрат за квадратом, прежде чем обнаружили эту сплавину. Не сомневаюсь, что она скрывает лодку. Больше спрятаться негде.

- С берега туда не очень-то подобрешься. Трясина.

- Прикажете оцепить дамбу, - процедил Уэда сквозь стиснутые зубы.

- Живо на катер! Я останусь наблюдать здесь. На случай, если они попытаются скрыться в траве, оставьте мне снайпера.

х х х

Конспиративная квартира, которую Уэда снял для деликатных встреч, находилась в туземной части города. Это была убогая хижина из обмазанного глиной тростника, затерявшаяся в извилах грязного переулка, настолько узкого, что туда едва могла въехать арба.

Жаламбе казалось, что из темных глубин за ним неусыпно наблюдают сотни враждебных глаз. Он всегда неуютно чувствовал себя в туземных кварталах.

От свидания с Уэдой ничего хорошего для себя он не ждал. Из парочки, взятой на сампане, до сих пор не удалось выколотить ничего путного, а канбо, за которым так усиленно охотился Уэда, словно сквозь землю провалился. Есть от чего прийти в уныние.

"Не мог подыскать уголок попримичней, обезьяна, - уныло подумал Жаламбе. - Того и гляди, всадят нож между лопаток".

- С чем пришли, господин Второе бюро? - встретил его вопросом японец.

- Пока обрадовать нечем, - развел руками Жаламбе. - Но есть основания полагать...

- Это я уже слышал от вас в прошлый раз, - грубо перебил японец, продолжая приветливо улыбаться. - Когда же вы наконец перестанете пить и начнете работать?

Жаламбе молча проглотил обиду. Возразить по существу ему было нечем, а оскорбления его не задевали.

- Как мои красные? Что вам удалось из них вытянуть?

- Мы работаем с ними, - излишне бодро заявил Жаламбе. - Они от нас не уйдут.

- Это не работа! - ударив кулаком по столу, вскочил Уэда. - Я слушаю вас, господин Жаламбе, - сказал он, садясь на место. - Продолжайте.

- Не исключено, что девчонка действительно ничего не знает. Она производит впечатление форменной дикарки. Кусается и воет. Но парень! - Не спрашивая разрешения, Жаламбе закурил. - Нам удалось установить его личность. Это некто Нго Конг Дык, мелкий служащий "Сентраль электрик". Мы его давно разыскивали.

- Теперь он у вас. И что же?

- Не все сразу, - сказал Жаламбе, деликатно отгоняя дым в сторону. - Впрямую расколоть не получилось, поищем другие возможности... Он сейчас в тюремном лазарете. - Жаламбе старался не смотреть на японца. - Пусть немного передохнет.

- Я принимал вас за контрразведчика, господин Жаламбе, - пренебрежительно процедил Уэда. - А вы просто заштатный вышибала. Я отказываюсь с вами работать... Интересно, в новой Франции найдется хоть парочка профессионалов или все остались в немецкой зоне? Придется проконсультироваться с господином послем Сотомацу.

- Зачем же так ставить вопрос? - Жаламбе притворился глубоко обиженным.

Он сидел с опущенной головой, как проштрафившийся школяр, и растирал пальцами сигаретный пепел.

- Скажите, господин Жаламбе, - вкрадчиво осведомился Уэда. - За что вас ударили по физиономии в баре отеля "Катина"?

- Вы знаете? - дернулся, как от электрического разряда, Жаламбе.

- Впрочем, что же тут удивительного. - Он осуждающе поцокал языком. - Просто безобразная пьяная драка, господин Уэда. Вы, японцы, победители, и вам не понять психологии побежденных.

- Са-а1, - озадаченно кивнул Уэда. - Любопытная точка зрения. Но почему господин Фюмроль именно вас посчитал ответственным за уступку тайской стороне?

1 Междометие, выражающее раздумье при ответе (яп.).

- Вероятно, потому, что ему было проще дать по морде мне, а не генерал-губернатору. Наконец, я оказался ближе. Можно сказать, подвернулся под руку. Очень просто.

- Са-а, - повторил Уэда. - А что, - спросил он, круто меняя тему, - господин Фюмроль остался недоволен условиями перемирия?

- Вас это удивляет? Стоило нам впервые за двадцать лет одержать маленькую победу, как нас тут же принудили капитулировать. Тут хоть кто вззоет.

- У меня создалось впечатление, что он очень непоследовательный человек. Сам не знает, чего хочет. Он из тех, кто, полюбовавшись зацветающей вишней у ворот Курамон, приходит потом с топором, чтобы срубить эту вишню. Любя Японию, он ухитряется ненавидеть японцев.

Боюсь, что он плохо кончит.

- Фюмроль интересуется вас? - насторожился Жаламбе.

- Как вам сказать, - уклончиво качнул головой Уэда. - К партнеру всегда приглядываешься... Не провали вы дела с этими речными голубками, я бы, возможно, предоставил вам шанс расквитаться.

- Простите, господин Уэда, но я не совсем понимаю...

- Все крайне просто, господин Жаламбе. Человек вашей профессии мог бы понять с полуслова... Вас не очень удивит, если я признаюсь, что мы начали следить за господином Фюмролем с того самого момента, как он высадился в Хайфоне?

- Ах, вот в чем дело! - догадался Жаламбе и с живейшим интересом спросил: - И что же?

- Так вот, любезный... - Уэда снисходительно смерил собеседника взглядом. - Ваш пациент, которого вы зачем-то уложили на больничную койку, был частым гостем господина Фюмроля. Неоднократно замечен и сфотографирован там. Это, собственно, и позволило нам выявить его контакты. Они весьма многообещающи. От вьетнамской эмиграции до большевистского подполья в Ханое. У меня есть подозрение, что этот хрупкий юноша был связным между интересующим нас лицом и господином Фюмролем. Видите, как мы много теряем из-за вашей нерасторопности? - С железной последовательностью он вернулся к началу разговора: - Пора взяться за ум.

- Пойдите, пойдите! - Жаламбе схватился за лоб. - Кажется, я начинаю кое-что понимать. - Он отрицательно покачал головой. - Вы попали в самую точку, но тем не менее вы ошибаетесь, сударь. Фюмроль тут ни при чем. Французский маркиз - и неумытые туземные коммунисты! Смешно. Тут дело другого рода. Этот самый Дык разыскивался нами в связи с саботажем на электростанции. Понимаете? Еще прежний губернатор обратил внимание на перебои в подаче энергии, которые совпадали по времени с разного рода мероприятиями властей. Вот такая штука. Фюмроль только жертва подобных забав. Простое сопоставление фактов позволяет легко вычислить искомое неизвестное. Это некто Тхуан, повар, перешедший Фюмролю в наследство от Катру. И как это раньше не приходило мне в голову? - Он ударил себя по лбу. - Слово кто глаза занавесил!

- Надо брать, пока не ушел.

- Фюмроль в этот час может оказаться дома, - озабоченно вздохнул Жаламбе.

- Вы что же, боитесь его? - презрительно скривил губы Уэда.

- Не в том дело. Незачем показывать ему нашу кухню. Пропал повар, и все.

- Вероятно, вы правы, - вынужденно согласился Уэда. - Можете найти способ выманить его из норы?

- Раньше это не составило бы никакого труда. - Жаламбе принялся сосредоточенно обкусывать ногти. - Но теперь, когда отношения слегка осложнились... Вот если бы натравить на него губернатора! Предлог нужен. - Он нетерпеливо закружился на месте. - Железный предлог. Послушайте, Уэда, - сказал он с фамильярной деловитостью. - Каковы будут условия мира с Таиландом?

- Зачем вам? - полные губы Уэды сжались в ниточку.

- Мне на такие секреты, извините, плевать, а предлог нужен солидный. Что мне сказать Деку? Какие новости не терпят отлагательств?

- Япония поддержит притязания Таиланда? Это не секрет. Мир будет подписан в Токио? Новость, не заслуживающая особого интереса. - Уэда принялся размышлять вслух: - Скажите, что тайская армия начала новое наступление.

- Источник информации? - мгновенно отреагировал Жаламбе.

- Сошлитесь на меня. Утром я принесу его превосходительству извинения за ошибку.

- Тогда я бегу! Пока выберешься из этой чертовой дыры, сколько времени потеряешь...

- Погодите, - задержал его Уэда. - Выйдем вместе. У меня поблизости спрятан автомобиль.

- Отлично! Подбросите меня до моей лавки.

- Нет. Сначала вы пошлете людей к господину Фюмролю и позвоните генерал-губернатору. Как только майор уедет, пусть без промедления входят в дом. Если мы с вами чуточку и опоздаем, то не беда. Главное, чтоб птичка не упорхнула.

- Как, вы тоже желаете?

- Не хочу, чтобы вы наделали глупостей с самого начала. Новый шанс едва ли скоро представится.

Мадам Деку ждала Фюмроля на верхней ступеньке лестницы. На ней было смело открытое платье из лазоревоего шифона.

- Как это мило с вашей стороны. - Она протянула руку для поцелуя.

- Я очень рада, что Жан наконец вытащил вас.

Они проследовали в столовую, где все осталось в том же виде, что и при прежнем хозяине.

Хотя радио ревело во всю мощь и вокруг стола сновали только вышколенные лакеи-французы. Деку не начинал делового разговора. Кофе пили в полном молчании.

Наконец мужчины смогли уединиться в кабинете.

- Плохие новости, - отрывисто сказал Деку. - Тайская армия перешла в наступление. Пибул Сонграм требует компенсации за потопленные суда. Вот уж никогда бы не подумал, что буддисты так агрессивны.

- Япония наверняка вновь предложит свое посредничество. Насколько я знаю, они хотят, чтобы соглашение было подписано в Токио.

- Но, пока суд да дело, таи слопают еще кусок.

- Откуда сведения?

- Из японских источников.

- Возможно, это провокация. Попробуйте срочно связаться с Луанг-Прабангом. У меня создалось впечатление, что тайские министры более чем удовлетворены достигнутым.

- А если нет?

- Тогда отдайте приказ флоту атаковать.

- Вы с ума сошли! Японцы сразу же вцепятся нам в горло.

- Если бы вы не поспешили усмирить Бакшон и Кохинхину, ваше превосходительство, у нас были бы козыри для контригры. Теперь они в прикупе.

- Политика - не карточная игра, майор, - наставительно заметил Деку. - У нас не было другого выхода. Красные в Бакшоне убивали наших администраторов, нападали на военные лагеря, грабили обозы, жгли долговые расписки. Это был форменный разбой.

- Разгул черни всегда отвратителен, - кивнул Фюмроль. - И навести порядок, безусловно, следовало. Возможно, предпринятые меры и оказались излишне крутыми, но в таком деле всегда неизбежны издержки. Тут у меня с вами нет разногласий. Я о другом, мой адмирал. Почему мы допустили, чтобы вьетнамцы восстали против нас? Лучше бы они со всей силой обрушились на японцев. Нам следовало бы вести себя тоньше. Пусть не мы, а японцы боятся восстания.

- Я внимательно выслушал вас. - Заложив руки за спину, Деку прошелся по кабинету. - У меня возникло ощущение, что вы неправильно ориентируетесь в расстановке сил. Следует исходить из того, что Япония - наш партнер, а не из обратного, как поступаете вы. Другого не дано. С коммунистами немыслимо вступать в любые отношения. - Он остановился перед портретом Петэна. - Есть вещи, в которых необходимо проявлять неукоснительную принципиальность. Так учит нас маршал. Забудьте политиканские компромиссы печальных времен народного фронта. Отныне и вовеки - коммунисты враги цивилизации. В переговорах с японской стороной прошу исходить из этого основополагающего принципа.

- Прошу простить меня, ваше превосходительство. - Фюмроль встал. - Но я полагал, что вы призвали меня для консультации. Очевидно, я ошибся.

- Не сердитесь, Фюмроль, но я желаю вам добра. Вы все еще живете политическим багажом тридцать шестого года, а времена изменились, и очень существенно. Ваше сердце разрывается между безумцами, которые последовали за авантюристом де Голлем, и патриотами, не оставившими родину в ее трудный час. Пора определиться. По рождению, воспитанию и образу мыслей вы наш. Так переболейте же поскорее детской болезнью фрондерства, или не миновать беды.

Тхуана окатили водой и вновь поставили перед столом, за которым сидел Жаламбе. В снопе света, бившем из рефлектора, четко различалась каждая оспина, каждая морщинка на искаленном боями лице. Разбитые губы безотчетно складывались в неизменную улыбку.

- Тяо бак, - поздоровался по-вьетнамски Жаламбе.

- Тяо уань, - приветливо прохрипел Тхуан.

- Как вы себя чувствуете? - перешел на французский Жаламбе, исчерпав свой вьетнамский лексикон.

- Неважно.

- Сами виноваты. Разве можно быть таким упрямым? - пожурил он. - Ну да ладно. Скажите, кому принадлежат эти вещи, и вас отвезут домой.

Тхуан молча опустил голову.

- Может быть, вам трудно разглядеть из-за света? - Жаламбе направил рефлектор на салфетку, на которой лежали две перекальные лампы, штатив и примитивная отмычка.

- Спросите его о чем-нибудь другом. - Уэда подал голос из темного угла. - А то как доходит дело до этих злосчастных предметов, на беднягу нападает столбняк. Мы же знаем, что это не его причиндалы.

- Но мы нашли отмычку и лампы у вас в сундучке. Вы знаете этого человека? - Жаламбе наклонился над столом и приблизил к глазам Тхуана фотографию. - Этот спрятал у вас свои вещи?

- Нет.

- А этого знаете? - Жаламбе быстро схватил другой снимок. - Нго Конг Дык сознался, что частенько вас навещал. Как видите, мы все знаем, и записаться дальше бессмысленно.

Тхуан облизал саднящие губы.

- Только одно слово - и вы свободны. - Жаламбе наклонился, словно боялся не расслышать. - Да или нет?

Повар не ответил.

- Вам действительно чертовски не везет, господин Жаламбе, - сочувственно прокомментировал Уэда. - Третий случай.

- Гастон! - потеряв терпение, рявкнул Жаламбе.

В комнату на цыпочках вбежал низенький лысый человечек с близко посаженными глазами. Массируя костяшки пальцев, он выжидательно уставился на Жаламбе.

- Придется повторить, Гастон.

- Пойдите, - вмешался Уэда. - Мы только даром потеряем время. Пора испробовать более эффективные методы. Пусть с него снимут одежду. Жаламбе кивнул. Тхуан безучастно, как манекен, дал себя раздеть.

- Привяжите к скамье, - велел Уэда.

По знаку Жаламбе Гастон кликнул еще одного жандарма, и они вдвоем бросили арестованного на пол. Затем перевернули ножками вверх тяжелую скамью из эбенового дерева.

- За руки и за ноги, - уточнил японец и бросил моток провода. - Теперь бензин, - со значением произнес он, когда все было сделано. - Будете говорить? В последний раз спрашиваю. Начинайте.

Но начинать жандармам не пришлось, потому что он сам отвинтил крышку канистры и обмакнул в бензин свой платок. Наклонившись над узником, бережно положил платок ему на поясницу. Когда чиркнула спичка, Жаламбе невольно зажмурился. Но тотчас же широко раскрыл глаза и крепко вцепился в подлокотники кресла. Вопль, в котором уже не было ничего человеческого, бичом хлестнул его. Тошнотворно запахло паленым.

Уэда неторопливо гасил пламя каблуком, топча распластанное тело, которое конвульсивно корчилось и билось, пронзительно светлое на черном фоне доски. Крик оборвался и перешел в пугающе сиплое бульканье. Узник, вытянувшись в струну, неестественно вывернул голову и вдруг зашелся в пароксизме кашля, заливая лавку и пол хлынувшей изо рта кровью.

- Что это? Там? - запинаясь, прошептал Жаламбе, не сводя глаз с жуткого кровавого сгустка.

- Кажется, он откусил себе язык, - безмятежно разъяснил Уэда. - Досадно.

х х х

Покинув Пагоду Благоуханий, Танг перебрался в провинцию Винь-Фу, расположенную к северо-западу от Ханоя. Убежище он нашел в пещере, на горе близ города Вьет Чи. Туда вела незаметная тропка, круто отгибавшая замшелые камни, нависшие над темным ущельем. Внизу в непроглядных зарослях бамбука бежал ручей, через который был перекинут деревянный мостик, сверху рос колючий можжевельник.

Через три дня нового отшельника, поселившегося за Яшмовым камнем, навестил молодой человек с пучком волос на затылке. Видимо, он вступил в известную своими прояпонскими симпатиями секту хоа-хао совсем недавно, потому что косичка едва отросла.

- Я получил вашу записку, учитель, - почтительно поздоровался он.

- Садись. - Танг указал на циновку и отодвинул карбидный фонарь.

- Это еще что за маскарад? - удивился он, когда гость повернулся боком.

- Все правильно, учитель. Я нанялся на плантацию опийного мака, принадлежащую секте. Прикрытие не хуже любого. Притом совсем близко, на реке Ло.

- Здесь, допустим, такое сойдет. А в Ханое? Только навлечешь на себя пристальное внимание контрразведки.

- Я слышал, французы теперь сотрудничают с японцами!

- Сотрудничают они против нас, а друг с другом грызутся пуще прежнего. Всех японских агентов Жаламбе берет на учет. Одним словом, придумай себе другую прическу.

- Будет поручение?

- Ты не ошибся, Кыонг. - Голос Танга едва заметно дрогнул. - И очень опасное.

- Я готов, учитель.

- Ты знаешь о наших потерях, Кыонг?

- Нгуен Ван Кы брошен в Сайгонскую тюрьму, Нго Конг Дык и Мынь отправлены на Пулокондор.

- Так, - кивнул Танг и тихо добавил: - Фан Данг Лыу тоже в тюрьме, Тхуан замучен жандармами, Хоанг Тхи Кхюе отправили в публичный дом для японской солдатни. Мне трудно посылать тебя на задание, которое сопряжено с большим риском. Я надеялся выполнить его сам, но

по моим следам рыщут ищейки. Мне нельзя показываться в Ханое.

- Понятно, учитель. Что нужно сделать?

- Избежать колючек соя и не напороться на колючки ганга. Ты знаешь, как арестовали Дыка и Хоанг Тхи Кхюе? Как выследили Мынь?

- Я должен встретиться с этим французом?

- И как можно скорее. Но помни, яйцо лежит на краешке стола. Мне легче отрубить себе руку, чем послать туда нового человека. Ты особенно дорог мне. Но именно поэтому я выбрал тебя, Кьонг, лучшего моего ученика... Теперь слушай меня внимательно. - Танг поборол волнение и сухо заговорил: - Всех, кто работал с Фюмролем, рано или поздно взяли. Возможно, он сам работает на контрразведку. В лучшем случае, за ним пристально наблюдают. Только жизненно необходимые для нас сведения могут оправдать принесенные жертвы. Восстания на севере и на юге, как ты знаешь, были жестоко подавлены. Но не будь их, страна оказалась бы под двойной оккупацией. В ходе борьбы нам удалось создать боеспособные отряды, накопить драгоценный опыт народовластия. Может пройти десять и двадцать лет, но крестьяне не забудут, что мы, коммунисты, отдали им землю реакционных помещиков, справедливо поделили рис. Одним словом, события не застали нас врасплох, и этим мы во многом обязаны сведениям, которые приносили Студент, Дык, Мынь и товарищ Тхуан. Не исключено, что мы имеем дело с тонкой игрой французской контрразведки, которая, помимо основной задачи подавления освободительного движения, пытается ослабить натиск японцев. Это подозрение усиливается и странной непоследовательностью Фюмроля. Я не запугиваю и не пытаюсь отговорить. Я лишь знакомлю тебя с обстановкой. Собираясь оседлать дикого слона, должно изучить его нрав. Идя на риск, необходимо осознать степень риска. Данные, которые мы получали от Фюмроля, он подсовывал нам почти открыто. Причем это делалось зачастую столь неуклюже, что даже становилось обидно за контрразведку. Теперь ты знаешь все. Товарищи, которые передавали сведения, повторяю, арестованы.

- В чем заключается мое задание?

- Занять их место. Ценность получаемой информации, кстати, она всегда была абсолютно надежной, оправдывает любой риск. Ценой одной жизни мы спасем сотни, тысячи... Как видишь, я ничего от тебя не скрываю. Вывод делай сам.

- У меня возникло одно сомнение, учитель. Не в обычае контрразведки снабжать подпольщиков достоверными сведениями. Пойти на такое они могли только под давлением крайних обстоятельств.

- Не исключено, что так и есть.

- Вряд ли, учитель. Они бы не стали тогда арестовывать всех подряд. Мне кажется, что тут независимо друг от друга работают сразу две руки: одна за чем-то подкармливает жертвы, другая хватается их с привычной всеядностью акулы.

- Молодец, Кьонг. Твоя оценка совпадает с моей. Как видишь, я не случайно остановился на тебе. Мне и радостно, и очень больно.

- Не беспокойтесь, учитель. Я попытаюсь избежать всех и всяческих колючек. Надеюсь, что смогу разобраться в загадке.

- На это не надейся. У тебя просто не будет времени. Если за Фюмролем следят, что почти несомненно, тебя довольно быстро схватят, и ты не успеешь выполнить задания.

- Неужели такой высокопоставленный человек не более чем подсадная утка?

- Не забывай, что его охраняют и охрана теперь настороже. Она и может оказаться той самой акулой, что бросается на любую добычу.

- В таком случае другая рука - сам Фюмроль... Что же ему нужно от нас? Чего он хочет?

- Вот мы и подошли к главному, Кьонг. - Танг плотнее закутался в одеяло. - Холодно... Тебе ни в коем случае не следует являться к нему домой. Подстереги его на улице, когда он будет один, в баре, на берегу Западного озера, куда он приезжает иногда по утрам полюбоваться туманом. Скажешь ему, что тебя послал Тхуан.

- Тхуан? - удивился Кьонг. - Но ведь он...

- Да, ты скажешь, что в предвидении ареста Тхуан просил тебя заменить его.

- В должности повара? Но я совсем не знаю французской кухни!

- В роли связного. Ты назовешь себя вьетнамским патриотом и предложишь Фюмролю работать с нами.

- Едва ли он согласится.

- Неизвестно. Мынь и Дыка он вызывал на контакт. Выслушай его условия, если, конечно, они будут. Действовать придется самостоятельно. Никаких явок тебе не даю. Сюда не возвращайся. После выполнения задания проберешься к нашим в Каобанг. Я уже буду там.

- Много времени потеряем.

- Иначе нельзя. Можешь привести "хвост". Если Фюмроль согласится на тех или иных условиях помогать нам, сразу же дай знать. Тайник, где оставить письмо, я назову потом.

- А если не согласится?

- Убей. Но только не ставь никаких условий, не угрожай ему. Выскажи свои предложения и жди ответа. Потом решишь, как поступить.

- Он может потребовать немедленных гарантий.

- Едва ли. Он умный человек и поймет, что тебе нужно будет запросить инструкции.

- Какие доказательства я смогу, в случае необходимости, представить? Вдруг он посчитает меня за провокатора?

- Резонный вопрос. - Танг задумался.

- Нет таких доказательств, - прервал молчание Кьонг.

- Пожалуй, что так, - согласился Танг. - Вот и скажи ему об этом. И еще скажи, что знаешь про каждую бумажку, которую он оставлял на столе, про Мынь и про Дыка.

- Полиция тоже может про это знать.

- Пусть он сам судит о твоей искренности.

- Я должен быть искренним?

- Предельно искренним. Не называя имен и явок, можешь ответить на все его вопросы. Они последуют, не сомневайся, иначе зачем ему было допытываться у Дыка и Мынь.

- С пистолетом в руке?

- Попробуй встать на его место, Кьонг. Он ведь тоже рискует.

- Еще бы! Оттого меня и волнуют доказательства.

- Твоим паролем будет готовность убить и умереть самому. Других доказательств, как ты сам сказал, нет. Дай ему заглянуть к себе в душу.

- Он француз. Я знаю о том, как помогали нам французские коммунисты. Но он не из таких. Едва ли он захочет понять нас.

- Что ж, тем хуже для него... И все же мне почему-то кажется, что он сам ищет связей. Не обязательно с нами, но все-таки ищет! Обстановка в мире нынче очень сложная, Кьонг. Я бы не стал делить людей только на коммунистов и некоммунистов. Ты же сам знаешь, что одни французы сражаются с фашизмом, другие - служат ему. Тхуан считал, что его хозяин не одобрял политику Виши. У нас нет другого выбора - нам необходим этот француз. Но будь начеку. Не крути усы у спящего тигра - тигр проснется, останешься без головы. И не забудь срезать косичку. - Танг бережно провел рукой по волосам Кьонга. - Я верю в твою звезду, мальчик. Старый бамбук дает молодые побеги. Они должны жить сто лет.

х х х

Как завидишь на веточках конга пепельно-красные листья, спеши посеять рис на рассаду. Трижды пылает лихорадочным румянцем конг в круговороте года. Когда он в первый раз загорится, сеют ранний рис мо, затем - зе, а в третий, последний, раз - лим, который уберут только в десятом месяце. Сама природа указывает крестьянину наилучшее время посева и жатвы.

Конг впервые украсился альми листьями, когда Нгуен Ай Куок под именем "старик Тхи" перешел границу, чтобы укрыться в горах Каобанга. Настала долгожданная минута. После бесконечных скитаний он поселился

на родине в безымянной пещере на горе поблизости от китайской границы. Стоя перед входом, он мог видеть лишь нагромождение выветренных скал, непроницаемую стену джунглей и блеск струи, бегущей в глубокой промоине. Даже небо над головой было срезано зубчатой стеной. Но это было родное небо.

Он знал, что свобода никогда не приходит сама. Был сделан всего лишь шаг на долгой дороге борьбы. Впереди ждали испытания и тяжелые потери. Но это был не простой шаг. Нгуен Ай Куок всем существом ощутил историческую своевременность этого шага. За ним стояли глубокий анализ международной политики, точная оценка современного положения страны, ее нелегкий многовековой опыт.

- Бойцы революции! - провозгласил он, обращаясь к товарищам. -
Время настало!

Маленькая пещера в уезде Хакуанг стала первым центром грядущего освобождения. Для Нгуена Ай Куока она значила нечто гораздо большее, нежели простое укрытие в горах, где, он мог спокойно работать. Здесь создавался прообраз грядущей родины. Отсюда должен был начаться великий освободительный поход.

Нгуен Ай Куок работал почти круглые сутки. Утром он спускался в долину, устраивался на простом камне и принимался за перевод партийных документов. Вторую половину дня посвящал подготовке к Восьмому пленуму Центрального Комитета, писал письма, беседовал со связными, по тайным тропам пробиравшимися в Северные горы, делал выписки из зарубежных газет. И только ночью, когда в джунглях, наполнявшихся запахом весенних цветов, начинали перекликаться звонкие птицы ты куи, садился за стихи. Слишком полна была душа хмельным ощущением родины, слишком нетерпеливо стучало сердце. При свете коптилки спешил он излить свой восторг, обостренное ощущение силы и радости жизни.

Несутся воды, горы высятся вдали,
И дали необъятные мне открываются
отсюда.

Там Маркса пик, а здесь ручей, который
Ленина я именем нарек.

Своими крепкими руками добудем счастье
родине любимой.

Перед ним действительно раскрывались неоглядные просторы, хотя горизонт его был сужен и срезан ближайшей горой. Полной грудью вдыхал он влажный ветер отчизны, вновь и вновь открывал для себя забытые радости жизни. Ощущение дерзкого счастья помогало ему работать, и очень жаль было тратить время на сон. Он вставал до рассвета с ощущением праздника.

Нгуен Ай Куок невольно сопоставлял сегодняшний день с тем неумирающим прошлым, которое всегда помогало ему найти наилучшее решение. Порой сопоставления казались обнаженно ясными: зажатая кольцом белогвардейщины и интервентов Россия и освобожденный район, который он мыслил создать на Севере.

Если итогом первой мировой войны явилось создание первого в мире социалистического государства, то и эта война неизбежно закончится победой революции в разных странах. Поэтому партия должна возглавить общенациональную борьбу за освобождение, привлечь на свою сторону как можно больше революционных сил, сплотить воедино разные слои народа. Не узкое сектантство, а лишь широкий диалектический подход мог обещать победу. Поднять на борьбу весь народ может только идея спасения родины. Решение Шестого пленума было абсолютно правильным. Ныне, в условиях японской оккупации, партия должна официально провозгласить создание Лиги борьбы за независимость. И возглавить ее!

Чем шире будут становиться ряды Лиги, тем выше следует поднимать и руководящую роль партии. Диалектика подсказывала точную тактическую формулировку. Только на такой основе можно привлечь к борьбе самые разнообразные элементы. На данном этапе каждый штык, каждая пара вьетнамских рук должны принять участие в свержении двойного гнета. Не следует пренебрегать даже националистически настроенными помещиками. Лозунг "Земля тем, кто ее обрабатывает", должен поэтому проводиться постепенно, дифференцирование. В первую очередь крестьянам нужно

отдать земли колонизаторов и предателей. Сейчас, как никогда, дело национального освобождения превыше всего. Пусть же в каждом сердце неумолчно зазвучит священный призыв родины, пусть каждого вьетнамца вдохновит героизм предков.

Демократическая Республика Вьетнам – вот главный лозунг! Подготовительная работа по созданию Вьетминя¹ была начата партией задолго до официального провозглашения Лиги. Перед началом войны в китайских провинциях Гуанси и Юньнань работала большая группа вьетнамских коммунистов. В их числе были руководящие деятели партии. Приехав в Куньмин из Янани, представитель Коминтерна Нгуен Ай Куок еще в сороковом году выдвинул идею создания массовой организации, которая не только по существу, но и по названию являлась бы общенациональной.

1 Сокращенное название Лиги борьбы за независимость Вьетнама.

Вскоре коммунисты перенесли центр своей деятельности в район, непосредственно граничащий с Вьетнамом. В небольшом городке Цзинси, стоящем от границы всего в ста километрах, произошло важное событие, ускользнувшее, однако, от недреманного ока китайской контрразведки. Штаб-квартира вьетнамских эмигрантов, чья антияпонская деятельность всячески поощрялась Гоминданом, перешла к коммунистам и превратилась в организационный центр Вьетминя. За городом начали действовать ускоренные курсы агитаторов для работы на родине. Первая группа выпускников – их было всего сорок – к началу нового года уже вела тайную агитацию среди населения Каобанга. Неудивительно, что именно в этом районе решено было провести очередной партийный пленум. В щедрый желтозем Каобанга были брошены первые зерна грядущей государственности. Родная земля бережно укрыла их до срока, чтобы каждое зерно проросло колосом.

Когда Восьмой пленум начал работу, в Лиге спасения родины в Каобанге насчитывалось почти две тысячи человек.

Первый урожай вьетнамской свободы.

Танг, пробравшийся в Северные горы вместе с представителем партийной организации Тонкина, увидел легендарного посланца Коминтерна уже на митинге.

– Объединение! – Нгуен Ай Куок, заканчивая выступление, выбросил вперед крепкий кулак. – Поднимайтесь, соотечественники, по всей стране! Сплачивайтесь, объединяйте силы для свержения захватчиков! Общими усилиями свергнем господство японцев, французов и их лакеев. Спасем наш народ от гибели. Время настало, и оно зовет нас на бой.

Танга он принял в тот же вечер в своей пещере. Пригласил подсесть поближе к костру, чтоб не заели комары, и предложил накидку, сплетенную из листьев сыти.

– С непривычки можно замерзнуть. – Его изможденное, но энергичное лицо не покидала добродушная улыбка. – От камней веет могильным холодом. Но, как говорится, если беден, то раскидывай умом. Холод заставляет меня раньше просыпаться. Иду к ручью, на работу.

– Я привык, – коротко ответил Танг. – Скоро год, как живу в пещерах. Сегодня здесь, завтра там...

– И где же ваша последняя квартира? – с живостью поинтересовался Нгуен Ай Куок. – В какую нору вас загнали?

– В Дэн Хунг.

– Это не так плохо. – Нгуен Ай Куок, казалось, обрадовался. – Мне самому приходилось ходить в монашеской тоге, и, уверяю, это не самое тяжелое испытание для революционера, товарищ Танг.

– Совершенно с вами согласен, – ответил мимолетной улыбкой Танг.

– Только теперь я скорее отшельник, нежели монах.

– Тоже полезно! Чудеса вы уже творить научились. Мне приятно лично выразить вам свое восхищение. Материалы, которые вам удавалось получать, сыграли важную роль.

– К сожалению, мы скоро можем потерять главный источник сведений. По всей вероятности, миссию связи предполагается преобразовать в генеральный комиссариат по франко-японским отношениям. Очевидно, туда направят новых людей.

– Постарайтесь заблаговременно приспособиться к новым условиям.

События не должны застать нас врасплох. Тем более, что приходится считаться с реальной возможностью японской оккупации. Пленум дал глубокий анализ причин и хода развития войны. Наша победа будет во многом зависеть от событий не только в индокитайском районе, но и на других материках. Война на Тихом океане почти неизбежна, а немецкие фашисты готовятся напасть на Советский Союз. Это будет стоить человечеству неисчислимых жертв, но, в конечном счете, ускорит гибель империалистических и фашистских группировок. Приходится пристально следить за развитием мировых событий и, в частности, сопоставлять их с полученной от вас информацией. Так что постарайтесь.

- Постараемся, товарищ Ай Куок.

- В своей работе вы тоже должны шире смотреть на отдельные явления. Вне связи с мировой политикой трудно оценить правильно глубину франко-японских противоречий, последствия стовора между Токио и Виши. Не это в итоге определит стратегию партии. Наша революция является неразрывной частью мировой революции. Судьба народов Индокитая тесно связана с судьбой Советского Союза. Мы не одиноки в своей борьбе.

- Я передам ваши слова товарищам, - сказал Танг. - Они окрылят их так, как окрылили меня.

Пройдет чуть более месяца, и он мысленно возвратится к этому разговору, припомнит каждое слово Ай Куока о вьетнамской революции, Советском Союзе и о войне.

Из дальнейшей беседы Танг заключил, что донесений, которые должен был доставить на север Кыонг, партийный штаб не получил. Выходило, что опытный и закаленный подпольщик не сумел пробраться в назначенное место. Тангу было трудно в это поверить. Конечно, связного могли перехватить в пути или выследить еще в Ханое, когда он шел на встречу с французом. Но Танг, скорее, склонялся к тому, что Фюмроль-то и передал Кыонга в руки полиции. Танг видел, какое значение придавало руководство документам из миссии связи, и понимал, что поступил правильно, но мысль о судьбе любимого ученика не давала ему покоя.

х х х

Жаламбе обедал в штабе экспедиционного корпуса на берегу Красной реки.

Дежурный офицер с повязкой на руке застал его за десертом. Перед Жаламбе стояла недопитая бутылка "Реми Мартэн" и тарелка с оранжевыми, истекающими соком ломтиками папайи. Похоже было, что господин Второе бюро порядком на взводе.

- Вас там спрашивают, - доложил дежурный. - Какой-то туземец.

- Г-гоните прочь! - махнул рукой Жаламбе, едва не опрокинув рюмку. - П-пусть приходит з-завтра. В управление.

- Он предъявил карточку "элемент АБ".

- Ну, тогда другое дело. - Жаламбе взглянул на офицера помутневшими глазами и уронил голову. - Д-давайте его с-с-сю-да. - Он раскрыл объятия, словно готовился принять в них агента, дежурного, весь мир.

- Это невозможно. - Офицер брезгливо отстранился. - Если хотите, я вызову кого-нибудь из вашего заведения.

- Не надо. - Жаламбе усилием воли заставил себя собраться. Он с отвращением допил кофе и вышел на белый свет. Раскаленная медь неба ударила в глаза.

- Это ты, Конг? - Жаламбе поморщился и, потирая темя, подошел к щуплому вьетнамцу в безукоризненно белом тропическом костюме. - Что там у тебя?

Агент с улыбкой приложил палец к губам.

- Ну ладно, садись в машину.

- Мне удалось нащупать штаб коммунистов, начальник, - выпалил Конг, когда они уединились в кабинете. - Уезд Хакуанг, провинция Каобанг. Где-то в горах, недалеко от границы. Там у них целый подпольный город. Обучают молодежь стрельбе, обращению со взрывчаткой.

Даже газету свою издают. - Он достал сложенный вчетверо зеленый листок, на котором темнели неровные, плохо пропечатанные линии строк "Вьетнам док лап" - "Независимый Вьетнам". - Издает сам Нгуен Ай Куок.

- Он тоже там? - Жаламбе присвистнул. - Ничего себе! А ты молодец, Конг. Хвалю, - сказал он, щупая газету, словно материю покупал. - Опять зеленая?

- Сами бумагу делают, - объяснил Конг. - Из бамбука. В джунглях.

- Давай теперь по порядку. Где большевистский связной?

- Его больше нет. Так получилось.

- Хорошо, рассказывай.

- После того как он подошел к майору в дэне Медного барабана на Восточном озере, мы не спускали с него глаз.

- Об этом знаю. Дальше... - Хмель развеялся, и только красные с полопавшимися капиллярами белки напоминали, что Жаламбе совсем недавно был безнадежно пьян. - Майор передал ему бумаги?

- Передал. Своими глазами видел.

- И где они?

- Не знаю, начальник. Я потом обыскал труп. Ничего не было. Или успел спрятать в последний момент, или сжег и сведения в голове держал.

- Как он добирался?

- Через Бакзанг и Тхайнгуэн. Я проводил его до самого конца. Он-то и навел меня на штаб.

- Странно, что они послали на такое дело неопытного мальчишку. - Жаламбе бросил на агента недоверчивый взгляд. - Тебе не кажется?

- Мне просто повезло, начальник. В Тхайнгуэне у нас есть человек. Еще с тридцать пятого года. Связник пошел прямо к нему. Оттуда мы добирались уже вместе. Он принял меня за своего. Но держался замкнуто. Я понял, что игра пошла по-крупному, и не навязывался.

- Почему пришлось убрать?

- Опять встреча, начальник. На сей раз неожиданная. В Каобанге. Попался парень, который знал меня как АБ. Пришлось прикончить обоих. Другого выхода не было.

- Правильно сделал, Конг.

- Я обыскал обоих, но ничего не нашел. Остаться в Каобанге было нельзя, идти дальше - рискованно. Я и так узнал слишком много. У них там большая конференция. Вся верхушка собралась: Ай Куок и остальные.

- Покажи, где. - Жаламбе подвел его к крупномасштабной карте.

- Только уезд знаю. - Конг очертил небольшой кружок. - Где-то здесь, если тут и тут перекроем выходы из долин - они окажутся в мышеловке. Медлить нельзя, начальник, поэтому я и решил прийти за вами в отель. Не мог ждать.

- Что ж, Конг, орден Почетного легиона я тебе, конечно, не обещаю, но если мы их накроем, тебя ждет хорошая награда. Останешься доволен.

- Спасибо, начальник.

х х х

С началом дождей в пещере Тунга поселилось множество жаб. Влажно шлепая по отшлифованному подошвами безымянных отшельников камню, они вспрыгивали на циновку, замороженные скучным светом масляной лампы. Блестки отраженного пламени переливались в безумно вытарашенных глазах.

- Весело тут у тебя, ничего не скажешь, - поежился Лыонг, выбирая местечко посуше. - А комарье! - Движением руки он попытался развеять заунывно гудящий столбик. - Почти как на Пулокондоре.

- Ничего. Жаба хоть и жметя к берегу пруда, а мечтает схватить звезду с неба. Рассказывай, Лыонг. Как там дела? - спросил Танг.

- Плохо. Они обложили нас со всех сторон и начали методично сжимать кольцо. Если бы не отряд Тхо Ван Тана, нам пришлось бы плохо. В Нары они устроили засаду. Видно, надеялись разом захватить весь ЦК. Но мы прорвались. Хоть и дорогой ценой, но прорвались.

- А как он?

- Не беспокойся. Все руководство в безопасном месте. Центральный комитет принял решение перевести основные вооруженные силы ближе к границе. В Тхайнгуэне оставлен только небольшой отряд Тана. Он уже ведет партизанскую войну. Если бы ты видел, что делалось в городе, когда люди узнали, что Гитлер напал на Советский Союз! На каждом дереве, в каждом окне появились красные флаги. Наши товарищи в тюрьме разрывали рубашки и окрашивали их собственной кровью. Пусть все видят, что в тюрьмах продолжается борьба.

- Мировая революция и мировой фашизм. Нгуен Ай Куок предвидел решающую схватку... Большие потери?

- Очень. - Лыонг хмуро кивнул. - В отряде, который прикрывал наш отход, убито восемь бойцов, троих жандармы взяли живыми. Теперь, как всегда, каратели отыграются на мирном населении. В Нафао, Динька и Ланзыа уже строят лагеря. Нарочно выбирают самые малярийные места вблизи болот и обносят их колючей проволокой. По всем деревьям развесили свои лозунги: "Трудолюбие, семья, родина", "Здоровье во имя служения родине", "Государственная революция" и тому подобное. О какой родине идет речь? И что это за штука такая: "государственная революция"? Очередной фашистский бред. Ничего, теперь они узнают, что такое партизанская война. Мы не дадим им ни минуты покоя. Бюро ЦК считает, что партизаны должны сочетать боевые действия с широкой политической агитацией. В том числе и среди вражеских солдат. Пусть они знают, за кого и против кого воюют.

- Нам следует усилить борьбу с предателями.

- Об этом тоже шла речь. Пощады элементам АБ не будет. Не сомневайся, товарищ Танг, мы найдем гадину, которая привела жандармов.

- Я сразу подумал, что тут не обошлось без измены.

- Они стали грязно работать. Когда мы нашли тела убитых товарищей, то сразу приняли меры предосторожности, иначе бы каратели застигли нас врасплох.

- Какие тела, Лыонг? - насторожился Танг. - О ком ты говоришь?

- Разве тебе ничего не известно? - удивился Лыонг. - Тогда приготовься услышать горькую весть. От руки предателя погибли твой Кыонг и еще один прекрасный парень, с которым мы вместе бежали с Пулокондора.

- Где это было? - стиснув зубы, спросил Танг.

- Все расскажу. - Лыонг сочувственно коснулся его руки. - Кыонг оставил документы. Из-за них я, собственно, и приехал сюда. В Тхайнгуэне он передал их товарищам из отряда Тана.

- Почему они не переправили дальше? Знали же, что я буду ждать в Каобанге? Нет, тут что-то не так! - Танг порывисто встал и, подойдя к лазу, зачерпнул пригоршню дождя. Смочил глаза и лоб. - Очень все странно.

- Ты послушай, как было дело, - мягко подступил к нему Лыонг. - Нам было очень непросто распутать эту нить. Где ты назначил встречу Кыонгу?

- В Каобанге. Мы договорились, что я буду его ждать.

- Но он пришел первым? Так?

- Да, я опоздал. Не успел даже на пленум.

- Что-нибудь случилось?

- Обыкновенная малярия. Она свалила меня по дороге. Пришлось заползти в хижину сборщика каучука. Неделю простучал зубами.

- Понятно. - Лыонг сосредоточенно всматривался в черный провал, за которым изматывающе стучал дождь. - Дай мне самому сначала во всем разобраться. - Он порывисто обернулся. - Я потом все объясню.

- Как хочешь, - безучастно откликнулся Танг. - Пока я валялся, Кыонг погиб. Теперь мне многое ясно.

- Ты не должен так думать! - запротестовал Лыонг. - Мы только люди, а потому с каждым из нас может приключиться беда. Разве ты нажил малярию на курорте?

- Не имеет значения.

- Нет, имеет! - повысил голос Лыонг. - Но хватит об этом. Убитых мы не вернем, а отомстить за них обязаны. Я приехал, чтобы найти

предателя, Танг, и ты обязан помочь мне.

- Этот француз...
- Он невиновен, - уверенно сказал Льюнг.
- Откуда тебе знать об этом? - В голосе Танга проскользнуло раздражение. - Мы потеряли столько людей. Видишь ли... - Он хотел еще что-то добавить, но только махнул рукой.
- Фюмроль согласился помогать нам.
- Кьонг ничего об этом не написал.
- Зато он все рассказал в Тхайнгуэне.
- Тем более странно, почему он не оставил записку.
- А если не хотел засветить тайник? Если почувствовал за собой хвост? Вы же все равно должны были встретиться в Каобанге!
- Допустим. Но кто-то ведь выдал Кьонга?
- Только не Фюмроль. Я видел документы, которые он передал. Среди них была карта складов оружия и боеприпасов. Один из них находился как раз в Тхайнгуэне. Понимаешь теперь, почему Кьонг не стал ждать?

Танг кивнул.

- Он передал карту командиру отряда. На следующую ночь ребята Тана напали на склад. Они взяли ящик винтовок, сотню гранат, горные минометы и крупнокалиберный пулемет. Своей смертью Кьонг дважды спас всех нас.

- Я понимаю, - тихо сказал Танг.
- Как видишь, Кьонг принял единственно правильное решение. Для тебя он, на всякий случай, оставил записку.
- Где она?
- Бумага размокла, но я все помню. Он сообщал о Фюмроле, о карте, о том, что будет тебя ждать в условленном месте. Не надо себя терзать, Танг, твое опоздание ничего не изменило. За Кьонгом по пятам следовал враг.

- Кто?

- Пока не известно. Удалось установить, что в Каобанг Кьонг прибыл не один. С ним был еще какой-то человек. Кто он, как выглядит и каким путем вкрался к Кьонгу в доверие, мы не знаем. Не исключено, что именно он навел жандармов. В истории с засадой у Нари тоже много неясного.

- Почему ты думаешь, что предателя нужно искать здесь?
- Не здесь, в Ханое.
- Я это и имею в виду.
- Простая логика подсказывает, что Кьонга прежде всего могли взять на заметку именно тут. Прежде чем навестить тебя, я попробовал понаблюдать за Фюмролем. К нему не подступить. Накрыт частой сеткой. Его передают от одного к другому.
- Полагаешь, что такой человек, как Кьонг, мог этого не заметить?
- Я тоже задал себе такой вопрос. И нашел на него единственный ответ.

- Допустим, - кивнул Танг. - Слежка могла резко усилиться, когда тайная полиция поняла, что Фюмроль работает на нас. Тогда чего они ждут?

- Очевидно, собирают доказательства измены и заодно поджидают новую добычу. Теперь к французам не подступиться. Верная гибель.

- Хорошо, что мы не разучились понимать друг друга с полуслова, - одобрил Танг.

- Так я и рассудил. Конечно же, им нужны доказательства. Вот если бы они взяли на явке его, да еще с картой, - он присвистнул, - тогда бы ему сразу пришел конец.

- Да, тут гильотиной пахнет. Надо бы ему помочь, Льюнг. Теперь я вижу, что он порядочный малый. И многое для нас сделал.

- Кьонг тоже просил об этом.
- Стоп! - Танг ударил кулаком по циновке. - Значит, Кьонг видел слежку?

- Нет, - устало покачал головой Льюнг. - Ничего он не видел.

Фюмроль сам сказал ему, что хочет бежать из Индокитая.

- Странная просьба. - Танга все еще мучили подозрения. - Такой

человек мог найти сотни способов. Тебе не кажется, что тут готовилась западня?

- Не торопись, дружище. Ты не даешь мне слова сказать... Фюмроль не один. С ним несколько летчиков. Они хотят бежать в Малайю или Сингапур.

- К де Голлю, значит, наострились. - Танг задумчиво устремил взгляд на огонек, покачивающийся в скорлупке с древесным маслом. - Трудно, конечно, загадывать далеко вперед, но хотел бы я знать, куда направят самолеты эти бравые парни после войны. Опять к нам?

- Вполне возможно. Но Фюмролю нужно помочь. Пользы от него теперь никакой.

- Вот и я думаю, брат Лыонг, как к нему подступиться...

- Раз так говоришь, значит, уже что-то надумал, - засмеялся Лыонг. - Я тебя знаю.

- Есть один план. Только придется идти на поклон к старику.

- К папаше Вему? - помрачнел Лыонг. - Что ж, старик не подведет.

- Он замолк, собираясь с мыслями. - О Белом нефрите никаких известий?

- Если бы я хоть что-то знал о твоей дочери, то не стал бы тебя томить.

- Понимаю.

- А без Вема нам не обойтись. Мы достали ему баркас с мотором. На таком не то что змей ловить, а до Филиппин добраться можно!

- Когда я смогу с ним увидеться? - Лыонг прикурил от фитилька.

- Завтра с утра и отправимся, - ответил Танг.

Фюмроль не слишком удивился, когда застал у себя в саду Жаламбе. После сайгонского инцидента они, правда, старались пореже попадаться друг другу на глаза, но в последние дни наметилось определенное потепление.

- Входи, - посторонился Фюмроль, толкнув дверь ногой.

Они прошли в беседку, увитую вьющимися розами. Старая китайка, которую Фюмроль взял почти что с улицы, включила свет и замерла в ожидании.

- Есть будешь? - спросил Фюмроль, рухнув в плетеное кресло.

Встав на колени, китайка сняла с него ботинки и убежала в дом за горячими салфетками.

- Где ты отыскал это чучело? - поинтересовался Жаламбе. - Неужели не нашлось помоложе? Сказал бы мне...

- Есть будешь? - Фюмроль повторил вопрос. - Си, си, - поблагодарил он китайку, с наслаждением вытирая лицо.

- Ты и по-китайски изъясняться умеешь? - Жаламбе уважительно причмокнул. - Скажи своей крокодилнице, чтобы принесла папайи. Я на ночь не ем.

- Так, чем обязан? - поинтересовался Фюмроль, поливая соком круглого лимончика роскошную ярко-оранжевую плоть папайи.

- Есть предложение, - не обращая внимания на сухой тон хозяина, Жаламбе разлил анисовую. - Тебе с водой?

- Какое? - все так же отчужденно спросил Фюмроль, внимательно следя за тем, как белеет в стакане пахучая жидкость.

- На той неделе лечу в Сайгон. Могу и тебя захватить.

- Встречать японцев? - криво улыбнулся Фюмроль и отрезал: - Нечего мне там делать.

- Ну и глупо! В Кохинхине сейчас настоящий рай. Елисейские поля, бар "Голубой бриллиант"... - Развалившись в кресле, Жаламбе принялся живописать прелести сайгонской жизни.

- Погоди, - властно пресек его излишняя Фюмроль. - Ты за этим пришел?

- Не хочешь, не надо, - сплюнул Жаламбе. - Думал, тебя заинтересует. - Он сделал обиженное лицо. - А зашел я без всякой задней мысли. Выпить по старой дружбе, поболтать. Мне противно, маркиз, когда всякая шваль болтает о наших с тобой отношениях. Пусть заткнутся, в конце концов. Мы работаем рука об руку, и у нас нет проблем.

- Положим, проблем у нас хватает. Да и работаем мы не вместе, а,

скорее, друг против друга.

- Выходит, я продался японцам?

- Скажем лучше - капитулировал. И не ты один.

- Не надоело паясничать? Пора наконец взглянуть правде в лицо, милый майор. Вместо того, чтобы благодарить маршала...

- Позволь! - Фюмроль сделал отстраняющий жест. - Я ни слова не сказал про господина Петэна. Про новую Францию - тоже. Так что не надо меня провоцировать.

- Мне что, делать больше нечего?! - Жаламбе залпом допил свой стакан. - Зато я, если позволишь, скажу. Да, мы должны благодарить маршала за то, что он вытащил нас из пекла. Пусть многое безвозвратно потеряно, но хоть что-то все-таки удалось сохранить. И даже не это главное. Франция больше не жалкая жертва, она теперь в лагере сильных - вот что важно!

- Ты, случайно, не Адольфа Шикльгрубера имеешь в виду?

- Почему бы и нет, маркиз? Ты только посмотри, где сейчас Гитлер! Он уже оттяпал большую часть России и рвется к Москве.

- И русские, я слышал, - Фюмроль прикрыл глаза и мертвенно улыбнулся, - объявили свою столицу открытым городом, а правительство перевезли на Черноморское побережье.

- Кто сказал тебе подобную чушь? - попался на крючок Жаламбе.

- Чушь? - Подавив мгновенный порыв, Фюмроль сделался необыкновенно спокоен. - Просто я подумал, что они возьмут пример с нас. Однако нет. Эти варвары почему-то предпочитают стоять насмерть.

- А в итоге? Боши берут город за городом.

- Подождем пока подводить итог. - Фюмроль демонстративно поднялся. - Ты извини, но я хочу пораньше лечь.

- О, разумеется! - поспешно вскочил Жаламбе. - Если красным улыбнется фортуна, я не буду в претензии... Значит, не хочешь в Сайгон?

- Нет, - коротко бросил Фюмроль. - Увидимся. - У него создалось впечатление, что Жаламбе приходил пустить пробный шар. Неужели он в самом деле полагал, что Фюмроль захочет прокатиться с ним по значным местам Сайгона? Едва ли не настолько он наивен. Но зачем-то он все-таки приходил?

После встречи у дэна Медного барабана никто Фюмроля не беспокоил, и он уже начал нервничать. То, что Жаламбе вновь набивался в приятели, следовало расценивать как настораживающий признак.

Фюмролю сделалось душно, и он распахнул кимоно. Мысль о том, что, передав карту, он, возможно, подписал свой смертный приговор, вновь обдала его тревожным жаром. Он только потянулся налить себе немного анисовой, как что-то резко ударило за спиной в дубовую панель рядом с его, Фюмроля, чудовищной тенью впиалась тонкая стрела. Он бросился на пол. Затаив дыхание подполз к выключателю и погасил свет. Сомнений быть не могло: его хотели убить. Успокоившись, он подошел к стене и нащупал стрелу. Вырвать ее оказалось далеко не просто. Пробив стальную противомоскитную сетку окна, она крепко застряла в дереве.

В спальне Фюмроль тщательно осмотрел бамбуковый прутик с заостренным и слегка обожженным в огне концом. Обычная стрела от вьетнамского арбалета. Когда хотят убить наверняка, острие обмакивают в отвар ядовитой лианы. Фюмроль, знавший уже тлетворно-смолистый горьковатый запах яда, приблизил стрелу к носу. Она не была отравлена.

Запахнув кимоно, Фюмроль твердым шагом прошел в кабинет. Зажег свет, включил настольную лампу и, повернув кресло к столу, выдвинул передний ящик. Среди бумаг и мелкой канторской дребедени нашел лупу.

"Хайфон. Левый берег реки Сонг-Ка. Таверна "Золотая черепаха". День Медного барабана. Каждую неделю с 7 до 9. Проявляйте осторожность. Вас подозревают, за вами следят".

Фюмроль вынул зажигалку и сжег записку - тончайший завиток, тщательно вклеенный в расщеп оперения стрелы. "С семи до девяти, - повторил он про себя. - Час Тигра. Счастливые часы".

х х х

Пятнистый бронетранспортер с трудом одолевал подъем. Шофер с нашивками солдата второго года службы включал перед поворотами первую передачу, и шестерни издавали надсадный рев. Сидевшие сзади Тахэй и Уэда невольно хватались за стальные скобы. Временами казалось, что окутанный душным облаком пыли прокаленный на солнце гроб не удержится на такой крутизне. Но виток за витком машина упорно ползла в гору.

Тахэй свыкся с тяготами пути и легко переносил духоту, дребезжащую тряску и постоянную близость головокружительного обрыва. Пересаживаясь с военных самолетов в автомобили, он мотался по заводам, каучуковым плантациям и рудникам.

Уэда считал своим долгом сопровождать высокого представителя в столь ответственной инспекционной поездке. Помимо того, что шеф кэмпзэтай лично отвечал за безопасность профессора, ему показалось полезным самому познакомиться с основными экономическими центрами страны.

- Все решает сырье, - не уставал убеждать его Морита Тахэй. - Аэродромы, военно-морские базы - это великолепно, но, к сожалению, слишком брэнно. Самолеты сбивают, подводные лодки топят. Если мы не обеспечим себе расширенного воспроизводства вооружений, то нечего надеяться выстоять в затяжной войне. Миллион йен, вложенный в местную экономику, радует меня куда больше, чем еще одна дивизия, высаженная в Сайгоне или Дананге. Вы превосходно справляетесь со своими обязанностями, Уэда-сан. В перспективе они станут куда многограннее. Саботаж в промышленности должен заботить вас не менее, если не более, чем диверсии на военных объектах. Притом не столь важно, кому сегодня принадлежит фирма. Сегодня на ней может быть французская или вьетнамская вывеска, а завтра дело отойдет к нам.

Уэда почтительно слушал. Он не уставал поражаться обширности интересов Мориты Тахэя.

За неделю они сумели посетить судоремонтные верфи "Бошон" в Сайгоне, плантации гевеи компании "Мишлэн" в Фужиенте, намдиньские шелкопрядильные фабрики и цинковый завод в Куангйене. И везде Тахэй ухитрился дать точные и, как показалось Уэде, важные для Японии инструкции.

- Хату - настоящее геологическое чудо! - восторгался Тахэй. - Угольный пласт залегает здесь по всему хребту, а антрацит добывают открытым способом, начиная с вершины.

Путь на Хату пролегал сквозь девственные джунгли. И только встречные грузовики и бамбуковые столбы, согнувшиеся под тяжестью энергокабеля, напоминали о присутствии человека. Под самыми колесами пронеслись вереницы обезьян, пестрые крикливые попугаи качались на тонких ветках.

У одноэтажного розового домика главной конторы японских гостей поджидал инженер француз мсье Депре, заранее предупрежденный по телефону. Рассыпавшись в любезностях, он втиснулся в горячее, пахнувшее смазкой чрево транспортера и, сняв пробковый шлем, пустился в объяснения:

- Хату, господа, - это как бы перевернутая шахта, где добытый уголь выдается не на-гора, а, напротив, стремительно летит с горы вниз, на погрузочный двор. Наша компания надеется в недалеком будущем полностью электрифицировать разработки и механизировать весь процесс добычи. Наш антрацит почти не содержит серы, и его очень охотно покупают другие страны. Англичане в Малайе, например, предпочитают брать только наш уголь.

Тахэй слушал Депре с непроницаемым лицом, а Уэда изобразил заинтересованное внимание, хотя француз не сообщал ничего нового.

Высокогорные разработки производили сильное впечатление. Где-то на самом дне циклопической котловины затерялись банановые садики и хижинки шахтеров, вдоль узкой, ртутно блистающей змейки ручья высились холмы песка и щебня, серебристо-черные горы подготовленного к отправке антрацита.

Осмотрев разработки, Тахэй, облизав губы и выплюнув едкую густую слюну, заявил:

- Производство ведется почти образцово. Но этого недостаточно, господин Дебре. Вам придется по крайней мере удвоить добычу в течение ближайшего года.

- Это невозможно! - заикнулся было француз. - Наши покупатели...

Но Тахэй остановил его властным жестом.

- Отныне весь уголь станем забирать мы. В том числе и тот, что предназначен к отправке. Порту уже даны указания загружать углем только суда под японским флагом.

- Но, господин Тахэй! - Дебре в отчаянии схватился за грудь. - Мы же понесем страшные убытки!

- Платить рабочим меньше, - порекомендовал Тахэй. - А спрашивать с них больше. Рецепт простой. - Он поучал инженера ровным бесцветным голосом, старательно артикулируя французские слова. - С нашей помощью вам предстоит ликвидировать диспропорцию между объемом добычи и проходки, провести дальнейшую геологическую разведку, наладить бесперебойный транспорт. - Тахэй поставил ногу на ступеньку автомобиля. - А теперь, пожалуйста, поедем посмотреть документацию. Прошу, - пригласил он француза и Уэду, не проронившего за все время ни слова. - Нам следует уточнить ближайшие планы реконструкции на конкретных цифрах.

Взмокший инженер безропотно полез в кабину.

Вечером того же дня Тахэй и Уэда вылетели с военного аэродрома в Хайфон. На очереди были цементный завод и горючее "Компани франко-азиатик де петроль".

...Двухмоторный "ситэй", на котором они летели, уже касался колесами мокрой посадочной полосы, когда в каких-нибудь ста метрах впереди из темноты вынырнул новенький "амио" с трехцветными кругами на крыльях. Пилот рванул рычаги управления на себя и взмыл в воздух, чудом избежав катастрофы.

Люк Гранжери, едва не врезавшийся в японский самолет, тыльной стороной ладони отер заливавший глаза пот.

- Это ж надо, черт возьми, в самый последний момент! - Он выключил моторы.

Винты беззвучно вращались. Сквозь их волнистые круги виднелись огни вышки, несколько освещенных прожектором пальм и муравьиные фигурки людей, бегущих к самолету. По фонарю кабины монотонно стучали капли.

- Да, чуть было не отправились на тот свет, - высунул голову Фюмроль, скорчившийся в ногах Клода Маре, сидевшего на месте стрелка-радиста.

Японец описал над пальмами плавную дугу и пошел на второй заход.

- Разве этот аэродром тоже передали японцам? - удивился Люк, стаскивая с головы шлемофон.

- Как видишь, - угрюмо буркнул Клод. - Что теперь станем делать?

- А ничего страшного. - Люк беспечно свистнул. - Могли же мы ошибиться? Выйдем как ни в чем не бывало.

- Боюсь, они несколько удивятся, увидев, как из двухместной машины вывалится святая троица, - меланхолично возразил Фюмроль. - У тебя еще много горючего, Люк?

- Минут на двадцать.

- Что ж, придется упасть в море. Поднимай самолет!

- Я еще не до конца спятил, Валери. - Люк зубами вытянул из пачки сигарету. - Это почти верное самоубийство.

- А ты предпочитаешь военно-полевой суд?

- Хватит болтать! - рассвирепел Клод. - Немедленно в воздух!

Люк послушно включил зажигание.

- Кретины, - процедил он, выплевывая незажженную сигарету.

- По крайней мере, у нас будет время подумать, - примирительно заметил Фюмроль. - Японцы уже совсем рядом.

- Раньше надо было думать, - отгрызнулся Люк, бросив машину в сторону моря. - Хотел бы я знать, на что вы надеялись, когда пустились на авантюру?

- Ты, как погляжу, сохранил благоразумие и остался дома, - мрачно пошутил Клод. - Я вот хотел бы знать, почему нас так напугали японцы. Или мы надеялись, что свои встретят нас с духовым оркестром?

- Смейтесь, смейтесь, - предупредил Люк. - Веселиться вам осталось семнадцать минут. Попробуй придумать что-нибудь путное, маркиз.

Но что можно было придумать? Люк сказал правду. Они и в самом деле пустились в авантюру.

Потеряв надежду избавиться от назойливого наблюдения, Фюмроль поехал в расположение третьей эскадрильи еще раз посоветоваться с друзьями. На их беду, был канун условного дня, а самолет Гранжери стоял под заправкой для ночного полета. Соблазн оказался слишком велик, и они решились. Даже скептически настроенный Люк поддался неожиданно нахлынувшему на них и такому упоительному безумию! Дьявольщина! Они были по-настоящему счастливы, когда оторвались от земли. Как жаль, что все так быстро кончается. За миг ослепительного восторга приходится расплачиваться по самому большому счету.

- Конечно, мы поступили, как дети, - ни к кому не обращаясь, произнес Фюмроль. - Но это было так приятно.

- Ты идиот, маркиз, - через силу улыбнулся Клод.

- Пятнадцать минут, - сказал Люк.

- Ничего, мальчик, - философски заметил Фюмроль. - Хуже смерти с нами уже ничего не случится. Сколько твоя авиетка сможет продержаться на плаву, Люк?

- Минуты четыре.

- Это уже кое-что. - Фюмроль был настроен явно оптимистически. - Ты сможешь мягко сесть на воду?

- Ночью? В тайфун? - Люк скептически покачал головой. - И главное, зачем?

- Дай карту. - Фюмроль требовательно дернул Клода за ногу. - И посвети мне фонариком.

- Двенадцать, - монотонно объявил Люк.

- Какой курс? - поинтересовался Фюмроль, склоняясь над планшетом. Размытый эллипс света, словно из небытия, вырвал контур береговой линии, разветвленную дельту своенравной Сонг-Ка и бисерную россыпь островов. - Высота? - И, не дожидаясь ответа, отдал приказ: - Держи прямо на архипелаг Драконьего Жемчуга. - В его голосе звучал металл. - Набрать высоту!

Шанс на успех он оценивал как один из ста. Из прежних бесед с Жаламбе он вынес впечатление об островах Драконьего Жемчуга, как о вольном уголке, где нашли приют люди самых отчаянных профессий: ловцы жемчуга, контрабандисты, торговцы наркотиками и даже пираты. Недаром туда заходили подозрительные джонки из Гонконга и Макао, поставлявшие живой товар для всевозможных леди-стрит Сингапура, Батавии, портов южных морей.

Там кишмя кишело шпионами, но официальные власти предпочитали держаться в тени. Оставалось надеяться на удачу и пистолет, а также на тридцать тысяч франков, которые Фюмроль в предвидении подобного случая постоянно держал при себе.

- Как говорят мои любимые японцы, - он залюбовался зодиакальным трепетным светом, озарившим над головой плексиглас, когда машина вынырнула из облаков, - умирая, теряешь все.

По странному совпадению, Фюмроль заговорил о смерти чуть позже Мориты Тахэя. Одному из них предстояла долгая, полная борьбы и скитаний жизнь, дни другого были сочтены.

- По-моему, Клод не ошибся, - сказал Люк. - Ты действительно идиот, маркиз, но твои шуточки почему-то поднимают настроение.

- Постарайся дотянуть и не врезаться в рифы, - посоветовал Фюмроль. - Если заглохнет мотор, планируй, сколько хватит сил.

х х х

Джонка, в которой находился Фюмроль, уже приблизилась к

малайскому берегу, когда налетел тайфун. Лесистые горы султаната Тренгану, окутанные облачной пеленой, вскоре совершенно скрылись из виду. На море, катившее длинные пенистые валы, опустилась сочащаяся влагой мгла.

После крушения у островов Драконьего Жемчуга, когда погибли Люк и Клод, Фюмроль не переносил качки. Как только джонку стало бросать из стороны в сторону, он лег на самое дно и попытался уснуть. Его словно втягивало в бездонную, бешено вращающуюся воронку из черного непрозрачного стекла. Под свист ветра и тяжелые удары волн ему грезились мертвые лица друзей и рваные дыры на обожженном дюрале, куда с ненасытным бульканьем проваливалась морская вода. Во тьме вспыхивали какие-то блески, но он не знал, что это: сверкание коралловых песков, слизистый отсвет рыбьей чешуи или просто круги бешено вращающихся винтов. Потом ему пришло на ум, что так могут слепить глаза только груды пустых жемчужниц, гниющие под беспощадным полуденным солнцем. Значит, нет никакой джонки и никакого тайфуна, а только длится изнурительная сиеста за стеной, сложенной из кусков коралла. Он все еще болен и бредит взбаламученным морем, горькой солью, скребущей гортань, дымящимся раскаленным светом.

Безумно терзает жажда. Значит, с минуты на минуту приподнимется плетеный полог, пахнет опаляющим ветром, и рыбак Фуок поставит у изголовья кружку охлажденного чая. Будет длиться и длиться блаженное безумие, когда целительная пахучая влага по каплям процеживается сквозь запекшиеся горькие губы, навевая покой и забвение. Или час Фуока еще не пришел? Пока трупы в летных комбинезонах качает волна, Фуок словно не существует в мире. Его долбленая лодка с балансиром появится в ту минуту, когда Фюмроль останется с морем один на один. Но прежде острые рыбы зубы вспорют непромокаемую ткань и пожрут разбухшее белое мясо. А световая сетка будет дрожать в зеленой таинственной глубине лагуны. И голубые лангусты опустят антенны усов на сломанные плоскости скоростного "амио".

"Какая забавная татуировка у Фуока, - вспоминает Фюмроль, прорываясь сквозь бред. - Многоцветный крылатый дракон. Клеймо небесного хозяина. Пролетая утром над морем, он мечет синий и розовый жемчуг. Зачем мы забрались так безумно далеко? Скорее прочь, Люк! Здесь владения дракона, и он дохнет на нас огнем".

К ночи джонку отнесло дальше на север, и она оказалась в зоне затишья. Тайфун пощадил крохотное суденышко, обрушив всю свою разрушительную мощь на экваториальные острова.

Помолившись перед алтарем предков, шкипер поблагодарил богов за спасение. Морского духа он умилиствовал связкой раковин каури и гирляндой цветов. Теперь можно было позаботиться и о пассажирах. Мальчишка-прислужник насыпал в очажок углей и раздул огонь. Фюмроль пришел в себя, когда чайник уже весело позвякивал жестяной крышкой. Насквозь промокшие люди с нетерпением ждали горячего ободряющего глотка. Фюмроль с трудом разлепил набрякшие веки и огляделся. В белом свете карбидного фонаря крохотная каюта выглядела особенно убого: плетеная циновка, куча мокрого тряпья и канатная бухта, на которой пристроилась худенькая женщина, безуспешно пытавшаяся покормить грудью орущего младенца. Напротив сидел камбоджиец в саронге с засушенным осьминогом в руках. Заметив, что белый пришел в себя, он с хрустом отломил щупальце и предложил полакомиться.

Фюмроль отрицательно покачал головой. Рот наполнился вязкой слюной, отдававшей металлом. Он опять ощутил себя распластным на колючем коралловом песке, когда его рвало океанской водой. Он с жадностью схватил алюминиевую кружку и выполз на палубу.

На свежем ветру стало легче. Обжигаясь, Фюмроль глотал крутой кипяток, смотрел в непроглядную темень, где слабо вспыхивали голубоватые пенные гребни.

...Капитан-лейтенант Такабэ опустил ручки перископа и пригласил Ариту полюбоваться красотами восхода.

- Море, словно фарфор, на который упали лепестки красного жасмина, - выпренне произнес он, отходя в сторону. - Взгляните,

господин подполковник. Кстати, там у самого берега болтается какая-то скорлупка. Не знаю, стоит ли расходовать на нее энергию.

Арита приник к окулярам и развернул перископ. Опаловые оттенки зари его не волновали.

- Джонка в самом деле жалкая, - сказал он, оценив обстановку. - Но если учесть, что вчерашний тайфун порядочно потрепал нашу добычу, то не стоит ею пренебрегать. Для Джохорского пролива такая посуда вполне сойдет. Одним словом, не жалейте аккумуляторов, капитан.

- Есть! - откликнулся Такабэ и приказал подготовиться к всплытию.

"Малютка И-168" всплыла в каких-нибудь ста ярдах от джонки. Такабэ счел ниже своего достоинства тратить время на столь мизерный приз и послал лейтенанта Симоду.

- Какой национальности судно? - крикнул тот в мегафон по-английски, высунувшись из люка. - Почему нет флага?

Шкипер вопросительно взглянул на француза.

- Индокитай, - ответил за него Фюмроль и выплеснул за борт остывший чай.

- Немедленно оставить судно! - распорядился лейтенант. - Или мы откроем огонь.

- На борту женщины и дети! - прокричал в ответ Фюмроль и, догадавшись, с кем имеет дело, добавил по-японски: - У нас нет никаких плавсредств. Позвольте нам хотя бы подойти ближе к берегу.

- Нет, - отрезал японский моряк. - И так достаточно близко. Волна небольшая.

- Спорить бесполезно. - Фюмроль повернулся к шкиперу. - Надо лезть в воду, иначе они нас потопят. Вы сумеете объяснить пассажирам?

Он ожидал паники, детских криков и слез. Но люди встретили нежданно свалившуюся на них беду с удивительным спокойствием. Женщины покорно стали привязывать детей к себе за спину. Шкипер принес несколько пробковых поплавков.

- Неужели нет ни одной лодки? - спросил Фюмроль.

- Одна есть, - поколебавшись, ответил шкипер. Видимо, он приберегал ее для себя. - Только плохонькая. Больше четырех человек она не поднимет.

- Превосходно! - обрадовался Фюмроль. - В лодку сядут женщины с детьми. Кто не умеет плавать? - спросил он, с трудом подбирая вьетнамские слова. Но на судне, которое шло с островов Драконьего Жемчуга, плавать умели все.

- Тогда за борт, дамы и господа! - скомандовал он. - Японцы не станут ждать ни одной лишней минуты, - и первым начал раздеваться.

Перед тем как прыгнуть с кормы, вынул из-за пазухи пистолет и зашвырнул его в море.

Он вынырнул и, жадно вдохнув, вновь погрузил лицо в волну, смывая слезы. Боже, как это было некстати!

Субмарина, задраив люк, пошла на погружение. Передав на ближайший катер координаты оставленного судна, она устремилась на поиски новых жертв.

Арита был осведомлен, что экспедиция в Таиланде прошла не столь гладко, как этого хотелось, но в целом операция развивается по графику, и на аэродромы Алор-Стар и Сунгей Патани уже садятся японские бомбардировщики. Для штурма Сингапура генералу Ямасите понадобятся суда. Следовательно, он их получит.

Выбившись из сил, Фюмроль лег на спину. Лишь теперь он понял, насколько ослаб после болезни. Все, кто плыл с ним на джонке, уже были далеко впереди. Черные головы, как поплавки, выскакивали из пены накатившего вала.

Небо вновь заволочли темные, как дым пожарищ, облака. Северо-восточный муссон, как всегда, дал знать о себе дождем. Было приятно лежать с закрытыми глазами и ловить ртом прохладные сладкие струйки. Волны медленно пригоняли Фюмроля к берегу. Он знал, что в столице султаната Келантантан городе Кота-Бару расположена крупная военная база англичан. От друзей, которые бывали на здешнем аэродроме, он слышал об укрепленном районе в развилке реки. Пусть не удастся отыскать англичан в мангровом лабиринте дельты, но что помешает ему

пробраться в город? От побережья до Кота-Бару было всего два километра. Волна у берега стала круче. Фюмроля, обессиленного и оглушенного, выбросило на утрамбованный приливом жесткий песок.

Отдышавшись, он вытряс из ушей крупинки кварца и встал на нетвердых ногах. Горизонт покачивался перед ним, словно он находился в кабине самолета. Сделав несколько шагов, он пошатнулся. Кое-как добрался до ржавого корневища вывороченной пальмы и присел на заиленный ствол.

Весь берег был усеян трупами.

Пальмы со срезанными верхушками помогли Фюмролю определить направление огня. Берег был обстрелян из леса, возвышавшегося над зарослями молодых кокосов у речной излучины, отрезанной от моря полосой дюн. Там, среди зазубренных сабель дикого ананаса, лежало японских трупов еще больше, чем у моря. Солдаты были без пилоток. Белые хаки-маки смертников красноречиво говорили об их презрении к смерти.

Они совершили "таи атари", добровольно принесли себя в жертву. Приняв на себя огонь первой линии английской обороны, они умостили дорогу новой волне, которая ворвалась в лес, чтобы навсегда остаться на минном поле.

Индийские солдаты, лежавшие в мокрых траншеях, не ожидали столь неистового самоистребительного штурма. Вместо того чтобы залечь перед опутанными колючей проволокой минными заграждениями, японцы бросились в атаку. Не успевала осесть поднятая взрывом земля, как в дымящуюся воронку прыгал новый самоубийца в белой повязке, чтобы взлететь на воздух на метр ближе к английским дзотам, сколоченным из дерева. Так шаг за шагом по горячему праху товарищей смертники прорвали первую линию обороны и приняли штыковой бой.

Так их учили в малярийных болотах Формозы, ради этой минуты гнили они месяцами в джунглях Хайнаня. Их тренировали минеры, военные инженеры, разведчики, артиллеристы, мастера каратэ и виртуозы ближнего боя.

Быть может, еще вчера эти молодые, полные сил парни не знали, что их день так непоправимо близок. Но прозвучала труба, и они выбежали на палубу транспорта "Авигасан-мару". Прощальная чаша сакэ раскрыла перед ними врата смерти.

"А теперь идите и умрите", - дал им последнее напутствие командир. С этой необратимой минуты меж ними и миром живых разверзлась пропасть. Командир отдал честь, повернулся, как на параде, и поспешил к трапу. Его ожидала подводная лодка, их - бессмертие. Больше, чем бессмертие. Небожители с розовых облаков уже готовились заключить их в благоуханные объятия.

"Каким бы преступником и негодяем ни был японский подданный, - убеждали газеты, - становясь под боевые знамена, он освобождается от всех грехов. Япония воюет во имя императора, и ее войны - святыне войны. Те, кто погиб в них со словами "Да здравствует император", были ли они хорошими или плохими людьми, тем самым становятся богами".

Фюмроль понял, что опоздал. Оглушенный ударами волн, он не слышал дальних разрывов, а муссонная завеса съела черную гарь. Но можно было не сомневаться в том, что японцы находятся в Кота-Бару. В душной одуре джонки он проспал начало новой войны. Идти было некуда. Фюмроль огляделся. Высоко на дюнах приютились под пальмами тростниковые хижины. Скорее всего, хозяева покинули убогий кров, когда прогремели первые залпы. Косой дождь заливал пустые окна. Груда кокосовой скорлупы была разнесена взрывом гранаты или мины. Над жердями ограды возвышались красные драконьи головы лодок. Очевидно, их вытащили так далеко, чтобы не смыла волна. Стащить такую лодку в море одному было не под силу.

Фюмроль решил переждать дождь в хижине. Его уже бил озноб, и начинала подкатывать привычная тошнота. Он слишком долго пробыл в море и наглотался соленой воды. Лавируя между уткнувшимися в землю телами, поднялся на дюны и перелез через изгородь.

В дальнем от оконной двери углу он увидел женщину. Свернувшись клубком, она безмятежно спала на сухих листьях, закрыв исцарапанной

грязной ладонью лицо. Ее длинные и тонкие пальчики были вытянуты, как у тайской танцовщицы. На одном из них скупно блестело серебряное колечко с вьетнамским иероглифом долголетия. С худенькой шейки свешивался белый тигровый коготь.

х х х

Фюмроль встрепенулся от бьющего в глаза электрического света. Над ним стоял японский офицер в маскировочном комбинезоне,

- Встать! - скомандовал офицер, расчетливо ударяя носком ботинка под ребра. Очевидно, он принял полуголого европейца за англичанина.

- Не бейте, - задохнулся от боли Фюмроль и заговорил по-японски.

- Я такой же офицер, как и вы. - Он с трудом поднялся. - Пожалуйста, обращайтесь со мной по-человечески.

- Вот как? - Японец осветил его, медленно ведя луч от головы к ногам. - Где же, в таком случае, ваша форма? Знаки различия?

- Мне пришлось добираться вплавь.

- С ней? - Японский офицер направил фонарь на девушку, сидевшую на коленях в углу.

- Нет. - Фюмроль со стоном схватился за ушибленный бок. - Она была здесь, когда я вошел.

- Выведите девку, - приказал офицер и неожиданно ударил Фюмроля двумя твердыми, как рог, пальцами в солнечное сплетение. - Что вам тут надо? - безмятежно спросил он, когда подозрительный белый пришел в себя. - Где научились японскому языку? С каким заданием посланы?

- Я скажу это только высшему начальнику, - попытался выиграть время Фюмроль. После пережитой боли в нем тряслась каждая жилка.

- Перед вами подполковник императорской гвардии. Если не хотите, чтобы стало еще больнее, отвечайте точно и коротко.

- Я офицер связи при губернаторе Французского Индокитая. - Фюмроль решил не скрывать правду. - Наше судно было задержано японской субмариной у побережья Кота-Бару.

- Какое именно? - подполковник перешел на французский.

- Джонка.

- Как оказались на столь жалкой посудине?

- Мой самолет потерпел аварию.

- Майор Фюмроль? - поинтересовался японец и, не дожидаясь ответа, иронически поклонился. - Рад неожиданной встрече. Откуда плыли?

- С островов Драконьего Жемчуга.

- Где другие пилоты?

- Мертвы, господин подполковник. С кем имею честь?

- У тебя нет больше чести, шваль! - взорвался японец и ребром ладони рубанул Фюмроля по затылку. - Давайте сюда девку, - позвал он, высовываясь из окна. - Живо!

Солдаты бросили девушку к его ногам.

- Кто он? - спросил подполковник, толкая ногой потерявшего сознание француза. - Как здесь оказался?

- Не знаю, господин. - Она едва понимала чужой язык.

- А ты?

- Хоанг Тхи Кхюе, господин.

- Каким ветром тебя занесло в Малайю?

- Не знаю, господин. - Девушка втянула голову в плечи, словно ожидая удара.

- Где твой дом? - Японец догадался, что она просто не поняла вопроса. - Как попала сюда? - постучал он по бамбуковому столбу, поддерживающему крышу.

- Сайгон, господин. - Она спрятала лицо от слепящего света, но луч вновь ударил в глаза.

- Сидеть! - прикрикнул японец. - Как же ты очутилась в Малайе?

- Ма-лай-а? - Она по складам повторила явно незнакомое слово. - Не знаю, господин.

- Как называется твоя страна? - Подполковник проявлял поразительное терпение.

- Вьетнам.

- А эта?
- Вьетнам.
- Где Сайгон, идиотка?
- Далеко... - Она махнула рукой на темный квадрат окна.

Японец машинально повернул голову.

В разрывах невидимых туч влажно лучились звезды. Дождь прекратился, и стало слышно, как шумит беспокойное море.

- Джонка? Сампан?

- Сампан, господин, - она обрадованно закивала, - сампан. Тайфун налетел. Три, четыре, пять, - начала загибать пальцы, - шесть дней кидало. Потом из моря Железный сампан. Японский господин в трубу кричал: "Плыви сам, плыви сам!"

- Наконец-то! - усмехнулся полковник. Его позабавила мысль о том, что судьбы таких разных человеческих существ, как беглый француз и эта вьетнамка, столь смешно и нелепо пересеклись по его вине.

Железная воля генерала Ямаситы, которому понадобились суда, предопределила, наверное, сотни подобных встреч, смешала и разметала по ветру бессильные намерения и жалкие жизни. Ямасита приказал, а он, подполковник Арита, исполнил, добыв за три дня охоты свыше двухсот судов. Все остальное - капризная прихоть случая: встречи, разлуки, гибель и этот тайфун, который, описав петлю, пригнал к Малайскому полуострову десяток лодчонок с индокитайского юга.

Фюмроль, придя в сознание, застонал и попытался встать.

- Вы можете расстрелять меня! - Цепляясь за жерди, он с трудом выпрямился. - Но не смейте прикасаться ко мне, животное!

- Хотелось бы разъяснить ваше незавидное положение, - обернулся японец. - Я могу расчленить вас на кусочки или передать господину Деку. Скорее всего, он пошлет вас на гильотину, или вы больше предпочитаете киматори? Надеюсь, не надо объяснять, что это такое. Слово за вами, господин капитан.

- Майор, - зачем-то поправил Фюмроль. Он пошатнулся и рухнул на земляной пол.

- Какие слабые нервы, - пожурил подполковник. - Похоже, вы знаете, что такое киматори. Но не волнуйтесь, мне не нужна печень малодушного. Еще, чего доброго, заразишься падучей.

- Ма-лай-а... - растягивая слоги, повторила Хоанг Тхи Кхюе.

- Что? - не понял японец. - Вышвырните эту обезьяну. - Он перевел фонарь на Кхюе. - Она меня больше не интересует.

С моря донесся низкий протяжный гудок.

- Катер, господин подполковник, - козырнул один из солдат.

- Да, пора возвращаться. А я еще не решил, как поступить с задержанным. - Он поставил ногу Фюмролю на грудь. - Вы еще не умерли?

- Чего вы хотите от меня? - не выдержал тот и со стоном перевалился на бок. - Каковы ваши условия?

- Так, - удовлетворенно констатировал Арита. - Торг начался. Это во вкусе белых людей. - Ему доставляло странное удовлетворение играть с поверженным врагом. Что ж, он и сам удивляется своему великодушию. Отпустил зачем-то перепуганную дикарку, а теперь церемонится с полутрупом, который ему также совершенно не нужен. - Итак, вас интересуют условия, - так ничего и не надумав, возобновил он зловещий диалог. - Точнее, одно-единственное условие. Короче говоря, жизнь. Вы хотите жить?

- Что вам от меня нужно? - Собрав последние силы, Фюмроль выпрямился, хватаясь руками за гладкие колена бамбукового столба.

- В том-то и весь трагизм вашего положения, майор, что ничего. Все, что можно, вы уже продали. Вам нечем расплатиться даже за жизнь, а она ведь так недорого стоит.

- Тогда добейте меня. Но зачем издеваться, мучить?

Скрипя зубами, Фюмроль отчаянно старался удержаться на ногах. Он был гол, беззащитен и бесконечно унижен. Больше всего на свете ему хотелось сейчас умереть. Только безболезненно и спокойно, подобно засыхающему дереву, как говорят японцы. Он беззвучно плакал.

- Хорошо, я сделаю вам предложение, - улыбнулся Арита. - Кажется, мне удалось найти приемлемое решение. Вы стремились к де Голлю? Что ж,

это естественно Мы готовы оказать вам необходимую помощь. Сражайтесь за Францию, бейте немцев, выполняйте приказы ваших начальников. Когда вы понадобится Японии, мы вас найдем. Как видите, условия достаточно мягкие. Считайте это капризом, но мне почему-то захотелось сохранить вам жизнь. Долг не позволял сделать это просто так, без всякой компенсации. Я придумал приемлемое решение. Что, если вы погибнете в бою? Или ваши услуги вообще не потребуются? Всякое может случиться. Вы почти ничем не рискуете. Никто не помешает вам, наконец, просто лишиться себя жизни.

Фюмроль почти поверил в искренность японца. Еще секунда, и он бы сдался, но тягостное предчувствие скорой гибели мешало ему сказать "да", навязчиво подсказывало, что враг просто забавляется его беззащитностью.

- И вы отпустите меня просто так? Под честное слово? - Он ждал ответа с замиранием сердца, с трепетной надеждой, за которую себя ненавидел.

Арита презрительно усмехнулся. Ему действительно захотелось спасти этого человека, и он был готов отпустить его под честное слово. Своим вопросом заурядного торговца француз сам все испортил. Нет, он не человек духа. Обыкновенное мясо. Пусть пеняет теперь на себя.

А Фюмроль не сводил жадных, тоскующих глаз с японца, как будто бы что-то мог разглядеть за слепящим электрическим кругом.

- Я полагаю, что вы поняли, о чем идет речь. Наш договор мы оформим по всем правилам в ближайшем населенном пункте, после чего вы получите деньги, паспорт нейтральной страны и билет до Лондона, - отчеканил подполковник. - Итак, вы согласны?

- Нет! - выкрикнул Фюмроль.

В ту же секунду Арита выстрелил и, не оглядываясь, вышел из хижины.

- Господин подполковник! - подскочил к нему поджидавший у порога лейтенант Ида. - В лесу обнаружено четыре совершенно целых танка типа "Матильда" и два танка "Валан-тайн". Мои ребята могли бы...

- Отставить, - оборвал его Арита. - Это не наша задача. Быстро на катер.

Он подумал, что зря отпустил девку. Надо было отдать ее солдатам. Они заслужили маленькое развлечение.

- Где мой меч, Ида? - спросил он.

- Здесь, господин подполковник! - держа на вытянутых руках завернутую в шелк драгоценную реликвию, выступил верный оруженосец из темноты. - Прикажете поискать еще пленных?

- Сейчас уже поздно, но завтра я, быть может, смогу показать прием в стиле Мусаши. Самый трудный.

- Ребята очень обрадуются, господин подполковник. Они готовы идти за вас в огонь и в воду.

Приняв меч, Арита пошел к морю, над которым трепетали молнии дальних гроз.

х х х

Год Водяной Овцы Нго Конг Дык встретил на Пулокондоре. Прежде чем попасть на острова, расположенные в восьмидесяти километрах от дельты Меконга, он около года провел в сайгонской тюрьме, где заслужил репутацию "нгоанко"¹. Перед самым тэтом его вместе с другими упрямыми заковали в цепи и швырнули в полицейский фургон. Ударившись головой о железную стойку, он потерял сознание. Очнувшись только на причале, где автоколонну с узниками уже ждало судно, курсирующее между Сайгоном и Пулокондором.

1 Упрямец (вьет).

Скованные одной цепью, заключенные в последний раз вдохнули свежий воздух и побрели к люкам. Их так и не расковали. Весь путь до каторжной тюрьмы они провели в полной темноте, среди крыс и москитов, которые поколениями плодились в стальном чреве старого брандера.

На Пулокондоре по случаю Нового года тюремщики были пьяны и

настроены благодушно. Ограничившись поверхностным обыском и несколькими зуботычинами, они на скорую руку рассовали новоприбывших по камерам. Надзиратель корпуса С, куда попал Дык, даже произнес прочувствованную речь:

- Мы рады приветствовать столь избранную публику на нашем знаменитом курорте... -Он залился пьяным смехом, хотя повторял свою острогу перед каждой новой партией заключенных. - Все вы отъявленные негодяи, но у каждого будет возможность исправиться. Помните это. Неисправимые у нас долго не живут. Они переселяются на небо.

В камере Дык встретил старых знакомых: студента Ло и Тон Дык Тханга, с которым познакомился в сайгонской тюрьме.

Тханга любило все коммунистическое подполье. В девятнадцатом году он поднял красный флаг на крейсере "Валь-дек Руссо", стоявшем в одесском порту, и по приговору военного трибунала целых семнадцать лет провел в каменном мешке Пулокондора. Когда во Франции победил Народный фронт, его выпустили на свободу. По возвращении с Восьмого пленума в Кохинхину он был вновь арестован. Его выследил элемент АБ.

Нго Конг Дыка приняли в камере как своего.

- Витамины привез? - первым делом спросил его студент.

Дык прошел в сайгонской тюрьме хорошую школу и прекрасно знал, что называют политзаключенные витаминами духа, без которых в тюрьме не прожить.

- Про Сталинград уже знаете? - поинтересовался Дык, развязывая мешок. - Или после известия о поражении японского флота у острова Мидуэй время для вас остановилось?

- Он еще шутит! - возмутился студент. - Мы знаем, что Красная Армия окружила фашистов и им предъявлен ультиматум. Чем кончилось?

- Чем надо, тем и кончилось. - Дык весело оглядел окруживших его товарищей. - Полная победа! Разгромлены десятки отборных дивизий, огромное количество пленных, среди которых двадцать четыре генерала и сам Паулюс. На других фронтах советские войска тоже продвигаются вперед, освобождают город за городом. На китайско-бирманской границе армия центрального правительства оказывает упорное сопротивление японцам. Ну как, хороши витаминчики?

- Сведения первый сорт, - одобрил Тханг.

- И свежие! - Ло поднял над головой кулак.

- Знал, куда еду! - Встретив своих, Дык приободрился. Даже рана на голове, нагноившаяся в тюрьме, как будто бы мучила меньше. - Так что поправляйте, товарищи, здоровье.

- Как Нгуен Ай Куок? - спросил Тханг.

- О товарище Хо Ши Мине ничего нового. Они по-прежнему держат его в тюрьме.

- Известно хоть, в чем его обвиняют? - спросил Тханг.

- В шпионаже. Гоминдановцы считают, что товарищ Хо Ши Мин перешел границу для встречи с китайскими коммунистами. Гоминдановцы пытали его, но ничего не добились.

- И ничего не добьются, - сказал Тханг. - Я знаю Ай Куока больше двадцати лет. Пусть он ездил по разным странам, а я сидел на Пулокондоре, связь между нами не прерывалась. Он мне даже стихотворение прислал. "Что бы там ни было - все стерплю..."

- "Я им ни пяди не уступлю", - продолжил Дык. - Эти стихи поют во всех политических тюрьмах Индокитая, товарищ Тханг.

- Новенький правильно сказал. - От стены отделился высокий человек с искалеченной в пытках рукой. - В мире - единый фронт против фашизма. Это рано или поздно дойдет до всех. Гоминдановцы вынуждены будут освободить нашего вождя. Они сейчас являются основной силой, противостоящей японцам, и не должны ослаблять антифашистский лагерь. - Он подошел к Дыку. - Будем знакомы, Фам Динь Тян. - Заметив миссионерскую брошюру в руках новичка, пошутил: - Никак, евангелие от Матфея собрался проповедовать?

- Совершенно верно, товарищ Тян, - протянул ему книжку Дык, - найдется лимон или лайм? Глава девятая. Со слов: "Тогда Он, войдя в лодку..."

- С этим, к сожалению, придется подождать до первой прогулки, - огорчился Тянь. - Такими сокровищами на Пулокондоре не балуют. Скоро сам увидишь, чем нас тут потчуют. Щепотки соли не допросишься.

- Соли! - усмехнулся Ло. - Наш достопочтенный боров, надзиратель, нарочно старается подсунуть вместо нее негашеную известь. Забавляется. Есть у нас еще и санитар по прозвищу мсье Аспирин. Если кто заболит, он посыплет ему рис порошком аспирина, и был таков. Пусть у тебя язва желудка, туберкулез или амебная дизентерия - ему наплевать. Одним словом, не вздумай болеть и не проси добавки.

- Что ты страшась паренька, Ло? - вмешался Тханг. - Судя по всему, он изучил полный курс арестантских наук. - Он похлопал новичка по плечу. - Не пропадет. Что там в брошюре?

- Задачи Вьетнама, чу! Партия считает, что рабочие и крестьяне должны стать основным костяком демократического фронта борьбы против японских фашистов. Это главное. Но на определенных условиях мы должны быть готовы вступить и в коалицию с группировкой де Голля, привлечь на свою сторону китайских эмигрантов. При помощи союзников, при умелом использовании противоречий в стане врага антифашистское восстание будет успешным.

1 Принятое во Вьетнаме обращение младшего к старшему.

- Спасибо тебе, товарищ, - сказал Тханг. - Всем задание: добыть лимон. Пока же будем готовиться к празднику. Девятнадцатый раз встречаю тэт за решеткой.

Витамины духа, принесенные новичком, и близость праздника подняли настроение.

Студент Ло подсел ближе к Дыку, тихо спросил:

- Не установили, кто выдал сампан дедушки Вема?

- Нет, Ло, пока ничего не известно. Ты знаешь, ведь именно там я встретил последний тэт! Всего год прошел, а кажется, что целая жизнь. Нас взяли на второй день праздника. Теперь я только и делаю, что вспоминаю.

- Не надо вспоминать. Ищи предателя.

- Как? - горько усмехнулся Дык. - Вокруг бетонные стены и море. Мы скованы по рукам и ногам.

- Зато мысль свободна. Ты должен вспомнить всех, с кем встречался незадолго до ареста, и каждого перебрать по косточкам. Это грязное дело. Хуже нет, чем взрастить в доме лисицу.

- Я даже не уверен, что тут действовал предатель. Жандармы и сами могли выследить. Разве не так?

- Могли, - согласился Ло. - Но разве ты не знаешь, что прежде всего мы обязаны подумать о шпионе? Вспомни, как были арестованы наши товарищи. Меня ведь тоже выдал провокатор.

- Знаю. Товарищ Танг рассказывал. Мы разоблачили и обезвредили оборотня.

- Вот видишь! Нет, ты просто обязан напрячь память. Если появятся какие-нибудь подозрения, мы найдем способ снестись с волей.

- Здесь, на Пулокондоре? - удивился Дык. - А вообще-то, конечно. Отец Белого нефрита бежал именно из этой тюрьмы. Деньги только нужны. Здесь дорого?

- Не очень. Все надзиратели купили свои должности у начальника сектора. Он человек без предрассудков. Для него тюрьма лишь рынок, где нужно наладить образцовую торговлю. Поэтому цены у нас твердые, в зависимости от поста, который занимает охранник. Того, кто отпирает камеры и водит на прогулку, можно купить за двадцать монет. Это мелкая сошка. Наблюдающего за свиданиями этим уже не умаслишь: у него должность выгоднее. Как-никак может присвоить себе любую передачу. Да и денег у вольных побольше, чем у нашего брата.

- Ясно. Вопрос, значит, упирается в деньги.

- На нашем черном рынке все идет в дело: выпивка, сигареты, жратва, опиум. За письмо на волю двести монет. Короче говоря, мысли. У Родена есть такая скульптура - "Мыслитель". Не иначе, заключенного изобразил.

- Хватит шептаться в углу, - подошел к ним Фам Динь Тянь. - Давайте лучше почитаем стихи. Чья сегодня очередь? - обернулся он к

дядюшке Тхангу.

- Разрешите, я прочту, - попросил Дык. - Перед отправкой сюда мы разучили стихи о верности, которые пришли из далекой России.

- Молодцы! - обрадовался Тханг. - Льенсо монам!2 - воскликнул он, подняв кулак. - Начинай, счастливый гость.

2 Советскому Союзу - десять тысяч лет!

- Их написал поэт Си-Ма-Нап, - сказал он и, вскинув голову, запел:

Я вернусь, если ты меня будешь
ждать,

Только ты должна очень хотеть, чтобы
я вернулся.

Жди, когда начнутся ливни желтые,
как лихорадка,

Жди, если даже на землю будет падать снег.

Голос чтеца оборвался на самой высокой ноте, он закрыл лицо руками и отвернулся.

х х х

Жаламбе скинул сорочку, подлил в тазик кипятку из термоса и нехотя сел за рабочий стол. Попробовав пальцем, не горячо ли, погрузил в воду набухшие от жары ноги.

Перед закрытым совещанием во дворце хотелось подобрать материал, рисующий секретную службу в более выгодном свете. Но хвастаться было нечем. Самую дееспособную агентуру переманили японцы, и контрразведка все больше уподоблялась тайной полиции. Причем в наихудшем провинциальном варианте. Конг превратился в типичного агента-двойника. Вполне вероятно, что он работал еще и на китайцев. Жаламбе запомнилась поговорка о листьях, краснеющих трижды в году. Он подозревал, что недалек день, когда виртуоз-оборотень переметнется к американцам. Морское сражение у атолла Мидуэй изменило соотношение сил на Тихом океане, и со дня на день могло начаться решительное контрнаступление. Затяжные бои за Гвадалканал показали, что японский блицкриг захлебнулся. Неизвестно еще, где раньше высадутся союзники: на Окинаве или здесь, в Индокитае. С открытием второго фронта в Европе они будто бы не очень спешили. Еще есть время сориентироваться и хорошенько взвесить решительный шаг. Русские переломили бошам хребет и в решительном темпе забирали обратно свои города. Как только они начнут брать чужие, англо-американцы поспешат им навстречу. А это значит, что рано или поздно де Голль вступит во Францию.

Жаламбе раскрыл досье, заведенное на генерала Мордана. Еще год назад собранных контрразведкой материалов было бы вполне достаточно, чтобы, по меньшей мере, сорвать с него золотое шитье. Какое счастье, что Жаламбе удержался тогда от соблазна! Никогда не следует сжигать за собой мосты. И американских агентов он тоже поостерегся передать в руки японцам! Недалек день, когда это ему зачтется. Однако нужно сосредоточиться на Мордане...

Все эти годы Мордан продолжал тайно сноситься с представителями Свободной Франции. Не далее как неделю назад он встретился с деголлевским эмиссаром, который спустился на парашюте в районе Халонга. Жаламбе знал, что Деку тоже какими-то путями проведал об этой встрече, но ничего не предпринял. Это ли не знамение времени? Неужели хитрец вздумал переметнуться? Отчего бы и нет? Ему надо спешить. Он слишком тесно связан с Дарланом, чтобы позволить себе дожидаться, когда пробьет без четверти двенадцать.

Жаламбе принялся изучать последние декреты генерал-губернатора. Деку явно старался поднять престиж феодальной монархии и мандарината. Он реставрировал дворец в Хюэ, восстановил старинные церемонии, столичная пресса начала широко пропагандировать всевозможные выставки, литературные конкурсы и народные ремесла.

Что ж, подобные меры были разумны, и любая власть поставит их генералу в заслугу.

Вызывало недоумение другое. Уравнивая туземцев в правах, расширяя школы, Деку не только делал упор на моральное и патриотическое воспитание, но и рьяно насаждал культ Петэна. Этого Жаламбе и не мог понять. Неужели адмирал не видел, что дни "национальной революции" сочтены? Едва ли. Иначе бы он нашел возможность поставить контрразведку в известность о махинациях Мордана.

"Ставить на двух лошадей сразу? - спрашивал себя Жаламбе и вновь был вынужден констатировать: - Почему бы и нет?"

Жаламбе понял, что ему не стоит спешить. Он будет держать равнение на адмирала. Такой человек не упустит спасительного мгновения и, не теряя лица, перейдет на службу новой власти.

Что могут поставить ему, Жаламбе, в вину, если, не дай господь, настанет столь тягостный час? Сотрудничество с японцами? Весьма проблематично. Пусть Свободная Франция воюет с хирохито, у Новой Франции с ним союз. А Франция едина, поэтому неизвестно еще, как будет. Какие-нибудь ходы всегда найдутся. Единственная улика - это картотека. Официально ему никто не приказывал передавать ее волкодаву Уэде. Все знали, но делали вид, что ничего не происходит. Умыли руки, короче говоря, соблюли невинность. Но это прежде всего касалось коммунистов. Весьма важное обстоятельство! Если только не случится мировая революция, оно сработает на него. Он хорошо делал свое дело, стараясь не особенно задевать соседей: гестапо, Сикрет Интеллидженс сервис, СИА1. Остается последний камень на шее: агентура. И этого не прощает никакое правительство. Даже Народный фронт. Он и сам не понимает теперь, как дал обвести себя вокруг пальца. Сложная и разветвленная паутина элементов АБ, которую его предшественники годами плели с необыкновенным терпением, попала в лапы Бульдога. Хорошо еще, что нет свидетелей. Впрочем, как это нет? Очень даже есть - Конг-оборотень, сам Бульдог и...

1 ЦРУ.

Итог получился неутешительным. Но в том и сила точного логического анализа, что, доведя до крайней точки падения, он указывает ранее незаметные тропки вверх. Период растрепанных чувств закончился. Жаламбе отыскал заветный путь.

Опрокинув тазик с остывшей водой, он прошлепал к сейфу, оставляя на розовом драгоценном паркете быстро высыхающие следы. Судя по отпечаткам, у него было плоскостопие. Вынув список явных японских агентов и прояпонски настроенной интеллигенции, он возвратился в кресло, допил неразбавленное "касси" и, схватив красный, остро отточенный карандаш, начал делать пометки. Сначала вычеркнул матерых профессионалов Волкодава, затем крупных политических деятелей, аристократов, связанных с принцем Дэ, и главарей религиозных сект. В сетях осталась мелкая рыбешка: явно скомпрометированные шпионы, подозрительные иностранцы, наиболее крикливые туземцы и несколько двойников. Эту категорию агентов он отметил особо, потому что знал о близости по крайней мере троих к гестапо. Как раз то, что нужно. Жаламбе злорадно ухмыльнулся.

Проставив гриф секретности, он вызвал дежурного.

- Гастон - Птичья морда, - благодушно проворковал он, - есть работа. Пусть срочно перепечатают и поднимут картотеку. К вечеру должны быть все адреса. Аресты произвести на рассвете.

- Слушаюсь, начальник.

- Постой, - удержал Жаламбе. - Только никакого радио! Ты понял? Японцы давно знают наш код. Пошли людей самолетом: Хайфон, Сайгон, Хюэ и Далат.

- А как же Винь и Намдинь? - спросил Гастон, проглядев список.

- Черт с ними, потом как-нибудь.

- Все одно не успеем.

- Тогда завтра. - Жаламбе устало поморщился. - Только чтобы одновременно. Акция должна быть внушительная - это главное. Если кто и сбежит под шумок - не беда. Усвоил?

- Вполне.

- Тогда валяй... Конг не звонил?

- Как сквозь землю стинул. Не иначе, ухлопали.
- Почему ты так думаешь? - осторожно спросил Жаламбе. - Хочешь? - Он постучал ногтем по бутылке. - Тогда садись.

- По-моему, коммунисты наступили ему на хвост. - Гастон взял с подоконника термос с колотым льдом. - Не могу без разбавки.

- Он сколько раз уходил... - неопределенно заметил Жаламбе. - Как же это?

- Точно не знаю, начальник. Надо у Виктора спросить.

- Гони его сюда.

"Случай спешит навстречу тому, кто действует", - подумал Жаламбе, оставшись один.

Развинченной походкой вошел хрупкий, изящный юноша с мечтательным лицом поэта. Несмотря на молодость, он восемь лет провел в Индокитае и заслужил репутацию талантливого контрразведчика. Ему поручали всегда наиболее тонкие операции, требующие игры воображения.

- Садись, Виктор. - С грубоватой фамильярностью Жаламбе обнял его за плечи и силой усадил на стул. - Хочешь? Прости, я забыл, что ты пьешь только кофе. Что там за история с Конгом? Я знаю, что Конг переметнулся к Уэде, и был очень удивлен, когда Гастон сказал, будто он опять выплыл. Это верно?

- Не совсем. - Виктор Лефевр откинул со лба прядь волос и небрежно бросил на стол папку. - Собственно, тут все материалы, патрон. Проглядите.

- Давай-ка вместе. Как ты на него вышел?

- Случайно. Цепочка тянется из Пулокондора. - Лефевр не скрывал томления и скуки. - Вы хотите со всеми подробностями, патрон? Началось с того, патрон, что мы перехватили записку. Пожалуй, вам лучше все-таки сначала взглянуть на нее.

- Я не понимаю этой дурацкой азбуки! - вспыхнул Жаламбе.

- Переверните страницу. Есть перевод.

- "Был у мамы. Почта цветов. Любопытный почтальон. Уточнить, не он ли повторил шутку с младшей дочерью. Плохо, если он". Понятно. - Жаламбе подпер щеку рукой и приготовился выслушать интересную историю. - Кто-то кого-то проверяет. Итак?

- Совершенно верно, патрон. Один наш старый знакомый...

- Постой, Виктор. - С непривычной для него живостью Жаламбе выхватил из папки записку. - Тут только копия. Где же оригинал? Вы взяли связного?

- Боже упаси. Что за кошмарное подозрение, патрон? Я не спускаю с него глаз.

- Отлично, мой мальчик! Именно это мне и хотелось узнать. Но я тебя слушаю, продолжай.

- Ни для кого не секрет, что на Пулокондоре не продается только свобода. Вернее, продается и она, но только за очень большие деньги. Сайгонские ребята поэтому берут на прицел всех визитеров и под благовидным предлогом устраивают им обыск. Порой попадают любопытные вещицы. Помните, патрон?

- Ты имеешь в виду типографию в джунглях?

- Не только. К сожалению, контрагенты тоже не слишком доверяют продажной охране. К подобной переписке они прибегают в самых крайних случаях, да и то соблюдают большую осторожность. Попробуй разберись в этой белиберде. - Лефевр притворно зевнул. - "Почта цветов", "Мамаша", "Дочка" - экий сентиментальный вздор. Правда, наши живодеры умеют развязывать языки, и порой нам удается узнать, что скрывается за таким лепетом. Но вы знаете, патрон, что я не одобряю подобных методов. Притом они не очень эффективны. Связной или умирает, ничего не сказав, или действительно ничего не знает. Зачем связному знать? Нонсенс. На счастье, в ту пору я оказался в Сайгоне как раз в тот момент, когда задержали паренька с этой запиской. Мне понравился ее инфантильный настрой, и я отпустил курьера, предварительно отчитав за легкомыслие. Остальное, как понимаете, было делом техники. Рассуждая от обратного, я размотал клубок и вышел на старого знакомого. Это некто Нго Конг Дык, монтер из "Сентраль электрик".

- Не помню, - наморщив лоб, покачал головой Жаламбе.

- А я помню. Костоломы из второго отдела испортили мне всю игру. Они так отделали бедного мальчика, что пришлось положить его в лазарет. Сейчас он отдыхает на Пулокондоре.

- Далее, - нетерпеливо бросил Жаламбе.

- Далее я взялся за записку. Вновь поднял дело о "Сентраль электрик" и нашел там милейший групповой снимок костюмированного бала. В костюме цветочного Гермеса был не кто иной, как господин Конг. Все стало ясно. "Сентраль электрик" - "Мамаша", а "Дочь", вернее, дочернее предприятие - "Юзин электрик" в Намдине. Именно там с моей помощью Конг, предварительно погрузив весь город во тьму, угнал в джунгли состав с рисом. Бесподобное предприятие, снискавшее ему славу героя и любовь товарищей. Видите, как просто. Правда, должен сознаться, что чертовски помогла фотография. Сентиментальные забавы юных электриков и хорошеньких продавщиц, оказывается, тоже приносят пользу. Итак, стало совершенно ясно, что Конга проверяют, а когда проверят, попытаются убрать. Поскольку теперь он не наш человек, можно даже сказать - совсем не наш человек, я предпочел выждать.

- Умница! Вы всегда были умницей, господин Лефевр! - впервые в жизни Жаламбе обратился к подчиненному в вежливой форме.

- Что с вами, патрон? - удивился Лефевр.

- Я очень доволен тобой. - Жаламбе с облегчением вздохнул. - Предоставим мальчишку Конга его судьбе.

- Я так и подумал, - по-своему понял его Лефевр. - Когда свершится то, что должно свершиться, мы цап-царап - и вытащим мышку из норки. По-моему, хорошая ожидается мышка.

- В самом деле? - встрепнулся Жаламбе. - Куда привели следы?

- Прямохонько в Пагоду Благоуханий.

- Опять "Красный бамбук"?

- Похоже на то, патрон.

- Жаль, - огорчился Жаламбе. - Мне бы не хотелось вновь сталкиваться с буддистами. Принц Кыонг Дэ раззвонил о том случае на весь мир.

- Не надо преувеличивать, патрон. Я уже планирую охоту. Дичь того стоит. Постараемся взять без излишнего шума.

- В этих горах и пещерах? Ты с ума сошел, мой бедный Виктор.

- Ничуть. Не забывайте, что теперь мы станем ловить на живца. Неужели не выманит на такую приманку, как Конг? Быть того не может.

- Думаешь, он сам захочет убрать Конга?

- Все равно будет пожива, а там, глядишь, и новый след обнаружится.

- Что ж, твоя логика, как всегда, безупречна... Действуй, в таком случае.

- Значит, даете благословение?

- Разумеется. Не понимаю, почему ты раньше молчал.

- Хотелось собрать побольше фактов. - Лефевр бросил на патрона насмешливый взгляд. - Не думал, что вы так скоро дадите себя уговорить. Учитывая деликатность момента... - Он не договорил.

- Что ты имеешь в виду?

- Господина Уэду.

- Мы не в ответе за действия коммунистов. - Жаламбе бросил папку на стол. - Возьми. Не говоря уже о том, что я полчаса назад отдал приказ об аресте японских шпионов по всей стране. Только это пока сугубо между нами.

- Ну! - не поверил Лефевр. - Неужели началось?

- Да, мой мальчик, считай, что битва за Францию в Индокитае началась! - напыщенно изрек Жаламбе, почесывая грудь. - Тебя не шокирует мой вид?

- Ну, что вы, патрон, я привык.

х х х

Вем угостил дорогого гостя сваренным в стволе бамбука рисом, приправленным бальзамкой. Извинился за скверный рыбный соус, красноватый и мутный.

- Обойдемся без него. Дрянной соус - не приправа к свиным почкам, - пошутил Танг. - Был бы рис.

- Плохо с рисом. Отнимают у людей последнее. Ни на что внимания не обращают. Плевать им на засуху, на неурожай, скидки не жди. Я слышал, что крестьянам приходится покупать рис на черном рынке?

- Так обстоит дело почти повсюду, чу, - подтвердил Танг. - Люди продают с себя все, только бы выполнить поставки. Чтобы предотвратить голод, мы призвали народ захватывать продовольственные склады. Отряды спасения родины раздают по деревням почти весь отобранный у врага рис.

- Трудное это дело. Кругом шпионов понасажали. За каждым зернышком следят: сколько, мол, и откуда.

- За этим, собственно, я и пришел, дядюшка. Нужна ваша помощь. - Танг разложил крупномасштабную карту и прибавил света в лампе. - Лягушки-то как раскричались. - Он прислушался к трубному мычанию в прибрежных лугах. - Я сперва подумал, что это буйвол ревет.

- Радуются, что пришли дожди. Спасения от них нет. Так и лезут на баркас. Я, конечно, не против: мясо у них белое и нежное. Только надоели.

- Значит, так, чу, - Танг отогнал надоевшего комара, - пришел час расплаты. Лисица, которую мы вырастили, разоблачена. Подозрения нашего Дыка подтвердились.

- Кто этот оборотень? - спросил Вем, сцепив задрожавшие пальцы.

- Через пять дней он придет сюда. - Танг указал место на карте. - Проток Иен перед переправой Дук.

- Я возил туда моих детей. Счастливого было время...

- Мы встречались с Дыком на горе, а предатель будет ждать на мосту за островом. Он осторожен и сам выбрал место встречи. Я понимаю, чем он руководствовался.

- Да, туда незаметно не подойдешь. - Вем склонился над картой. - Река, обтекающая остров, кругом болота, а мостик отовсюду виден как на ладони.

- В этом вся трудность, чу. Это ловушка. Жандармы наверняка спрячутся у переправы и в зарослях на горе. От моторных лодок не скроешься. Вся надежда на ваш опыт.

Старик долго смотрел на карту, освещенную красноватым керосиновым язычком, словно надеялся прочесть на ней свою судьбу.

- Я вот что надумал, ученый человек, - поднял он глаза на Танга.

- Пустите меня. Отомстить палачу за моих детей я должен сам. Да и жить мне осталось недолго. Пусть жизнь завершится достойно.

- Такая работа не для вас.

- Почему? Даже уродливый, как черт, может волочиться за девушками. Справлюсь.

- А как же Будда?

- Он все поймет.

- Что ж, дядюшка, - Танг кивнул с печальной улыбкой, - если вы твердо решили, не стану отговаривать. Отправляйтесь на реку Дай. Только с одним условием. Я не хочу посылать вас на верную смерть. Попробуйте придумать что-нибудь получше. Никогда не поверю, чтобы старый ловец водяных змей не нашел способа незаметно подобраться к врагу. - Сложив карту, он передал ее Вему. - Поищите, дядюшка, а я к вам завтра зайду.

- Нечего ждать до завтра, - проворчал старик. - Я и так знаю все, что нужно.

С наблюдательной вышки у переправы Дук хорошо была видна залитая водой низина протока Иен. Сквозь дождевую дымку проступали деревья на дамбе и желтый извив ручья, раздваивающегося перед островом, за которым смутно чернела трапеция бревенчатого мостика.

- Не повезло нам с погодой, - сказал Жаламбе, тщательно протирая окуляры бинокля. - Все смазано. Прямо как нарочно.

- Вы слишком мрачно настроены, патрон, - возразил Виктор Лефевр, - не стоит портить кровь из-за шального муссона. Денек не так уж плох. Не ливень - и то слава богу. Пусть себе капает. Уж как-нибудь человеческую фигуру не проглядим.

- Все разлилось, взбухло. Могут и ускользнуть.

- Куда им деться? Лодка - не иголка. Притом на равных с нами, патрон. Для выстрела им придется подойти ближе.

- Более удобного места не нашлось? - буркнул Жаламбе, прикивая к биноклю. - На горе могут не увидеть ракеты.

- Мне казалось, что Конг представляет для вас вспомогательный интерес. - Лефевр прикурил от окурка новую сигарету. - Когда хочешь выгнать зверя, лезешь к нему в логово. - Он приставил бинокль к глазам. - Его еще нет? Ну что ж, наберемся терпения. Я почему-то не сомневаюсь, что Конг придет.

- Он ничего не заподозрил?

- Кто его знает. Мне пришлось идти ва-банк. Иначе бы мы просто не узнали, где состоится столь нежное рандеву.

- И не надо, - сплунул Жаламбе. - Коммунисты превосходно обошлись бы без нашей помощи. Поймаем мы кого или нет, еще неизвестно, а Конга твоя непомерная щедрость могла насторожить.

- Щедрое обещание, патрон, не щедрость. Я искренне надеюсь, что мне не придется отсчитать ему две тысячи пиастров. Но пообещать пришлось. Только так удалось уговорить его еще разок поработать на старушку Марианну!¹ Да заодно и рот заткнуть. Едва ли он проговорился об этом Уэде.

¹ То есть на Францию.

- Почему?

- Кэмпзйтай в таком случае не преминула бы вмешаться, это сорвало бы операцию. Нет добычи - нет и денег. Я дал ясно понять, что монах нужен мне лично... Из карьеристских соображений.

- Человека, который способен швырнуть на ветер две тысячи, едва ли ждет успешная карьера.

- Не будьте сквалыгой, патрон. Зачем мертвецу деньги?

- Ты так уверен в успехе?

- Коммунисты рискуют много больше нас. Надеюсь, они не промахнутся.

- А если?

- Тогда Уэда может узнать о наших шалостях, и вам придется меня прикрыть, - меланхолично ответил Лефевр.

- Меня бы кто прикрыл, - огрызнулся Жаламбе. - Хорошо тебе рисковать, богатенькому наследничку. Тоже мне игрок?

- Разве у нас есть где поиграть? - Лефевр курил сигарету за сигаретой. Волнение он прикрывал бесшабашной бравадой. - Настоящая игра только в Гонконге или в Макао. Вот бы махнуть на недельку в Гонконг, пока там еще сидят наши японские союзнички... Стоп, патрон! - Он крепко сжал плечо Жаламбе. - Будь я проклят, если это не так! Слева от острова!

- Где? - Жаламбе навел бинокль в указанную точку.

На глинистой ленте ручья различался челнок и гребец в нем, ловко орудующий кормовым веслом. Скрываясь порой за травами, челнок заметно приближался к мосту.

- Почему ты думаешь, что это именно он? Дьявольщина! Словно с неба свалился.

- Наверняка скрывался где-нибудь в зарослях. Осматривался. Он всегда был чертовски осторожен. Клынул все-таки, каналья.

- На нем, кажется, коническая шляпа. Это, часом, не вьетминец?

- Не смешите меня, патрон. Они не явятся первыми на подобное рандеву. Тоже небось прячутся в какой-нибудь заводи. Придется нам попотеть, прочесывая такое болото.

- Лишь бы все сошло. - Жадамбе поменял руку на бинокле. - Теперь я вижу: это действительно он.

Когда на мосту возникла фигура в шляпе нон, старый Вем начал раздеваться. Спрятав одежду от дождя под широкими листьями, он прижал к животу деревянное ложе арбалета и с усилием натянул тугую, сплетенную из волокон лианы тетиву. Затем сунул в рот тростниковую трубочку и, лежа на спине, сполз по мокрой траве в воду. Она приняла его без всплеска.

Жаламбе и Лефевр не выпускали биноклей. Конг стоял к ним спиной, ожидая, видно, что лодка появится из-за поворота со стороны Пагоды Благоуханий. Положив локти на деревянный брус, он глядел в беспокойную мутную реку, пронизанную отвесными спицами дождя.

- Что-то они не торопятся, - выказал признаки нетерпения Лефевр, бросая недокуренную сигарету. - Пора бы уж и появиться.

- Появятся, - уверенно изрек Жаламбе. - Другого пути у них нет.

- Наконец вы воздали мне должное. Благодарю, патрон. - Лефевр зарядил ракетницу. - Скорее бы, что ли.

- Мне тоже не терпится быстрее промочить глотку.

Но прошел час, а на мосту ничего не изменилось. У людей на вышке затекли руки. В глазах, покрасневших от напряжения, замелькали назойливые стеклянистые червячки.

- Если так будет продолжаться, он уйдет, - сказал Лефевр, опуская руки. Придерживая бинокль на груди, сделал несколько энергичных приседаний. - Давайте наблюдать по очереди, патрон.

- Заткнись, - уронил Жаламбе, не повернув головы. - Если они так и не появятся, то придется тебе это взять на себя.

- И не подумай, патрон. Вы же знаете, что я не мастак на такие штучки.

- А если я тебя очень попрошу?

- Неужели вы настолько боитесь Уэду? По-моему, нам давно пора перестать пресмыкаться перед японцами. Чем дальше, тем их дела идут все хуже и хуже. Американцы перешли в наступление на Маршалских островах. Того гляди, начнут бомбить Индокитай. Тут уж не до государственного переворота, которого так боится наш милый Жан.

- Еще один политик на мою голову выискался. Если ты не хочешь, чтобы тебя прижали за старые грешки, а это можно сделать хоть сейчас - сам знаешь, - он не должен уйти отсюда живым. Учти, Виктор. Ты меня знаешь.

- Хватит страшать! - Лефевр топнул ногой. - Приказы отдавать легко. А как это сделать? Как? - Он почти кричал. - Вы же знаете Конга! Он всадит в меня отравленную деревяшку, едва я успею схватиться за пистолет. Дайте пару жандармов с автоматами, и я привезу его труп.

- А что потом станешь делать с этими жандармами? Постой! - испуганно вскрикнул Жаламбе. - Что же это такое?! - трясущимися пальцами он протер линзы. Человек на мосту исчез. - Я же не сводил с него глаз! Не мог же он растаять в воздухе?

- Почему бы и нет? - Лефевр быстро обрел прежний дерзко-иронический тон. - По-моему, вы плохо протерли стекляшки, патрон. Дело сделано. Он валяется на бревнах настила.

- Но это невысказано! - Жаламбе обдало жаром. - На расстоянии выстрела из снайперской винтовки никого не было. Готов дать голову на отсечение!

- В таком случае, ее уже нет у вас на плечах. - Лефевр пустил малиновую ракету. - Быстрее на катер!

Вздвигнув от выстрела, Жаламбе взглядом проследил за извилистой дымовой линией.

Видит бог, он скромный человек и не требует от судьбы слишком многого. Меньше всего он был расположен сейчас кого-то ловить. Чутье подсказывало, что не следует создавать вокруг убийства переметнувшегося элемента большой шум.

Уже в моторке, которая неслась, заливая низкие берега мутной волной, он еще раз взглянул в бинокль, но ничего не увидел, кроме бескрайнего травяного поля под тихим дождем.

Когда они, зачалив катер за сваи, взбежали на мост, послышалось тарахтенье моторов. Это мчались моторки с жандармами, сидевшими в засаде у подножия горы. Все шло по плану. И ракету увидели, несмотря на дождь, и вовремя поспели к мосту, чтобы захватить неприятеля с двух сторон. Только некого оказалось окружать.

Конг лежал ничком, разметав сведенные судорогой руки.

- Вот оно как, - вздохнул Жаламбе, обнаружив в затылке бамбуковую стрелу с оперением из пальмового листа.

- Выстрел, очевидно, произведен из-под воды, - констатировал

Лефевр. - Слышал я о таких фокусах, а видеть не приходилось.

- Теперь любуйся, сопляк! - взорвался Жаламбе, играя на публику.

- Такого человека не уберегли. А?

Разыграв свою партию, он позволил себе на минуту забыть про третьего партнера - японскую секретную службу. Это была роковая ошибка.